И.В. Лозинский

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. В. Лозинский

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

УДК 343.37
ББК 67.99(2)8
Л72

Рецензенты:
С.А. Елисеев – зав. кафедрой уголовного права Юридического института Томского государственного университета, д-р юрид. наук, профессор,
И.А. Никитина – зам. директора Юридического института Томского государственного университета, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, канд. юрид. наук

Научный редактор –
В.А. Уткин, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, директор Юридического института Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета

Лозинский И.В.

Л72 Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 168 с.

ISBN 978-5-7511-2172-3

Рассматриваются теоретические и прикладные проблемы, возникающие при реализации как принципов криминализации, так и правил законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Подробно исследуется содержание указанных принципов и правил в обозначенной сфере. Проводятся изучение и анализ практики применения судами уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение экономических преступлений. На основании этого автором формулируются предложения по совершенствованию данных уголовно-правовых норм.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и практических работников

УДК 343.37
ББК 67.99(2)8

ISBN 978-5-7511-2172-3

© И.В. Лозинский, 2013

ВВЕДЕНИЕ

Одной из крупных новелл уголовного законодательства России XX в. является глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Большинство содержащихся в ней уголовно-правовых запретов не были известны ни уголовному законодательству, ни уголовно-правовой науке, ни правоприменительной практике советского периода.

Указанная глава – одна из самых динамично развивающихся глав Уголовного кодекса РФ. За последние пять лет было принято четырнадцать федеральных законов, изменявших и дополнявших положения главы 22 УК РФ (от 09 апреля 2007 г., от 13 мая 2008 г., от 28 апреля 2009 г., от 29 июля 2009 г., от 30 октября 2009 г., от 27 декабря 2009 г., от 07 апреля 2010 г., от 19 мая 2010 г., от 17 июня 2010 г., от 01 июля 2010 г., от 27 июля 2010 г., от 20 июля 2011 г., от 07 декабря 2011 г., от 29 ноября 2012 г.). За это же время произошло существенное обновление экономических отношений, являющихся объектом уголовно-правовой охраны (федеральные законы «О конкуренции» 2008 г., «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» 2009 г. и др.).

Активная защита законодателем рыночной экономической деятельности сыграла положительную роль в становлении экономики переходного периода. Однако в современных условиях принятые ранее законодателем уголовно-правовые решения не только не способствуют развитию рыночных экономических отношений, но и препятствуют ему. Причины этого следующие.

Во-первых, большинство новелл вводились «интуитивным» путем. На момент принятия УК РФ 1996 г. не было четкого и однозначного представления о сущности уголовной политики в сфере экономических

отношений, поскольку были малопонятны сами пути и перспективы их развития. Во-вторых, отечественная наука в то время мало чем могла помочь законодателю. Теоретические исследования в большинстве своем опирались на достижения советской уголовно-правовой мысли, имевшей совершенно иные представления об экономической деятельности – подавление любой частнопредпринимательской инициативы, отсутствие конкуренции, тотальное государственное регулирование хозяйственных процессов. Поэтому многие новеллы появились в результате некритического воспроизведения аналогичных норм уголовного законодательства развитых зарубежных стран. Все это не могло не сказаться на качестве норм главы 22 УК РФ. Постоянные изменения и дополнения её статей, их заслуженная многочисленная критика в юридической литературе и средствах массовой информации свидетельствуют о накопившихся проблемах.

Данный подход при криминализации деяний в сфере экономики является опасным, поскольку рыночные отношения – довольно «чувствительная» сфера, требующая осмысленного и научно разработанного инструментария. С одной стороны, он позволит исправить существующее неудовлетворительное уголовно-правовое регулирование в сфере охраны экономических отношений, с другой – будет способствовать недопущению ошибок при установлении новых уголовно-правовых запретов.

В юридической литературе известны попытки, направленные на совершенствование уголовного законодательства в сфере экономической деятельности. За время действия УК РФ 1996 г. появилось огромное количество исследований, посвященных преступлениям в рассматриваемой сфере. Были написаны статьи и монографии, защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций. В них вносятся самые разные предложения – от совершенствования всей системы норм главы 22 УК РФ до более частных. Все они заслуживают внимания, поскольку направлены на развитие уголовного законодательства в сфере охраны экономической деятельности. Но для законодателя значимы не столько частные случаи корректировки уголовного закона, сколько принципиальные теоретические модели развития уголовного законодательства в целом.

Теоретические модели развития уголовного законодательства в сфере охраны экономической деятельности должны опираться на разработанные в теории уголовного права и криминологии положения об объекте преступления, принципы криминализации общественно опасных деяний. Но и этого недостаточно. Одно дело выявить и учесть об-

щественную опасность деяний, посягающих на экономические отношения, установить соответствие уголовно-правовых запретов принципам криминализации, другое – правильно сформулировать эти запреты, чтобы их смысл был понятен любому гражданину, предпринимателю, не имел различных неоправданных юридических трактовок. И в этой связи, кроме принципов криминализации деяний, важны технико-юридические аспекты конструирования уголовно-правовых запретов.

Нельзя переоценить значимость работ В.М. Алиева, Д.И. Аминова, А.А. Аслаханова, А.Б. Баранова, А.Г. Безверхова, А.И. Бойцова, Г.Н. Бортенкова, В.А. Ванцева, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, А.П. Горелова, Ю.Н. Демидова, А.Э. Жалинского, Л.В. Иногамовой-Хегай, О.Г. Карповича, И.А. Клепицкого, С.П. Коровинских, А.Г. Корчагина, С.М. Кочои, Н.Ф. Кузнецовой, В.Д. Ларичева, Н.А. Лопашенко, А.И. Лукашова, С.В. Максимова, И.Ю. Михалева, А.В. Наумова, И.А. Никитиной, П.Н. Панченко, Т.В. Пинкевич, В.И. Плоховой, Т.Ю. Погосян, Г.А. Русанова, П.А. Скобликова, М.В. Талан, В.И. Тюнина, С.В. Устиновой, Т.Д. Устиновой, И.В. Шишко, Е.В. Эминова, П.С. Яни, О.Ю. Якимова и многих других ученых. Однако большинство высказанных ранее предложений не рассматривались через призму общих и специально-правовых принципов криминализации во взаимосвязи с технико-юридической стороной конструирования норм уголовного права.

Существует значительная часть исследований по общим вопросам криминализации деяний (Ю.И. Евстратов, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Л.М. Прозументов, В.Д. Филимонов, А.В. Шеслер и др.), в том числе и в сфере криминализации преступлений в области экономики (А.Д. Антонов, В.М. Есипов, А.А. Крылов, Д.Г. Макаров и др.). Однако они были выполнены еще в советский период, поэтому не могли учесть специфики современных экономических отношений. Сегодня исследования в области криминализации деяний большей частью имеют чрезмерно общий характер и не показывают специфики криминализации экономических отношений, в том числе пределов государственного уголовно-правового вмешательства в экономику, критериев такого вмешательства.

В итоге разработанные наукой уголовного права и криминологией принципы криминализации в области уголовно-правовой борьбы с экономическими преступлениями пока еще не получили должного применения. Прежде всего, это касается теоретического подтверждения этих принципов, их применимости, правильности и обоснованности к конкретным сферам уголовно-правовых отношений, в данном случае –

к регламентируемым главой 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

В теории права предпринято много исследований законодательной техники. Среди них – работы С.С. Алексеева, Е.В. Благова, А.В. Васильевского, Н.А. Власенко, Д.А. Керимова, Т.В. Кленовой, В.М. Корельского, П.А. Кобзева, С.В. Козлова, Л.Л. Кругликова, Т.А. Лесниевски-Костаревой, М.Н. Марченко, Р.В. Маркизова, Т.Н. Москальковой, В.Д. Перевалова, Ю.А. Тихомирова, А.П. Черданцева, В.В. Черникова, Д.В Чухвичева и др. Однако они преимущественно посвящены приемам конструирования норм регулятивных отраслей права. Современных работ о специфике конструирования уголовно-правовых запретов крайне недостаточно. Исключениями являются работы И.Н. Боковой, В.Ф. Лапшина, Ф.А.-О. Мурзаева и некоторых других исследователей.

Настоящая работа посвящена обобщению научных представлений по совершенствованию уголовного законодательства в сфере охраны экономических отношений, анализу правоприменительной практики, определению общих направлений реформирования уголовного законодательства через призму принципов криминализации общественно опасных деяний и положений законодательной техники.

Исследование обозначенных проблем проводится на основе систематизации и обобщения научных представлений по вопросам совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, установления критериев необходимого и достаточного уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности, адаптации научных представлений о криминализации деяний к криминализации общественно опасных деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, интерпретации и использования результатов теоретических исследований в области законодательной техники применительно к особенностям конструирования норм главы 22 УК РФ, разработки рекомендаций по совершенствованию законодательного регулирования в области охраны экономической деятельности.

1. Уголовно-правовая охрана экономических отношений в Российской Федерации

1.1. Экономические отношения как объект уголовно-правовой охраны

За время действия УК РФ 1996 г. в юридической литературе сложились разные, даже прямо противоположные, представления об объекте преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ. Отчасти это обусловлено размытой формулировкой законодательного определения объекта главы 22 УК РФ. Существуют и другие причины, среди них относительная новизна современных экономических отношений для российской юридической мысли. Подавляющая часть преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, являлись новеллами для правоприменительной практики и требовали глубокого научного и теоретического обоснования. Одной из главных причин является доктринальная «инерция», в результате которой объект преступлений в сфере экономической деятельности именуется так же, как и в советской юридической литературе, но без употреблений слов «советский», «социалистический» и т.д. Разные трактовки объекта преступлений главы 22 УК РФ вызваны и «молодостью» общественных отношений, требующих уголовно-правовой охраны.

Новизна, динамичность, непредсказуемость развития самих экономических отношений вызывают самые разные суждения в экономической и юридической литературе о степени и характере государственного, в том числе и уголовно-правового, вмешательства в экономику, основаниях и пределах криминализации деяний в сфере экономики, уголовной политики в сфере экономики в целом.

Большинство российских специалистов трактуют объект преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, с широких позиций. А.М. Медведев пишет, что «экономические преступления посягают на экономику, права и свободы, потребности и интересы участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического

(хозяйственного) механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам материальный ущерб»[1]. Позиция А.М. Медведева заслуживает внимания, поскольку в ней сделан акцент на предмете общественных отношений – потребностях и интересах участников экономических отношений. Однако неясно, кто конкретно ими является. Подобная неопределенность позволяет отнести к ним домохозяек, дворников, адвокатов, рабочих, служащих, предпринимателей и т.д., а также взяточников, воров, наемных убийц и т.п., коммерческие и некоммерческие организации, крестьянско-фермерские хозяйства, садоводческие кооперативы, общества казаков и т.п., а также «неформальные» структуры – сообщества маргиналов, организованные преступные группы и преступные сообщества. Все эти субъекты в той или иной степени являются участниками экономических отношений. А.М. Медведев также оставляет без ответа вопрос о том, какие конкретно права, свободы, потребности и интересы участников экономических отношений должны защищаться. С этих позиций к преступлениям в сфере экономической деятельности можно отнести практически любые деяния, предусмотренные в УК РФ, ибо они все в той или иной степени посягают на права, свободы, потребности и интересы участников экономической деятельности. Торговля людьми, торговля органами человека, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот оружия, взяточничество имеют «теневой» характер, создают «теневую» экономику со всеми вытекающими неблагоприятными микро- и макроэкономическими последствиями. Данный подход является крайне размытым и не позволяет точно определить объект преступлений главы 22 УК РФ.

Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов под объектом экономических преступлений понимают «общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность, под которой понимается «совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ»[2]. Аналогичное определение объекта экономических преступлений было

---

[1] *Медведев А.М.* Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 81.

[2] *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 16–17.

дано в работах Б.В. Волженкина[3], Л.Д. Ермаковой[4], И.А. Клепицкого[5], В.В. Колесникова[6], Т.В. Пинкевич[7], Р.В. Рывкиной[8], С.И. Улезько[9], А.М. Яковлева[10], Б.В. Яцеленко[11] и др. Положительным в широкой трактовке объекта преступлений в сфере экономической деятельности является стремление авторов охватить данным определением довольно разнородную группу преступных деяний: от воспрепятствования должностным лицом законной предпринимательской деятельности до налоговых преступлений. Все преступления главы 22 УК РФ посягают в той или иной степени на общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность в сфере обмена, потребления, распределения и производства материальных благ.

Рассмотренная позиция лишена логики. Возникают следующие вопросы. Во-первых, почему законодатель сгруппировал в главе 22 УК РФ только часть деяний, посягающих на «совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, потребления материальных и иных благ»? Почему экологические преступления, которые самым непосредственным образом нарушают все звенья экономики, расположены в совершенно другой главе УК РФ[12]? Во-вторых, считать ли преступления, предусмотренные в других главах УК РФ, преступлениями, посягающими на общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность в сфере обмена, потребления, распределения и производства материальных благ – нарушение правил дорожного

---

[3] *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С.76-77.

[4] *Уголовное* право Российской Федерации. Часть Особенная: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2004. С. 210.

[5] *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 48.

[6] *Колесников В.В.* Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты. СПб., 1994. С.52.

[7] *Пинкевич Т.В.* Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. Ставрополь, 2000. С. 31.

[8] *Рывкина Р.В.* От поверхности до дна – мысль одна: Экономическая преступность в России.// ЭКО. 1997. № 7. С.146.

[9] *Улезько С.И.* Объект преступлений в сфере экономической деятельности. Постановка проблемы // Юридический вестник. 1998. № 1. С. 70.

[10] *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1988. С. 9.

[11] *Уголовное* право России. Часть Общая и Особенная: учебник / Под ред. А.И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 399.

[12] Глава 26 УК РФ. Данная Глава УК РФ расположена в Разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»

движения и эксплуатации транспортных средств, компьютерные преступления и т.д.? Ведь все эти деяния причиняют колоссальные экономические убытки гражданам, организациям, государству. Если признать их таковыми, то почему они расположены в других главах и разделах УК РФ? В-третьих, по каким критериям законодателю криминализировать и декриминализировать деяния, поскольку любое деяние в той или иной степени посягает на «общественные отношения, обеспечивающие экономическую деятельность, под которой понимается «совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ»[1]. Как объясняется декриминализация ст. 200 УК РФ? Ведь данное деяние посягало на отношения обмена товарно-материальных благ. Возникают и другие вопросы. Но даже этих вопросов достаточно, чтобы сделать вывод, что рассматриваемое определение объекта преступлений лишено последовательности, нарушает правила логики, не дает ответа на все указанные выше вопросы и вряд ли сможет дать на них ответы в будущем.

Более того, теоретическая конструкция объекта преступления как «совокупности всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ» является отголоском советской уголовно-правовой мысли. В советских учебниках по уголовному праву отмечалось, что «объектом хозяйственных преступлений является порядок хозяйствования, установленный Советским государством, обеспечивающий нормальное функционирование социалистического хозяйства. Особенностью хозяйственных преступлений является то, что они совершаются в материальной сфере жизни общества, т.е. в сфере производства, распределения и использования материальных благ»[2].

Суждения советских ученых имели серьезные основания. В ст. 16 Конституции СССР 1977 г. говорилось, что «экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны»[3]. Данные стадии представляют собой единый процесс социали-

---

[1] *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. С. 16–17.

[2] *Курс* советского уголовного права. Особенная часть / Отв. ред. проф. Н.А. Беляев. Л., 1978. Т. 4. С. 5.

[3] *Конституция* (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года). М., 1985. С. 11.

листического расширенного воспроизводства. «Взаимосвязь этих стадий определяет важность и необходимость каждой из них в расширенном социалистическом воспроизводстве. Без производства нет потребления, и наоборот. Однако и они не могут существовать без связующих звеньев – распределения и обращения. В свою очередь, нарушение нормального функционирования экономического механизма на каждой из этих стадий лихорадит весь «кругооборот», сказывается на социалистическом расширенном воспроизводстве. ...Каждая из этих стадий «кругооборота производства» функционирует в строгом соответствии с принципами, обязательно соответствующими содержанию экономических законов социализма и вытекающими из них. Нарушение данных принципов безотлагательно сказывается на ритме «кругооборота» и, в конечном счете, причиняет ущерб социалистической системе хозяйства»[1].

Советское уголовное законодательство была направлено на защиту системы социалистического хозяйства, когда государство производило государственную продукцию в государственных организациях; оно же реализовывало свою продукцию через сеть государственных магазинов; оно же распределяло свою продукцию по государственным ценам. Вмешательство в этот процесс по существу рассматривалось как посягательство на интересы государства[2]. Для защиты этого интереса была создана группа уголовно-правовых норм, запрещавшая частным лицам брать на себя народнохозяйственные функции государства, подменять собой государство. Так, объектом частнопредпринимательской деятельности являлись социалистические формы организации и ведения хозяйства[3], объектом коммерческого посредничества – отношения планового и рационального распределения материальных ресурсов и отношения

---

[1] *Таций В.Я.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. М., 1979. С. 80.

[2] См. *Правовые* меры борьбы с нетрудовыми доходами: учеб. пособие / Под ред. д-ра юрид. наук Л.М. Колодкина. М., 1989; *Галахова А.В.* Уголовная ответственность за хозяйственные преступления: вопросы квалификации. М., 1987; *Леонтьев Б.М.* Ответственность за хозяйственные преступления. М., 1963 и др.

[3] *Лысов М.Д.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1967. С. 12.

оплаты по труду в социалистическом обществе[1], объектом спекуляции – основы советской торговли и интересы потребителей[2] и т.д.

Имеющаяся в юридической литературе широкая трактовка объекта преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, обусловлена еще и тем, что законодатель определяет объект преступлений в сфере экономической деятельности очень широко. По букве уголовного закона, объектом главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» является «экономическая деятельность». В учебниках по экономике «экономическая деятельность» или «хозяйственная деятельность» («хозяйственная жизнь») раскрывается как «деятельность людей, связанная с обеспечением материальных условий их жизни», «удовлетворением потребностей людей в различных экономических благах»[3]. В современных экономических словарях под «экономикой» понимается «хозяйство, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда»[4]. Иными словами, к преступлениям в сфере экономической деятельности можно отнести любые виды деятельности, которые способствуют удовлетворению потребностей людей.

Следует отметить и более глубинные причины широкой формулировки главы 22 УК РФ. Данная глава разрабатывалась и «комплектовалась» в условиях зарождения рыночной экономики. В начале 1990-х гг. не только обычным гражданам, но и большинству правоведов и экономистов не совсем были понятны принципы рыночной экономики, пути и перспективы капиталистического развития общества и государства. Закономерно, что в литературе состояние экономики и права 1990-х гг. называют «экономикой переходного периода» и «правом переходного периода». «В декабре 1991 г. СССР, а вместе с ним и советская экономическая система прекратили существование. Перестройка закончилась неудачей не только из-за застарелых проблем советской экономики, которые вырвались наружу после ослабления административного кон-

---

[1] *Таций В.Я.* Ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество. М., 1979. С. 83–84.

[2] *Сташис В.В.* Борьба со спекуляцией по советскому уголовному праву: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1954. С. 8.

[3] *Экономика*: учебник / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.С. Булатова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 5, 52.

[4] *Современный* экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 476.

троля, и отсутствия последовательно реализуемой концепции реформирования. Развал советского народного хозяйства на рубеже 1980–1990-х гг. продемонстрировал решающую роль институционального фактора – иными словами, состояние государства, общественных институтов, законодательства и правопорядка – в процессе экономических перемен. В последние годы существования СССР государственная власть утратила способность собирать налоги, контролировать денежную массу и обеспечивать соблюдение хозяйственного законодательства. Реформы потеряли управляемость. Это обернулось тем, что после ослабления командно-административной системы наступил экономический хаос»[1].

Мероприятия, предпринятые на современном этапе российской экономики, разработанное в последние годы законодательство в сфере народного хозяйства стабилизовали указанные выше негативные проявления «экономики и права переходного периода». С 1991 г. приняты тысячи нормативных актов, направленных на регулирование рыночных капиталистических отношений. Более того, сегодня высшими органами власти ставятся амбициозные задачи, разрабатываются долгосрочные экономические стратегии, концепции. В частности, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р утверждена «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». В этой Концепции отмечается, что «в середине текущего десятилетия в России в основном завершен переход к рыночной экономической системе. Создана система базовых правовых норм и других институтов, обеспечивающих развитие рыночных отношений. На повестке дня стоит задача повышения эффективности деятельности этих институтов». В разделе IV «Развитие экономических институтов и поддержание макроэкономической стабильности» к институциональной среде отнесены «политико-правовые институты, нацеленные на обеспечение гражданских и политических прав граждан, а также на исполнение законодательства», «экономические институты, то есть законодательство, обеспечивающее устойчивое функционирование и развитие национальной экономики. Современное экономическое законодательство должно обеспечивать экономический рост и структурную модернизацию экономики»[2].

---

[1] *Курс* экономической теории: учебник / Под общ. ред. проф. М.Н. Чепурина и проф. Е.А. Киселевой. 5-е изд., доп. и перераб. Киров, 2004. С. 765.

[2] СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Разработан и внесен на рассмотрение заинтересованных организаций проект Концепции нового Гражданского кодекса РФ. Смысл этой Концепции сводится к более четкому разграничению частных и публичных интересов.

Уже стали общепринятыми принципы рыночного капиталистического хозяйствования. На первый план выходят не интересы государства, а интересы предпринимателей и потребителей. Активным участником хозяйственных отношений является не столько государство и его органы и учреждения, сколько частные организации и индивидуальные предприниматели, работающие на свой страх и риск. Основная масса товаров народного потребления производится коммерческими организациями, учредителями которых являются частные лица, а не государство. Продукция распределяется не по установленным государством расценкам, а свободно, на основе соотношения спроса и предложения участников рыночных отношений.

Таким образом, современные экономические отношения, современное законодательство, регулирующее экономические отношения, концептуально и фактически далеко ушло от того состояния экономики, в котором разрабатывался и принимался Уголовный кодекс РФ. Между тем концепция защиты экономических отношений в самом Уголовном кодексе РФ осталась на уровне середины 1990-х гг., т.е. на уровне права и экономики «переходного» периода. Концептуальная отсталость уголовного закона выражается фактически во всем.

Во-первых, теоретической основой главы 22 УК РФ по-прежнему являются положения советской уголовно-правовой доктрины. Многочисленные современные юридические исследования, посвященные экономическим преступлениям, укрепляют данное суждение. Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов, Б.В. Волженкин, Л.Д. Ермакова, И.А. Клепицкий, В.В. Колесников, Т.В. Пинкевич, Р.В. Рывкина, С.И. Улезько, А.М. Яковлев, Б.В. Яцеленко и многие другие указывают, что объектом уголовно-правовой охраны должна быть «совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, а также потребления материальных и иных благ». Данное положение прямо противоречит современной государственной политике в этой сфере. На высшем государственном уровне подчеркивается нежелательность избыточного государственного регулирования экономической деятельности. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, прямо указывается на необходимость

«предотвращения избыточного государственного вмешательства в экономическую деятельность». Создана серьезная нормативно-правовая база, защищающая частную предпринимательскую деятельность от вмешательства органов государственной власти, правоохранительных органов в эту деятельность. К ним можно отнести на федеральном уровне: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[1], Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»[2], Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»[3] и другие федеральные нормативные правовые акты. В регионах также активно разрабатывается законодательство, направленное на поддержку и развитие частного предпринимательства: Закон Томской области от 29 декабря 2007 г. № 322-ОЗ «Об утверждении областной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Томской области на период 2008–2010 годы» (принят постановлением Государственной думы Томской области от 20 декабря 2007 г. № 877)[4] и другие региональные акты. Ярким примером устранения избыточного государственного вмешательства в экономическую деятельность является Указ Президента РФ от 15 мая 2008 № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности»[5]. Убедительным примером сокращения государственного вмешательства в экономическую сферу является и сам УК РФ. Законодатель декриминализировал статью 200 УК РФ «Обман потребителей», недвусмысленно указав, что такое звено экономики, как потребление товаров, не нуждается в уголовно-правовой охране. Здесь будут уместны административные меры воздействия. 16 марта 2010 г. Президентом РФ в Государственную думу РФ был представлен законопроект № 336086-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в статью 15 Феде-

---

[1] СЗ РФ 2007 № 31 Ст 4006
[2] СЗ РФ 2008 № 52 Ст 6249
[3] СЗ РФ 2010 № 1 Ст 2
[4] *Официальные* ведомости Государственной думы Томской области 2008 № 11–2
[5] СЗ РФ 2008 № 20 Ст 2293

рального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию"». Основная идея данного законопроекта – усилить уголовно-правовую защиту отношений в сфере экономической деятельности[1]. 7 апреля 2010 г. этот законопроект был воплощен в федеральный закон № 60-ФЗ[2]. В соответствии с апрельскими новеллами утратила силу ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимательство», уточнены конструктивные признаки ст. 171 УК РФ «Незаконная предпринимательская деятельность». Увеличен «крупный» и «особо крупный» размер (ущерб) ряда экономических преступлений. Последнее нововведение заслуживает особого внимания. Очевидно, что «крупный» размер (ущерб) ряда экономических преступлений не соответствовал объективным реалиям. В ежемесячном обороте мелкого бизнеса находятся миллионы рублей, в обороте среднего бизнеса – десятки миллионов рублей, крупного бизнеса – сотни миллионов рублей. Понятно, что, например, ответственность за незаконное предпринимательство с причинением ущерба в сумме, превышающей 250 000 руб. или с извлечением дохода в размере, превышающем 250 000 руб., была явно неадекватна. Этот размер может быть крупным для пенсионера или иного физического лица, торгующего семечками, рукодельными шерстяными изделиями, но не для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, занятых бизнесом.

В течение 2010–2011 гг. были приняты и иные Федеральные законы, содержащие аналогичные изменения норм главы 22 УК РФ. На основании Федерального закона РФ от 17 июня 2010 г. ст. 184 УК РФ была дополнена Примечанием, согласно которому возможно освобождение от уголовной ответственности, если в отношении виновного лица «имело место вымогательство или если оно добровольно сообщило о подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело». В результате имеет место «сужение» действия уголовно-правовой нормы. Одновременно, согласно Федеральному закону РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ утратила силу ст. 188 УК РФ «Контрабанда», уточнены отдельные элементы диспозиции ст. 191 УК РФ – «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга». Приведённые факты свидетельствуют о сокращении уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу.

---

[1] http://www.duma.gov.ru/faces/lawsearch/gointra.jsp?c=336086-5 [дата обращения 19 марта 2010 г.]

[2] Рос. газета. 2010. 9 апр. С. 13.

Во-вторых, в свете современных экономических реалий видно, что нормы главы 22 УК РФ не представляют какой-либо системы, не дополняют друг друга. Каждая из данных норм живет «отдельной жизнью», поскольку в ней собраны составы преступлений, которые значительно различаются между собой как по характеру, так и по смысловому содержанию[1]. Одна группа норм главы 22 УК РФ защищает предпринимателя от противоправных действий должностных лиц органов власти. Примером этой группы норм являются ст. 169 и 170 УК РФ. Данные нормы – разновидность злоупотребления должностными полномочиями, предусмотренного ст. 285 УК РФ. Таким образом, эти деяния должностного лица не посягают на отношения между предпринимателями, а причиняют вред интересам государственной власти и интересам государственной службы. Другая группа норм главы 22 УК РФ защищает интересы общества. К этой группе можно отнести ст. 171.1 УК РФ, которая охраняет интересы потребителей товаров и услуг, заинтересованных в качественном товаре и качественных услугах. Третья группа норм главы 22 УК РФ запрещает деяния, которые никто не вправе совершать. Статья 186 УК РФ охраняет монополию государства на эмиссию денежных средств, которое может быть совершено любым физическим лицом. Статьи 198 и 199 УК РФ направлены на защиту установленного порядка управления в обществе – обязанность каждого лица платить установленные федеральным законом налоги и сборы.

В-третьих, правоприменительная практика показывает, что многие положения главы 22 УК РФ нуждаются в декриминализации в связи с тем, что они конкурируют не только с другими нормами уголовного закона, но и между собой. В современной юридической литературе отражено множество примеров, перечисление которых заняло бы не одну страницу. Приведем некоторые из них. Б.Д. Завидов, П.В. Зотов, И.А. Попов отмечают, что «уклонившийся от регистрации или получения специального разрешения (лицензии) предприниматель или юридическое лицо, как правило, не платит положенный налог. В таких случаях как бы возникает конкуренция между ст. 171 и ст. 198 и 199 УК РФ»[2]. Статья 196 УК РФ, пишет А.П. Горелов, «... вступает в конкуренцию со

---

[1] *Горелов А.П.* Что охраняют уголовно-правовые нормы об ответственности за экономические преступления? // Законодательство 2003 № 4 С. 82

[2] *Завидов Б.Д., Зотов П.В., Попов И.А.* Уголовно-правовой анализ незаконной предпринимательской и банковской деятельности, воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности // Адвокат 2003 № 2 С. 8–21

статьями, предусматривающими ответственность за растрату, уклонение от уплаты налогов с организации и злоупотребление полномочиями. Но вне зависимости от решения вопроса о конкуренции следует подумать вот о чем: зачем нужна «мертвая» статья об ответственности за общественно опасные деяния, которые и так запрещены уголовным законом?»[1].

Судебно-следственные органы сталкиваются со значительными трудностями при отграничении мошенничества (ст. 159 УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ), от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ)[2], незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) от злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ)[3]. Вызывает трудности отграничение злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) от неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ).

И, наконец, в-четвертых, можно констатировать, что нормы главы 22 УК РФ сконструированы вопреки сложившимся научным представлениям об объекте преступления. Об этом свидетельствуют многочисленные монографические и диссертационные исследования, проведенные за последние 10–15 лет, которые наглядно показывают концептуальную отсталость УК РФ. Совершенно справедливо К.Н. Сережкина отмечает, что ст. 174, 175 УК РФ с учетом их правовой природы должны быть в главе «Преступления против правосудия», поскольку «общественная опасность отмывания преступных доходов носит разнообразный характер и выражается в причинении существенного вреда правоохраняемым объектам (экономическим отношениям, общественной безопасности, интересам государственной власти). Вместе с тем... основным непосредственным объектом легализации следует признать отношения, связанные с обеспечением нормальной деятельности органов государственной власти в части осуществления правосудия, предупреждения

---

[1] *Горелов А.П.* Можно ли применять нормы об ответственности за преступления в сфере банкротства? // Законодательство. 2004. № 1. С. 58–63.

[2] *Красиков Ю.* Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 39.

[3] *Гарифуллина Р.* Ответственность за преступления в сфере финансово-кредитных отношений // Российская юстиция. 1997. № 2.

правонарушений и иных правонарушений»[1]. Е.М. Леонов говорит о конкуренции между ст. 169 и 285, 286 УК РФ и другими нормами о должностных преступлениях. Он отмечает, что объективные и субъективные признаки воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности указывают на то, что это деяние является разновидностью посягательства на интересы государственной власти[2]. Убедительными выглядят суждения И.А. Клепицкого, который предлагает исключить из главы 22 УК РФ ряд статей и переместить их в другие главы УК РФ. По его мнению, ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей» следует переместить в главу о должностных преступлениях. Статью 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» – в преступления против правосудия. Статью 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения» исключить, предусмотрев уголовную ответственность по общей норме о принуждении (преступление против личной свободы). Статьи 191 УК РФ «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга» и 192 УК РФ «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней» исключить, предусмотрев в главе об экологических преступлениях ответственность за незаконную разработку недр[3]. В плане изложенного будут уместны суждения Б.В. Волженкина, который писал, что название главы 22 УК РФ «представляется не очень удачным, поскольку оно не отражает сути общественных отношений, защищаемых данными нормами уголовного закона. В сфере экономической деятельности можно совершать, к примеру, хищения, преступления против трудовых прав граждан, служебные преступления и др.»[4].

Таким образом, накопленный правоприменительный опыт, огромный массив серьезных научных исследований с очевидностью показывают необходимость пересмотра концепции объекта преступлений в сфере экономической деятельности. Представляется, что необходимо

---

[1] *Сережкина К.Н.* Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России оптимизация норм и практики их применения автореф дис ... канд юрид наук Самара, 2009 С 9, 15, 18, 20

[2] *Леонов Е.М.* Особенности уголовно-правовой характеристики воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности // Российский следователь 2009 № 15 С 7

[3] *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений М ,2005 С 9

[4] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России СПб , 2007 С. 78

широкую трактовку объекта главы 22 УК РФ сменить на узкую трактовку. Основой построения видового объекта преступлений в сфере экономики должна быть не «экономическая деятельность» как таковая, не всеобъемлющая категория экономической деятельности – «совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, потребления материальных и иных благ», а конкретная группа современных экономических отношений.

Эту конкретную группу современных экономических отношений можно определить с помощью теории общественных отношений как объекта преступления. Н.И. Коржанский, В.Я. Таций, В.Д. Филимонов и другие ученые отмечают, что общественные отношения как объект преступления характеризуется наличием трех составляющих: 1) субъекты общественных отношений; 2) предмет общественного отношения; 3) социальная связь участников общественного отношения[1]. Для выделения особой группы преступных деяний в сфере экономики есть все основания, поскольку можно выделить специфических субъектов общественных отношений, специфический предмет общественных отношений и специфическую социальную функцию, осуществляемую субъектами общественного отношения.

Представляется, что субъектами особого вида экономических отношений выступают предприниматели (бизнесмены, коммерсанты). Предметом отношений предпринимателей являются факторы производства (природные, сырьевые, инвестиционные и интеллектуальные ресурсы). Социальная функция предпринимателей заключается в объединении факторов производства для извлечения прибыли. Далее указанные аспекты предпринимательских отношений будут исследованы отдельно. В целом данную группу экономических отношений следует назвать предпринимательскими отношениями.

1. *Предприниматели* как субъекты особого вида охраняемых экономических отношений – предпринимательских отношений. Особенность охраняемых уголовным законом предпринимательских отношений состоит в том, что и субъектом преступления, и «потерпевшими» от этого преступления могут быть только предприниматели.

---

[1] См. *Коржанский Н.И.* Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 14; *Таций В.Я.* Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву: учеб. пособие. Харьков, 1982; *Филимонов В.Д.* Объект преступления и преступное последствие // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1988. С. 7–15; *Он же.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003 и др.

Понятие и признаки предпринимателя даются в ст. 2 ГК РФ. В этой статье говорится о том, что «гражданское законодательство регулирует отношения *между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность*». Предпринимательской деятельностью является «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». На основе данного определения можно выделить признаки, характеризующие субъектов предпринимательских отношений:

1) физические лица[1];

2) лица, действующие самостоятельно, на свой риск;

3) лица, систематически получающие прибыль от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг;

4) лица, зарегистрированные в качестве предпринимателя в установленном законом порядке.

Необходимость защиты предпринимательских отношений обусловлена тем, что предприниматели являются системообразующими субъектами экономических отношений. Без их участия невозможно представить современные экономические отношения[2]. Впервые на особую роль предпринимателя в экономических отношениях указал Р. Кантильон, который и ввел понятие предпринимателя, «т.е. человека, способного выполнять функцию, отличную от функции собственника»[3].

Признание субъектами охраняемых общественных отношений лишь предпринимателей позволяет отграничивать друг от друга всевозможные преступные посягательства, совершаемые в сфере экономики и, прежде всего, совершаемые с участием предпринимателя.

Если предприниматель посягает на интересы физических лиц – не предпринимателей, то это либо преступление против личности (например, ст. 159 УК РФ «Мошенничество»), либо преступление против об-

---

[1] Юридические лица не могут быть субъектами уголовно-правовых отношений

[2] *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (исследования предпринимательской прибыли, капитала, кредита и цикла конъюнктуры) М., 1982; *Гинс Г.К.* Предприниматель М., 1992, *Маршалл А.* Принципы экономической науки М., 1993, *Бауэр М.* Экономическая мысль в ретроспективе М., 1994, *Зомбарт В.* Буржуа этюды по истории духовного развития современного экономического человека М., 1994 и т.д.

[3] Цит. по *Жильинский С.Э.* Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учеб. для вузов 8-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 63

щества (ст. 171.1 УК РФ «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции»).

Если предприниматель посягает на интересы государства – это преступление против порядка управления, либо иное преступление против государственной власти. Рассмотрим данный случай на примере уклонения от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК РФ). Уплата налогов является обязанностью каждого лица, установленной Конституцией РФ. Предприниматель в данном случае является одним из нарушителей установленной государством обязанности, поскольку невыполнение этой обязанности влечет уголовную ответственность для всех без исключения физических лиц и руководителей и бухгалтеров юридических лиц (коммерческих и некоммерческих организаций). Обязанность по уплате налогов невозможно охарактеризовать как предпринимательскую деятельность. Сумму, полученную в результате уклонения от уплаты налогов, нельзя рассматривать как прибыль, как законный доход. Эта сумма обращается не в пользу других предпринимателей, а в пользу государства. Таким образом, «потерпевшим» в данном преступлении является государство, поскольку предприниматель нарушает установленный государством порядок уплаты налогов, т.е. совершает преступление против порядка управления (глава 32 УК РФ).

2. *Факторы производства как предмет предпринимательских отношений.*

Между предпринимателями разворачиваются настоящие экономические «войны» за факторы производства. Эти факторы производства условно можно подразделить на материальные (рынки сбыта продукции, торговые сети, здания, станки, земля и т.д.), трудовые и интеллектуальные (ноу-хау, инновационные разработки, технологии). Смысл борьбы за факторы производства заключается в том, что обладание всеми этими ресурсами или какой-то частью, которой нет у других предпринимателей, позволяет получить максимальную прибыль. Прибыль является конечным результатом любой предпринимательской деятельности. Поэтому закономерно, что обязательным признаком предпринимательской деятельности, согласно ст. 2 Гражданского кодекса РФ, является «получение прибыли». В других нормах Гражданского кодекса РФ получение прибыли также установлено в качестве неотъемлемого признака коммерческой деятельности (ст. 50 ГК РФ – коммерческие организации преследуют цель извлечения прибыли, ст. 1041 ГК РФ –

товарищи по договору простого товарищества соединяют свои вклады и совместно действуют для «извлечения прибыли»). Исследования, проводимые учеными, подтверждают факт, что предприниматели борются за природные, трудовые, инвестиционные и иные ресурсы, которые позволяют извлечь прибыль. А.Б. Марданов, проанализировав материалы уголовных дел, пришел к выводу, что «действия виновного в этих посягательствах очень часто характеризуются стремлением получить материальную выгоду»[1].

3. Для правильного определения объекта главы 22 УК РФ недостаточно установить субъектов (участников) охраняемых уголовным законом общественных отношений и предмет общественных отношений. Важно также определить социальную функцию предпринимателей. «Ведь совершенно очевидно, – писал В.Я. Таций, – что один и тот же субъект в зависимости от выполняемых функций может быть участником, например, отношений в области общественной безопасности, общественного порядка, собственности и т.д., не говоря уже о том, что каждый гражданин является участником отношений, имеющих своей задачей охрану жизни, здоровья, чести и достоинства личности»[2].

В экономической литературе выделяют три основные функции предпринимательства. Первая функция – ресурсная (люди, машины, оборудование, инструменты и т.п.). Вторая функция – организаторская. «Предприниматель использует свои способности, чтобы обеспечить такое соединение и комбинирование факторов производства, которое наилучшим образом приведет к достижению цели – получению высокой прибыли»[3]. Третья функция – творческая, инновационная. «Предпринимательство, – пишет А.Ф. Уваров, – можно определить как творческую деятельность деловых людей, направленную на поиск новых сфер вложения капитала, создание новых и совершенствование имеющихся продуктов, производств, организаций, развитие собственных преимуществ, эффективное использование различных возможностей для получения прибыли»[4].

---

[1] *Марданов А.Б.* Криминологическая характеристика лиц, совершающих экономические преступления // Российский следователь. 2008. № 23. С. 30.

[2] *Таций В.Я.* Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1982. С. 21.

[3] *Жилинский С.Э.* Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учеб. для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 65.

[4] *Уваров А.Ф.* Основы экономики инноваций: монография / Под общ. ред. Ю.М. Осипова. Томск, 2007. С. 20.

Таким образом, для охраны особой группы экономических отношений – предпринимательских отношений есть все теоретические, правовые и фактические основания. Поэтому главу 22 УК РФ следует назвать «Преступления в сфере предпринимательской деятельности».

Нужно отметить, что в государствах с развитой рыночной экономикой юристы однозначно склоняются к защите только одной группы экономических отношений – предпринимательских отношений. По мнению М. Леви, одного из наиболее авторитетных исследователей Великобритании, к экономическим преступлениям следует относить деяния совершенные «самим бизнесом и против бизнеса»[1]. Аналогичной точки зрения придерживаются шведский юрист Бу Свенссон[2] и Г. Маннхейм[3].

Среди российских юристов в подобном ракурсе рассуждает И.А. Никитина. Она считает, что «к экономической преступности следует относить ту, что осуществляется субъектами экономической деятельности – собственниками предприятий, управляющими компаний, менеджерами, предпринимателями, всеми теми, кто решает вопросы организации экономической деятельности»[4]. По мнению П.С. Яни, к экономическим преступлениям следует относить «преступления, совершаемые субъектами бизнеса в связи с их предпринимательской деятельностью»[5]. А.Г. Корчагин определяет экономическую преступность как «сознательное нарушение деловой активности, совершаемое представителями фирмы в ее интересах в ходе предпринимательской деятельности»[6]. По мнению Ф.А. Мусаева, порядок осуществления предпринимательской деятельности может быть нарушен тем, «кто сам осуществляет предпринимательскую деятельность – хозяйствующим субъектом, носителем прав и обязанностей по осуществлению предпринимательской деятельности»[7].

---

[1] Цит. по кн.: *Чупрова Е.В.* Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии. М., 2007. С. 36.

[2] См.: *Свенссон Бу.* Экономическая преступность / Пер. со швед. Ю.А. Решетова. Под ред. М.А. Моргуновой. М., 1987. С. 24.

[3] См.: *Mannheim H.* Comparative Criminology. Boston, New York, Atlanta, Geneva, 1965. V. II. P. 470.

[4] *Никитина И.А.* К вопросу о понятии экономической преступности // Актуальные проблемы государства и права в современный период / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Ф. Воловича. Томск, 1996. С. 168.

[5] *Яни П.С.* Экономические и служебные преступления. М., 1997. С. 31.

[6] *Корчагин А.Г.* Экономическая преступность. Владивосток, 1998. С. 6.

[7] *Мусаев Ф.А.* Место преступлений, предусмотренных ст. 171–174.1, в системе посягательств главы 22 УК РФ // Законодательная техника и дифференциация ответственности

Поскольку объектом главы 22 УК РФ являются только предпринимательские отношения, следует выяснить, что необходимо защищать: все предпринимательские отношения или какую-то конкретную их часть? Предпринимательские отношения требуют уголовно-правовой защиты не всегда. Большинство коммерческих конфликтов могут быть разрешены предпринимателями самостоятельно, без какого-либо вмешательства органов государственной власти. Созданы и эффективно действуют саморегулируемые организации, третейские суды, коллекторские службы и т.д. Государство может вмешаться в деловые отношения только в случае недостижения между бизнесменами согласия по спорным вопросам. Эти отношения могут быть урегулированы посредством арбитражных судов.

Другое дело, что существуют такие предпринимательские споры, которые требуют активной защиты не только со стороны арбитражных судов, но и со стороны правоохранительных органов. К ним, в частности, следует отнести отношения конкуренции.

Конкуренция является базовой рыночной категорией. Ее значимость для современных экономических отношений видна по тому факту, что она получила выражение в высшем юридическом акте страны – Конституции РФ. Конституция РФ 1993 г. требует обеспечить поддержку конкуренции (ст. 8), не допускать экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34).

Конкуренция является стержнем современной экономической политики. Еще в 2006 г. в ежегодном Послании Федеральному собранию Президент РФ отметил необходимость создания равных конкурентных условий наряду с укреплением права собственности и обеспечением экономической свобод[1]. Лейтмотивом Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, является термин «конкуренция». Этот термин упоминается в Концепции 43 раза. Приведем некоторые из них: «низкий уровень конкуренции на ряде рынков, не создает для предприятий стимулов к повышению производительности труда»; происходит «усиление конкуренции на внутренних рынках, связанной, с одной стороны, с возраста-

---

в современном уголовном праве и процессе России: сб. науч. ст. / Под ред. проф., заслуж. деятеля науки РФ, действительного члена АН ВШ и РАЕН Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2005. С. 130.

[1] Рос. газета. 2006. 11 мая. С. 3.

нием требований потребителей к качеству товаров, с другой – с исчерпанием ценовых конкурентных преимуществ обрабатывающих производств»; следует «развивать конкуренцию между частными коммерческими и некоммерческими застройщиками и подрядчиками, в том числе путем применения антимонопольных мер» и т.д. Об исключительной роли конкуренции для экономики страны можно судить по следующей выдержке из Концепции: «Прежде всего, предстоит обеспечить развитие конкурентной среды как ключевой предпосылки формирования стимулов к инновациям и росту эффективности на основе снижения барьеров выхода на рынки, демонополизации экономики, обеспечения равных условий конкуренции».

О необходимости развития конкуренции, свободы предпринимательства и других капиталистических принципов экономической деятельности отмечается в экономической литературе[1]. Без конкуренции нет стимула открывать новые ресурсы и возможности для использования уже существующих. Не случайно в экономической теории Ф.А. Хайека конкуренция рассматривается как «процедура открытия»[2]. Ф.А. Хайек писал, что общества, полагающиеся на конкуренцию, успешнее других достигают своих целей[3]. Без конкуренции невозможны новые достижения научно-технического прогресса. Й. Шумпетер рас-

---

[1] См. *Менгер К.* Основания политической экономии. Общая часть. Пер. с нем. Одесса: Тип. А. Хакаловского, 1903. С. 204; *Реуэль А.Л.* История экономических учений: учеб. пособие. М., 1972. С.94–96; *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов //Антология экономической классики: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 25; *Всемирная* история экономической мысли: в 6 т. Т. 2. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса / МГУ им. М.В. Ломоносова. Гл. редкол.: В.Н. Черковец (гл. ред.) и др. М., 1988. С. 48–60; *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Пер. с англ. М., 1993. Т. 1. С. 63–64, 131, 204; *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. Пер. с нем. / Общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херрман-Пилата; вступ. ст. О.Р. Лациса. М.: «Прогресс», 1995. С. 74–75, 306–331; *Хикс Дж. Р.* Стоимость и капитал. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. С. 102, 183; *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. Пер. с англ. М.: Дело, 2003. С. 21; *Портер Майкл* Э. Конкуренция. Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2003. С. 15; *Стиглер Дж.* Совершенная конкуренция: исторический ракурс // Веки экономической мысли / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1999. Т. 2. Теория фирмы. С. 299–328; *Экономическая* теория: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.Д. Камаева. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 43-66; *Князева И.В.* Антимонопольная политика в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Национальная экономика». 2008. С. 38, 39, 47.

[2] См. *Фридрих А. фон Хайек.* Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999. С. 50–51; *Он же* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2001. С. 9–10, 104–105.

[3] *Хайек Ф.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С.7.

сматривает конкуренцию как процесс «созидательного разрушения», возникающий в результате «нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации ... [процесс,] который обеспечивает решительное сокращение затрат или повышение качества ... и угрожает существующим фирмам не незначительным сокращением прибылей и производства, а полным банкротством»[1].

Важность защиты конкуренции как базовой экономической категории подчеркивается и среди юристов. Еще в 1992 г. Б.В. Волженкин писал, что «потребности обеспечения условий для создания и эффективного функционирования товарного рынка, в частности необходимость создания обстановки для честной конкурентной борьбы, определяют задачу коренного пересмотра уголовного законодательства, действующего в сфере хозяйственных отношений»[2]. С.Э. Жилинский, обобщая экономическую практику зарубежных государств, экономический опыт дореволюционной России, выделяет десять критериев рыночных экономических отношений. Среди этих критериев рыночной экономики он выделяет: реальную и добросовестную конкуренцию между участниками имущественных, экономических отношений, ограничение и вытеснение монополизма[3]. Среди специалистов в сфере экономических преступлений об актуальности защиты современных экономических отношений пишет Н.А. Лопашенко. К принципам осуществления современной экономической деятельности, требующим уголовно-правовой защиты, указанный автор относит принцип свободы экономической деятельности, принцип осуществления экономической деятельности на законных основаниях, принцип добросовестной конкуренции, принцип добропорядочности субъектов экономической деятельности, принцип запрета криминальных форм поведения в экономической деятельности[4].

---

[1] *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 128.

[2] *Волженкин Б.В.* Недобросовестная конкуренция: уголовно-правовой аспект // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб., 2007. С. 382.

[3] *Жилинский С.Э.* Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учебник для вузов. 8-е изд-е, перераб. и доп. М., 2007. С. 92–95.

[4] *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 18–23; *Она же.* Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 213–217.

Необходимо констатировать, что отношения конкуренции как непосредственный объект преступлений в сфере экономической деятельности среди специалистов в области уголовного права и криминологии не получили должного освещения. Причина в том, что целое поколение юристов выросло в советской экономической системе, где частная предпринимательская деятельность полностью подавлялась и каралась государством. В этих условиях о конкуренции между хозяйствующими субъектами не могло быть и речи. Любопытен в этом отношении вывод П.И. Пугинского о том, что «на протяжении 70-летнего советского периода конкуренция рассматривалась как явление, присущее лишь капиталистической системе и чуждое социализму. Само слово «конкуренция» употреблялось в негативном значении, ему придавался отрицательный оттенок»[1].

В экономической литературе конкуренции отводится исключительно важная роль. Еще в 1776 г. классик экономической теории А. Смит в работе «Исследование о природе и причине богатства народов» сформулировал понятие конкуренции как соперничества, повышающего цены (при сокращении предложения) и уменьшающего цены (при избытке предложения). Он писал, что «конкуренция – это «невидимая рука», которая, «дергая» за ниточки предпринимателей, заставляет их действовать в соответствии с неким идеальным планом развития экономики, безжалостно вытесняя хозяйствующих субъектов, занятых производством ненужной или некачественной продукции»[2]. Знаменитый дореволюционный юрист Г.Ф. Шершеневич писал, что «общественная идея конкуренции состоит в том, что обеспечение личного существования со стороны каждого хозяйства ведет к наилучшему обеспечению интересов общества...»[3]. Современные специалисты считают конкуренцию «образом жизни и движущей силой развития общества»[4]. «Именно она – главный двигатель и условие научно-технического и организационного прогресса, повышения уровня экономической эффективности, качества товаров и услуг, в конечном счете – уровня жизни населения»[5].

---

[1] *Пугинский Б.И.* Коммерческое право России. М., 2006. С. 103.

[2] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга первая. С. 13, 67–68, 80–82.

[3] *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. СПб., 1908. С. 109.

[4] *Фатхутдинов Р.А.* Управление конкурентоспособностью организации. М., 2005. С. 27, 30.

[5] *Князева И.В.* Антимонопольная политика в России. 3-е изд., стер. М., 2008. С. 48.

Таким образом, конкуренция с точки зрения экономических наук – явление крайне желательное и положительное. Однако конкуренция между предпринимателями, если государство не будет её контролировать, превратится в арену жестокой борьбы. Эта борьба может легко принять и, как показывает действительность, принимает нежелательные для общества формы, обусловленные сущностью конкуренции – соперничеством за материальные, трудовые и интеллектуальные ресурсы, за потребителя и его деньги. Так говорят все специалисты. Г.Ф. Шершеневич, указывая на положительные стороны конкуренции, отмечал и ее «изнанку»: «...каждое торговое предприятие стремится привлечь к себе и отвлечь от другого возможно большее число потребителей... Среди торговых представителей открывается ожесточенная борьба ...»[1]. Современные исследователи также указывают, что «в широком смысле конкуренция – соперничество (борьба) хозяйствующих субъектов за преимущества на рынке с использованием различных методов. К таким методам, помимо улучшения качества, снижения цен, относятся также сговоры, злоупотребления доминирующим положением, использование различных форм недобросовестной конкуренции»[2]. Наибольшее распространение, пишут юристы, в современной предпринимательской деятельности получили такие формы недобросовестной конкуренции, как распространение ложных, неточных или искаженных сведений, способных принести убытки другому хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации, самовольное использование товарного знака, фирменного наименования или маркировки товара, а также упаковки, внешнего оформления товара другого хозяйствующего субъекта, недобросовестное рекламирование, промышленный шпионаж и т.д.[3]

Государство в лице правоохранительных и других административных органов не должно оставлять бесконтрольным эту сферу экономической деятельности. В противном случае обществу не избежать хаоса, превращения предпринимателей в нарушителей законов, доминирования в экономической сфере организованных преступных групп, заме-

---

[1] *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. СПб., 1908. С. 109.

[2] *Варламова А.Н.* Конкурентное право России. М., 2008. С. 28–29; *Авдашева С.Б. и др.* Конкуренция и антимонопольное регулирование. М., 1999. С. 189–191.

[3] См. *Боголюбов С.А., Волков Г.М., Гереврот Б.А.* Этические и правовые вопросы предпринимательства: практическое пособие. М., 2008. С. 90–96.

щения открытой рыночной экономики «теневой» экономикой[1]. По данным исследования 357 предприятий Республики Татарстан, приведенным Ю.Г. Следь, 86% опрошенных предпринимателей сталкивались со случаями недобросовестной конкуренции в предпринимательской практике. Большинство предприятий (54%) испытало на себе использование незаконных приемов конкуренции. Ответы предпринимателей по отдельным формам недобросовестной конкуренции распределились таким образом: с незаконным использованием интеллектуальной деятельности столкнулись 6% предприятий и с разглашением коммерческой тайны – 8%[2]. По данным выборочных обследований других ученых, проведенных в середине 2000-х гг., около 1/3 промышленных предприятий испытывали острую конкуренцию со стороны как отечественных, так и зарубежных компаний[3]. Согласно последним социологическим исследованиям «конкуренция на российском рынке растет, свободного рыночного пространства остается все меньше. Большинство предпринимателей (от 55 до 70%), только выходящих или планирующих выйти на рынок, заведомо ориентированы на жесткую конкурентную борьбу, поскольку они знают, что аналогичный продукт или услугу уже предлагают другие предприятия»[4].

Исключительно остро встает вопрос конкуренции в условиях экономических кризисов. Не случайно в экономической литературе констатируется: «Масштабный экономический кризис, охвативший практически все крупные экономики мира, вынуждает провести инвентаризацию инструментов политики, использовавшихся до настоящего времени недостаточно активно, в том числе и конкурентной»[5]. Уместно привести слова одного из экономических советников бывшего президента США Б. Клинтона, лауреата Нобелевской премии Д. Стиглица, отметившего, что причиной стагнации стран с переходной (транзитной) экономикой

---

[1] См.: *Сулемайнов С.М.* Общая характеристика преступлений, посягающих на правильное функционирование потребительского рынка // Уголовное право. 2008. № 12. С. 17.

[2] *Следь Ю.Г.* Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 14.

[3] *Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Кузнецов Б.В.* Конкуренция и структура рынков: что мы можем узнать из эмпирических исследований о России // Российский журнал менеджмента. 2006. № 4. С. 3–22.

[4] *Образцова О., Четуренко А.* Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 95.

[5] *Шаститко А., Авдашева С., Голованова С.* Конкурентная политика в период кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 55.

«в большей степени является неудача с созданием конкурентной обстановки внутри страны, чем защита от внешней конкуренции»[1].

Без наличия четких правил конкурентной борьбы невозможно развитие малого и среднего бизнеса[2], что отмечается в последнее время[3]. 5 сентября 2007 г. в компании «Гарант» состоялось интернет-интервью министра правительства Москвы, руководителя департамента поддержки и развития малого предпринимательства города Москвы М М. Вышегородцева, где было сказано, что «одним из важнейших направлений экономических реформ, способствующих развитию конкурентной рыночной среды, наполнению потребительского рынка товарами и услугами, созданию новых рабочих мест, формированию широкого круга собственников, является развитие малых и средних форм производства. Малый бизнес сегодня является неотъемлемой частью рыночной экономики и не только устойчиво сохраняет достигнутые позиции, но и с каждым годом усиливает свое влияние на формирование общих экономических показателей в различных отраслях экономики. Именно малые и средние предприятия способны генерировать наиболее эффективные инновационные проекты, более чутко реагировать на изменение рыночной конъюнктуры, занимать недоступные крупным предприятиям ниши»[4].

Государство предпринимало и предпринимает определенные шаги по защите отношений конкуренции. 22 марта 1991 г. был принят закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Однако в связи с существенными трансформациями экономических отношений он концептуально устарел. Эконо-

---

[1] *WIDER* Annual Lectures 2 Joseph E Stiglitz More Instruments and Broader Goals: Moving toward the Post-Washington Consensus. Jan 1998 P 19

[2] *Федеральный* закон от 24 июля 2007 г № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ 2007 № 31 Ст 4006, *Закон* Томской области от 29 декабря 2007 г № 322-ОЗ "Об утверждении областной целевой программы "Развитие малого и среднего предпринимательства в Томской области на период 2008–2010 годы" (принят постановлением Государственной думы Томской области от 20 декабря 2007 г. № 877) // Официальные ведомости Гос думы Томской области 2008 № 11-2. 30 января

[3] *Большие* планы малому бизнесу // Рос газета 2008 18 марта, *Леонидов И* У «Единой России» перед съездом – большие планы На 12 лет вперед // Там же 10 апр С 4

[4] *Интернет*-интервью с Министром Правительства Москвы, руководителем Департамента поддержки и развития малого предпринимательства города Москвы М М Вышегородцевым "О политике правительства Москвы по развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства" (5 сентября 2007 г) // СПС «Гарант»

мика требовала других подходов и других принципов регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности. 26 июля 2006 г. был принят Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[1]. В нем дается понятие конкуренции, указываются формы и виды недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности. Под конкуренцией понимается «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» (ст. 4).

Конкуренция может быть добросовестной и недобросовестной. Недобросовестная конкуренция представляет серьезную общественную опасность для экономических отношений в Российской Федерации. Общественная опасность посягательств на отношения конкуренции выражается во вреде, который причиняется экономическим отношениям[2]. Вред от недобросовестной конкуренции имеет свою специфику, заключающуюся в том, что он причиняется как предпринимательским отношениям, так и потребителям, обществу в целом и государству.

Посягательства на отношения конкуренции причиняют серьезный экономический урон предпринимательским отношениям: 1) снижаются стимулы для эффективного использования имеющихся природных, интеллектуальных, трудовых, управленческих ресурсов; 2) снижается инвестиционный стимул и желание инвестирования производства; 3) утрачивается «гибкость», «вариативность» предпринимателей, позволяющая быстро реагировать на возникающие запросы рынка; 4) снижается инновационный потенциал, генерирование идей для рынка; 5) прекращается творческая составляющая предпринимательской деятельности и т.д.

Общественно опасные последствия от разрушения равных и справедливых условий конкурентной борьбы для граждан как потребителей продукции выражаются в следующем: 1) снижаются насыщенность и качество товаров, их ассортимент; 2) создается дефицит товаров; 3) снижаются потребительские свойства товаров, работ, услуг; 4) возни-

---

[1] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[2] *Курс* уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 125; *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической преступности в уголовном праве. М., 2003. С. 14.

кает зависимость потребителя, не позволяющая ему влиять на цену и качество обслуживания и т.д.

При посягательстве на отношения конкуренции страдает экономика в целом. Отсутствие конкуренции приводит к замедлению экономического роста, искажению рыночной среды, и, в конечном итоге, к падению эффективности по всем социально-экономическим направлениям. Причиняемый вред экономике в целом – это: 1) неблагоприятные изменения институциональной среды экономики страны; 2) неблагоприятные структурные изменения в производящих и обслуживающих отраслях, формирующих валовый внутренний продукт; 3) снижение эффективности распределения и перераспределения ограниченных ресурсов с целью максимального удовлетворения потребительских предпочтений; 4) нестабильность потребительского рынка; 5) снижение уровня насыщенности потребительского рынка товарами, услугами, работами; 6) возникновение товарного дефицита; 7) неизбежное разрушение инфраструктуры рынка; 8) разрушение условий для развития малого и среднего бизнес; 9) снижение мотивации к профессиональному росту на рынке труда; 10) стагнация в сфере разработки новых технологий производства, модернизации производства, разработки новых товаров и торговых марок и т.д.

Общественно опасные последствия недобросовестной конкуренции для государства заключаются в том, что подрывается экономический базис государства; снижается поступление налогов в бюджеты различных уровней, возникает дефицит федерального и иных бюджетов, что влечет за собой невыполнение государством взятых на себя социальных обязательств перед обществом; резко падает инвестиционная привлекательность государства; ограниченные финансовые возможности государства не позволяют держать в постоянной боевой готовности армию и правоохранительные органы; подрывается экономическая, военная, политическая безопасность государства; ставится под сомнение значение государства и его необходимость для общества.

Обобщая общественно опасные последствия, наступающие в результате посягательства одним предпринимателем на бизнес другого посредством незаконных методов конкурентной борьбы можно нарисовать такую картину. Предприниматель причиняет вред «бизнесу» другого предпринимателя. Целью противоправной деятельности предпринимателя-преступника являются материальные, трудовые и интеллектуальные ресурсы добросовестного предпринимателя. Недобросовестный предприниматель, используя незаконные методы борьбы, получает в

свое распоряжение здания, землю и другие материальные ресурсы, завладевает ноу-хау и другими интеллектуальными разработками, обманным и иным недобросовестным путем завлекает к себе работников добросовестного предпринимателя. Все эти деяния в совокупности или в какой-то части неизбежно влекут для добросовестного предпринимателя убытки, он утрачивает экономический интерес к этой деятельности, разоряется. Незаконное изживание на «рынке» одним предпринимателем другого предпринимателя приводит к снижению конкурентных стимулов для всего предпринимательского сообщества. Для граждан (потребителей продукции) в связи с отсутствием конкуренции увеличивается стоимость продукции, снижается качество, свойства продукции, ибо если нет конкуренции, то нет и смысла развиваться, думать об улучшении продукции. Для государства незаконное подавление одним предпринимателем другого предпринимателя приводит к уменьшению налогооблагаемой базы и, соответственно, доходной части федерального, регионального, местного бюджета, к подрыву экономической безопасности государства. Указанные общественно опасные последствия, наступающие в результате посягательства на предпринимательские отношения, характерны только для данной группы преступных посягательств. Показательны в этом отношении суждения некоторых юристов об общественной опасности такого «предпринимательского» преступления, как незаконное банкротство. Они пишут, что данное деяние причиняет вред интересам кредиторов[1], затрагивает сферу экономической деятельности общества, в том числе сектор предпринимательства[2], ущемляет интересы как государства и общества в целом, так и отдельно взятых хозяйствующих субъектов и потребителей[3].

Таким образом, в криминализации любого деяния определяющим является объект преступления. Объектом главы 22 УК РФ, т.е. видовым объектом особой группы преступных деяний, посягающих на экономические отношения, могут быть только предпринимательские отношения. Непосредственным объектом общественно опасных деяний, совершаемых недобросовестным предпринимателем против добросовестного

---

[1] См. *Грамотенко Т.А., Мясоедова Л.В., Любанова Т.П.* Банкротство предприятий. Экономические аспекты. М., 2005. С. 74; *Дихтер А.К., Рогожин Н.А., Романчин В.И., Кучуров В.В.* Правовые споры проведения процедур банкротства. М., 2003. С. 96; *Журавлев С.Ю.* Расследование криминальных банкротств. М., 2006. С. 47.

[2] См. *Михалев И.Ю.* Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 14–17.

[3] См. *Севрюков А.П.* Хищения имущества. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 2004. С. 107–108.

предпринимателя, следует признать особый вид предпринимательских отношений – отношения конкуренции, которые возможно разделить на три составляющие: 1) конкуренция за материальные факторы производства; 2) конкуренция за трудовые факторы производства; 3) конкуренция за интеллектуальные факторы производства. Именно эти три вида предпринимательских отношений, представляющих огромное значение для бизнеса, общества, государства, в большей степени подвержены криминальному воздействию. Поэтому главная непосредственная задача уголовного закона – защитить добросовестного предпринимателя от недобросовестных форм конкурентной деятельности в бизнесе.

1.2. Задачи уголовного права в охране экономических отношений в Российской Федерации

Задачи уголовного права в охране экономических отношений разделяются на 4 вида: 1) общая задача; 2) родовая задача; 3) видовая задача; 4) непосредственная задача. Для выделения этих видов задач уголовного права в охране экономических отношений есть правовое основание – УК РФ, в Общей части которого предусмотрена ст. 2, определяющая в самом общем виде задачи уголовного права. В ней сказано следующее: «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Остальные задачи (родовая, видовые и непосредственные) в самом уголовном законе не получили прямого юридического закрепления. Их можно вывести логическим путем, опираясь на названия разделов, глав и самих статей Особенной части УК РФ.

Подобный подход используется при определении другой категории уголовного права – объекта посягательства. В юридической литературе сложилось мнение, что классификация объекта преступления должна быть основана на структуре уголовного закона (общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления). В.Д. Филимонов указывает на «общепризнанное представление, согласно которому Особенная часть УК РФ делится на разделы и главы по родовому объекту, в пределах которых преступления подразделяются по непосредственному, а иногда и по видовым объектам»[1]. Поэтому четырехзвенная структура

[1] *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 30

задач уголовного права соответствует теории уголовного права и дополняет теорию объекта преступлений.

На наш взгляд, четырехзвенная структура задач уголовного права в охране экономических преступлений позволит глубже раскрыть правовую природу и сущность экономических преступлений. С этой позиции все задачи уголовного права в охране экономических отношений дополняют, с одной стороны, теорию экономических преступлений в целом, а с другой – уголовно-правовые исследования, посвященные объекту преступлений в сфере экономической деятельности.

Развернуто общие задачи уголовного права по охране общественных отношений сформулированы в ч. 1 ст. 2 УК РФ. В этой статье говорится, что «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». В ч. 2 этой же статьи УК РФ сказано: «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений».

Можно заметить, что законодатель среди общих задач по охране общественных отношений в Российской Федерации «забыл» указать одну из значимых, имеющих самостоятельное значение задач уголовного права – задачу уголовного закона по охране экономических отношений. Отсутствие в ст. 2 УК РФ самостоятельной задачи по защите экономических отношений обусловлено, на наш взгляд, тем, что российское общество в середине 1990-х гг. не имело четкого представления о сущности капиталистических экономических отношений, принципах капиталистических экономических отношений и т.п. Не было уверенности в том, что свобода экономической деятельности, поддержка предпринимательства, частная собственность – это всерьез и надолго. Соответственно запросы общества и потребности государства в развитии экономических отношений были размыты, не имели четких ориентиров, поэтому и не получили четкого отражения в задачах уголовного закона. Однако современная действительность демонстрирует ясное представление общества и государства о важности современных (капиталистических) экономических отношений в Российской Федерации. Необходи-

мость самостоятельного выделения задачи по охране экономических отношений среди других общих задач уголовного закона продиктована следующими обстоятельствами.

Во-первых, ее значимость обусловлена конституционно-правовыми положениями, вытекающими из статей 8 («в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности; в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности») и 34 («каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию») Конституции РФ.

Во-вторых, сама система современного общественного устройства предполагает пристальное внимание государства и общества к экономике. От нормального функционирования российской экономики зависит благосостояние граждан Российской Федерации, процветание общества, целостность и безопасность государства. Лишним тому подтверждением являются экономические кризисы, в том числе и современный экономический кризис, который, начавшись в одной стране, затронул экономики других стран, в том числе и народное хозяйство Российской Федерации. Он наглядно показал, как экономика влияет на размеры заработной платы и наличие рабочих мест, их количество и качество. Без работы, без заработной платы современному человеку прожить очень трудно: необходимо каждый день покупать еду, ежемесячно оплачивать кредиты, коммунальные платежи, налоги по содержанию имущества и т.п. Банкротство мелких, средних и крупных организаций усиливает социальную напряженность, обнищание населения, ухудшение спроса и потребления, приводит к снижению рождаемости, повышению смертности, подрывает здоровье населения и т.п. Падение цен на нефть и низкие налоговые сборы серьезно влияют на социально значимые проекты, содержание органов власти и армии, рост преступности, неравномерное распределение бюджетных средств по регионам, экстремистские настроения и т.д.

И, наконец, в-третьих, значимость задачи по охране экономических отношений обусловлена наличием в самом уголовном законе самостоя-

тельного раздела, посвященного преступлениям в сфере экономической деятельности (раздел VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики»).

Необходимо отметить, что в статье 2 УК РФ все-таки упоминается одна из задач уголовного закона по охране экономических отношений – охрана отношений собственности. Данная задача имеет ограниченное действие, поскольку затрагивает только одну главу раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» – главу 21 УК РФ «Преступления против собственности». *Вне общих задач уголовного закона* остались две главы раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» уголовного закона – глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» и глава 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», которые предусматривают в совокупности 46 статей. Данное положение невозможно признать логичным. Собственность, безусловно, является важнейшей экономической категорией. Но не меньшее значение для общества и государства имеют и другие экономические категории – свобода экономической деятельности, конкуренция, предпринимательская деятельность, банки и другие институциональные инструменты, инновации. Защищать только собственность значит, согласно элементарной логике, игнорировать на законодательном уровне другие экономические категории. Также неразумно в одной статье одновременно защищать «права гражданина» и право собственности. Тем самым законодатель нарушает такой логический прием, как соотношение части и целого. Как известно, право собственности является разновидностью прав гражданина. Кроме того, законодатель, защищая конкретные экономические отношения (т.е. отношения собственности), нарушает теоретические представления об общих задачах уголовного права. Охрана права собственности с точки зрения задач уголовного права является не общей задачей уголовного права, а видовой задачей. Уместной будет следующая формулировка ч. 1 ст. 2 УК РФ: «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, *экономических отношений*, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

В отличие от общей задачи уголовного права в охране экономических отношений родовая задача получила развернутое, широкое определение. Законодатель отразил родовую задачу уголовного закона в

охране экономических отношений в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». Любопытно, что из всех разделов, предусмотренных в УК РФ, раздел VIII является самым солидным. Он содержит три главы, включающие в общей сложности 57 статей (на момент принятия УК РФ была 51 статья).

Довольно широкая задача уголовного закона в охране экономических отношений, определенная законодателем в разделе VIII УК РФ, в юридической литературе получила всеобщее признание. Комментируя раздел VIII УК РФ, Л.Д. Гаухман пришел к выводу, что в охране нуждаются «общественные отношения, обеспечивающие законные права и интересы различных субъектов в сфере экономики»[1]. С ним соглашается Ю.И. Ляпунов, по мнению которого, необходимо защищать «экономическую систему РФ в целом, основанную на рыночных производственных общественных отношениях»[2]. Глубокие исследования были проведены Н.А. Лопашенко. «В основе выделения глав в разд. VIII Особенной части УК РФ, – утверждает Н.А. Лопашенко, – лежит родовой объект посягательства. Сам же раздел выделен по признакам общности родовых объектов включенных в него преступлений; все они в той или иной степени посягают на разные по содержанию экономические отношения. Причинами объединения столь разных по характеру и содержанию преступных посягательств, как посягательства на собственность, преступления в сфере экономической деятельности и посягательства на интересы коммерческих и иных организаций, в один раздел уголовного законодательства служат следующие: 1) единая, но разновариантная экономическая мотивация практически всех преступлений, включенных в раздел VIII УК; 2) повышенная общественная опасность этих преступлений, проявляющаяся в том числе в наличии ярко негативных тенденций у современной экономической преступности; 3) наличие единого основания для криминализации этих деяний (общественно опасное поведение в сфере микро- или макроэкономики); 4) единые принципы криминализации и единые криминообразующие признаки. Существует и еще одна, и, может быть, главная, причина для объединения преступлений в разд. VIII УК РФ. Эта причина состоит в единой сфере совершения преступлений: все они совершаются в экономике и, соответ-

---

[1] *Уголовное* право. Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. М., 1999. С. 384.

[2] *Уголовное* право. Особенная часть / Под ред. проф. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 159.

ственно, преимущественный ущерб преступными посягательствами причиняется именно ей»[1].

В других исследованиях, имеющих оригинальное понимание задач уголовного права в сфере экономики, высказаны схожие суждения. «Объектом преступлений в сфере экономики, – пишет Ю. Трунцевский, – выступает правопорядок как определенная система общественных отношений, введенных в рамки предусмотренного нормами регулятивного права порядка. Содержанием правопорядка является правомерное поведение, деятельность субъектов экономических отношений»[2]. В обстоятельной работе, посвященной системе хозяйственных преступлений, И.А. Клепицкий, исходя из того, что «термины «экономика» и «народное хозяйство» в основных своих значениях совпадают», отмечает, что «нормы о хозяйственных преступлениях призваны обеспечить не только и не столько порядок в хозяйственной сфере, сколько нормальные условия для эффективного функционирования народного хозяйства как такового... Итак, народное хозяйство (иначе – экономика) призвано обеспечить реализацию материальных («имущественных» в строгой правовой терминологии) интересов человека, общества и государства (речь идет о разумном балансе этих интересов). Отдельный человек выступает в хозяйственных отношениях, прежде всего, в роли потребителя. Собственно удовлетворение потребностей человека и является основной функцией экономики как социального института. Успех в пропорциональной реализации этой функции обеспечивает и общественное благосостояние, и (в основном) экономическую безопасность государства. Функции народного хозяйства придают ценностный характер хозяйственным отношениям, что и превращает их в объект правовой охраны»[3].

Таким образом, подавляющая часть ученых определяет задачи в охране экономических отношений в Российской Федерации так же, как и в уголовном законе – очень широко.

На наш взгляд, родовая задача уголовного права по охране экономических отношений должна заключаться не в охране *всей* экономики, т.е. очень широко, а узко – в защите только *рыночных* отношений в эко-

---

[1] *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 216.

[2] *Трунцевский Ю.* Экономический правопорядок как объект посягательства и материальный признак преступления // Уголовное право. 2007. № 2. С. 15.

[3] *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. С. 14.

номике. «Рыночная экономика» является разновидностью «экономики», поэтому они соотносятся как часть и целое. «Рыночная экономика» в отличие от «экономики» является относительно саморегулируемым механизмом. Для «рыночной экономики» имеют значение спрос продукции и ее предложение, поведение потребителя и действия предпринимателя. Совершенно справедливо Д. Даниелс и Л. Радеб пишут, что «в рыночной экономике большое значение имеют два социальных элемента: индивид (individual) и фирма (firm). Индивиды владеют ресурсами и потребляют продукцию, в то время как фирмы потребляют ресурсы и производят продукцию. Рыночный механизм прямо связан с взаимодействием цены, количества, предложения и спроса на ресурсы и продукцию»[1]. «Экономика» является регулируемым механизмом. Экономика, согласно современным экономическим словарям, есть хозяйство, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда[2]. В «экономику» включаются, кроме рыночных экономических отношений, экологическая среда, здравоохранение, образование, наука и другие социальные условия. Для экономики большое значение имеют общественный порядок и общественная безопасность, нормальное функционирование налоговых, таможенных и других органов государственной власти и органов местного самоуправления, политические приоритеты высших органов власти и т.д.

В российской экономической литературе обоснованно подвергается критике подход, связанный с непониманием таких категорий, как «экономика» и «рыночная экономика»[3]. Ключевая разница заключается в характере и степени активности государственного вмешательства в эти сферы. «Экономика» требует активного участия государства. Без участия государства такие компоненты экономики, как образование, здравоохранение, наука, экология, правопорядок могут прийти в упадок. Эти сферы для бизнеса в целом представляют незначительный интерес,

---

[1] *Даниелс Д.Д., Радеба Л.Х.* Международный бизнес: внешняя среда и деловые операции. 6-е изд. М., 1994. С. 49.

[2] *Райзберг Б.Н., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 3-е изд. М., 2000. С. 459.

[3] *Дзарасов С.* Экономика: рыночная или смешанная? (О книге А. Пороховского «Вектор экономического развития») // Вопросы экономики. 2003. № 7; *Клинов В.* Современные тенденции развития машиностроения // Там же. 2006. № 9; *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Преодоление «третьего пути» // Там же. № 2, и др.

поскольку инвестиции в экологию, здравоохранение, образование и науку окупаются через большой промежуток времени. Кроме того, в погоне за прибылью предприниматели могут забыть об окружающей природной среде, здоровье своих работников, строительных, санитарных нормах, необходимости внедрения энергосберегающих и других полезных для общества технологий и т.д. Результаты такой деятельности уже видны невооруженным глазом – вырубленные леса, пустыни вместо лугов, обмелевшие реки, сокращение рождаемости и т.п. «Рыночная экономика» требует минимального участия государства. Нельзя не согласиться с Людвигом фон Мизесом, который указывает на то, что «рынок работает без принудительных мер. Государство, карательный аппарат не вмешиваются в рынок и систему гражданских отношений, управляемых рынком. Только в случае необходимости предотвращения деструктивных явлений оправдано применение силовых санкций, цель которых – регулярное функционирование рыночной экономики. Поддержание жизни, здоровья и собственности против насилия, агрессии, надувательства со стороны внутренних преступных элементов и внешних врагов – таковы функции государства, гаранта нормальной работы рыночной экономики»[1].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что законодатель в разделе VIII УК РФ явно допустил нарушение законов логики. Если речь идет о необходимости защиты «экономики», то в данном разделе УК РФ уголовный закон должен защищать любые посягательства на экономику. В этом случае в нем должны быть размещены практически все преступления, предусмотренные в уголовном законе – против жизни и здоровья (убийство или вред здоровью лица в связи с осуществлением лицом служебной деятельности, причинение вреда профессиональной трудоспособности и т.д.), против половой свободы и половой неприкосновенности (принуждение работника работодателем к действиям сексуального характера и т.д.), экологические (незаконная охота, уничтожение или повреждение лесных насаждений и т.д.), против общественного порядка и общественной безопасности (бандитизм, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики и т.д.), против государственной власти (диверсия, нецелевое расходование бюджетных средств и т.д.) и даже против мира и безопасности человечества (экоцид и т.д.).

---

[1] *Людвиг фон Мизес* Индивид, рынок и правовое государство (Антология) / Под ред Дарио Антисери и Массимо Балдини // http://www.krotov.info/lib_sec/13_m/miz/es_02.htm#4 [дата обращения 17.01.2010 г.]

Но очевидно, что подобное решение противоречило бы сложившейся с 1845 г. структуре уголовного закона и общепризнанным теоретическим положениям об объекте преступления.

В связи с вышеизложенным нельзя признать точным название раздела VIII УК РФ – «Преступления в сфере экономики». Данный раздел УК РФ должен называться «Преступления в сфере рыночной экономики». Для такого наименования раздела УК РФ есть все теоретические, правовые и фактические основания. В Российской Федерации старт развитию рыночной отношений в экономике страны был дан Верховным Советом СССР 13 июня 1990 г.[1] В другом решении Верховного Совета СССР отмечалось: «Весь мировой опыт доказал жизненность и эффективность рыночной экономики. Переход к ней в нашем обществе всецело диктуется интересами человека, и цель его – создать социально ориентированную экономику, повернуть все производство к запросам потребителя, преодолеть дефицит и позор очередей, на деле обеспечить экономическую свободу граждан, установить условия для поощрения трудолюбия, творчества и инициативы, высокой производительности»[2]. В 2007 г. заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев констатировал: «сегодня Россия обладает динамично растущей рыночной экономикой»[3]. В экономических журналах отмечается, что Россия решила задачу по созданию рыночной экономики[4].

К видовым задачам уголовного права по охране рыночных экономических отношений, исходя из глав раздела VIII Особенной части УК РФ, следует отнести: 1) охрану отношений собственности (глава 21 УК РФ), 2) охрану отношений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), 3) охрану служебных отношений в сфере экономической деятельности (глава 23 УК РФ).

Из всех глав раздела VIII Особенной части УК РФ глава 21 УК РФ «Преступления против собственности» является образцом правильного

---

[1] *Постановление* Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1558-I «О Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25. Ст. 464.

[2] *Основные* направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике (одобрены Верховным Советом СССР 19 октября 1990 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 906.

[3] *Медведев Д.А.* Гражданский кодекс России – его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства (доклад 25 апреля 2007 г.) // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 5–7.

[4] *Перевертина И.* Выбор главного экономического ориентира // Российское экономическое издание «ВВП. Валовой внутренний продукт». 2007. № 6 (28). С. 67.

и четкого определения задачи уголовного права. Задача – обеспечить максимальную защиту этой разновидности рыночных экономических отношений. Поэтому уголовный закон выстраивает мощную защитную систему, выражающуюся в запрете любых форм посягательства на отношения собственности – тайно, открыто, с применением насилия, путем обмана, использования служебного положения и т.д. Учитывая то, что возможны специфические формы посягательства на отношения собственности, УК РФ устанавливает ответственность за уничтожение и повреждение чужого имущества, временное завладение автотранспортным средством, завладение предметами культурного и исторического значения. В главе 21 УК РФ все уголовно-правовые нормы подчинены одной задаче – охране отношений собственности. В результате глава 21 УК РФ выглядит стройной, завершенной системой. Нормы главы 21 УК РФ защищают отношения собственности системно, вследствие чего они дополняют друг друга. Эти нормы не дублируют другие нормы уголовного закона и не вступают в явную конкуренцию с ними.

Разительный контраст с главой 21 УК РФ представляет глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». У норм главы 22 УК РФ нет одной общей задачи, к которой сводились бы все эти нормы. В ней можно обнаружить шесть задач, никак не связанных между собой и вступающих в коллизию с задачами других глав Уголовного кодекса РФ.

Первая задача, определенная в главе 22 УК РФ – защита добросовестного предпринимателя от противоправных действий должностных лиц (статьи 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей», 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта»). Эти статьи главы 22 УК РФ являются разновидностью должностных преступлений и реализуют задачу главы 30 УК РФ «Преступления против интересов государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» – оградить частных лиц от всевозможных злоупотреблений властью должностными лицами. В юридической литературе справедливо отмечено: «поскольку субъект преступления является должностным лицом, возможна конкуренция ст. 169 УК и ст. 285, 286 УК, а в ряде случаев и с иными нормами о должностных преступлениях».[1]

---

[1] *Уголовное* право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред.

Вторая задача – защита одних частных лиц от противоправных действий других частных лиц (ст. 179 УК РФ «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения»). Эта норма является разновидностью вымогательства, т.е. выполняет задачу уголовного права по охране отношений собственности. Об этом говорится и в юридической литературе[1]. Нахождение этой нормы в главе 22 УК РФ затрудняет квалификацию данного преступления[2].

Третья задача – защита интересов службы спортивных и иных досуговых организаций (ст. 184 УК РФ «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов»). Организации могут быть различных организационно-правовых форм – частные, муниципальные или государственные. В результате ст. 184 УК РФ конкурирует с задачами, поставленными перед нормами о служебных преступлениях, предусмотренными в других главах УК РФ (главы 23 и 30). Не случайно в юридической литературе при обрисовке этой нормы отмечают, что «по характеру она весьма близка к ст. 204 («Коммерческий подкуп»), ст. 290 («Получение взятки»), ст. 291 («Дача взятки») действующего Уголовного кодекса»[3].

Четвертая задача – защита от недобросовестного предпринимателя законных интересов частных лиц (ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита») предполагает защиту отношений собственности. Статья 176 УК РФ является разновидностью мошенничества[4]. Однако перед ней поставлена задача по охране экономических отношений. В результате возникает любопытная ситуация – лицу, замыслившему получить обманным путем кредит на сумму 1 500 тыс. руб., лучше всего до совершения мошеннических действий зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. В этом случае он не будет привлечен к уголовной ответственности, поскольку, согласно ст. 176 УК РФ, она

А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 228, 235; *Адвокат*. 2003. № 2. С. 9–11; *Комментарий* к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М.: Норма-ИНФРА-М, 1999. С. 228.

[1] *Уголовное* право России. Учебник для вузов. В 2 томах. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 264.

[2] *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 1999. № 5. С. 21.

[3] *Уголовное* право России: учебник для вузов. в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 276.

[4] См.: *Жовнир С.* Является ли лжепредпринимательство преступлением против порядка осуществления предпринимательской деятельности? // Уголовное право. 2002. № 3. С. 21; *Середа И.* Уголовно-правовая оценка лжепредпринимательства // Уголовное право. 2004. № 2. С. 57.

наступает при наличии крупного размера – суммы, превышающей 1 500 тыс. рублей. Если же кредит обманным путем получит физическое лицо, то ответственность наступает по ст. 159 УК РФ, причем независимо от суммы кредита. На основании Федерального закона РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ глава 21 УК РФ была дополнена ст. 159.1 – «Мошенничество в сфере кредитования». Частью 1 указанной нормы в отличие от ч. 1 ст. 176 УК РФ установлена ответственность за совершение более широкого спектра общественно опасных деяний, имеющих место в сфере кредитования. Представляется, что благодаря введению в УК РФ ст. 159.1 возможна конкуренция между ней и ст. 176 УК РФ. При этом ст. 176 УК РФ решает искусственно созданные задачи и поэтому противоречит принципам справедливости и вины (ст. 5, ст. 6 УК РФ).

Пятая задача – защита от недобросовестных граждан интересов государства. Данная задача реализуется в большинстве норм главы 22 УК РФ. Особенность данной задачи заключается в том, что все эти деяния могут быть совершены не столько предпринимателем, *сколько любым физическим лицом*. Их, в зависимости от поставленных перед ними задач, можно разделить на три подгруппы: 1) преступления против порядка управления; 2) преступления против правосудия; 3) преступления против государственной безопасности.

К преступлениям против порядка управления в главе 22 УК РФ следует отнести: ст. 171.1 «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции», ст. 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», ст. 173.2 «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица», ст. 180 «Незаконное использование товарного знака», ст. 181 «Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм», ст. 185 «Злоупотребление при выпуске ценных бумаг (эмиссии), ст. 185.1 «Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах», ст. 185.2 «Нарушение порядка учёта прав на ценные бумаги», ст. 185.3 «Манипулирование рынком», ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг», ст. 185.5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества», ст. 185.6 «Неправомерное использование инсайдерской информации», ст. 186 «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг»,

ст. 187 «Изготовление или сбыт поддельных кредитных карт либо расчетных карт и иных платежных документов», ст. 190 «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран», ст. 191 «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга», ст. 192 «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней», ст. 193 «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте», ст. 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица», ст. 198 «Уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды», ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации» ст. 199.1 «Неисполнение обязанностей налогового агента», ст. 199.2 «Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов». Во всех этих случаях физическим лицом нарушаются те или иные *обязанности* по соблюдению установленного государством порядка регулирования общественных отношений.

Государство, вводя указанные уголовно-правовые запреты, ставит перед уголовным законом задачу обязать граждан платить налоги, сдавать драгоценные камни, соблюдать таможенные, валютные и иные ограничения и т.п. Поведение лица, нарушившего установленные государством ограничения, нельзя назвать предпринимательской или иной экономической деятельностью. Предпринимательская деятельность, как известно, носит самостоятельный характер, осуществляется на свой страх и риск. В рассматриваемых случаях гражданина вообще не спрашивают о том, что он хочет, поскольку он обязан воздержаться от нарушения возложенных на него обязательств перед обществом и государством[1].

К преступлениям против правосудия следует отнести: ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества,

---

[1] См. *Коротенко А.Н.* Уголовное законодательство о противодействии преступлениям в сфере экономики и экономика как его системообразующий фактор // Преступность и проблемы борьбы с нею / Под общ. ред. А.И. Долговой, В.И. Каныгина. М., 2007. С. 161–162.

приобретенных лицом в результате совершения им преступления», ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности». Все эти нормы призваны обеспечить интересы нормального отправления правосудия[1]. Поведение нарушителей этих норм никак нельзя назвать экономической деятельностью. Можно ли считать легализацию преступных доходов экономической деятельностью, если виновный, совершающий подобные действия, содействует сокрытию преступных фактов, интересующих правоохранительные органы? Развивая эту точку зрения, можно прийти к абсурдным умозаключениям, признав изнасилование разновидностью экономической деятельности, поскольку это способствует появлению на свет новых трудовых единиц.

К преступлениям против государственной безопасности следует отнести ст. 189 УК РФ «Незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Задача данной нормы – обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность Российской Федерации. Поэтому не случайно, согласно ст. 151 УПК РФ, расследование данной категории преступлений отнесено к компетенции Федеральной службы безопасности. Назвать это деяние, которое может быть совершено шпионом, экономическим преступлением нелогично.

И, наконец, шестая задача уголовного права, предусмотренная в главе 22 УК РФ – защита предпринимательских отношений, т.е. законных интересов одного предпринимателя от другого предпринимателя. К данной группе норм следует отнести следующие статьи главы 22 УК РФ: 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», 171.2 УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр», 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность», 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», 183 УК РФ «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», 197 УК РФ «Фиктивное банкротство». Они хотя и разбросаны по всей главе 22 УК

---

[1] *Сережкина К.Н.* Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 9, 15, 18, 20

РФ, но настроены на уголовно-правовое обеспечение особой разновидности предпринимательских отношений – отношений конкуренции.

Разнообразие задач, предусмотренных в главе 22 УК РФ, объясняется широкой формулировкой законодателем видового объекта преступления. В результате в главе 22 УК РФ нарушены положения логики, поскольку «экономическая деятельность» охватывает буквально все преступления, предусмотренные уголовным законом. Например, смерть человека в результате убийства, с одной стороны, лишает производство трудовых ресурсов, а с другой – в лице осужденного к реальному лишению свободы влечет для экономики утрату еще одного активного потребителя материальных благ; причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее заведомо для виновного полную утрату потерпевшим профессиональной трудоспособности (ч. 1 ст. 111 УК РФ), лишает экономику квалифицированных кадров; диверсия посягает на экономическую безопасность и снижает уровень инвестиционной привлекательности государства; террористические акты и бандитизм могут дестабилизировать экономическую деятельность предприятий, учреждений и организаций; экологические преступления истощают материальные и природные ресурсы, т.е. землю, лес и т.п. Исходя из данной логики, проще большую часть преступлений, предусмотренных в уголовном законе, включить в одну главу – главу 22 УК РФ. Очевидно, это будет абсурдным.

В юридической литературе доминирует широкое представление о видовой задаче уголовного права в охране экономических отношений. В одном из комментариев к проекту Уголовного кодекса РФ подчеркивалось, что «государство должно лишь бороться с криминальным предпринимательством, извлекающим прибыль из действий, наносящих ущерб обществу»[1]. В исследованиях других юристов предлагалось «во-первых, оградить рыночную экономику от недобросовестного предпринимательства. Во-вторых, защитить честного предпринимателя от злоупотреблений должностных лиц (чаще всего исполнительной ветви власти), их незаконного вмешательства в предпринимательскую деятельность. В-третьих, защитить интересы, потребности общества и государства (в указанной сфере) от недобросовестного предпринимателя и кри-

[1] *Преступление* и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. М., 1993. С. 156.

минала»[1]. По мнению Б.В. Волженкина, «государство должно бороться с криминальным предпринимательством, причиняющим вред интересам граждан (потребителей), законным интересам других предпринимателей и самого государства»[2].

Вследствие широкого подхода значительные трудности в своей деятельности испытывают правоохранительные органы. Во-первых, большое обилие задач дезориентирует судебно-следственные органы, создает путаницу при квалификации деяний. Во-вторых, отдаляет их от решения других, более важных задач, требующих активной уголовно-правовой охраны. Нормы главы 22 УК РФ настраивают правоохранительные органы выявлять, пресекать и наказывать проявления любой противоправной экономической активности. В современных экономических условиях пресечение любой экономической или хозяйственной деятельности явно несостоятельно, противоречит Конституции РФ 1993 г. Такая задача ставилась перед советскими органами уголовной юстиции. В современных условиях необходимо защищать не все звенья «общественного производства, распределения, обмена, потребления материальных и иных благ», а наиболее конфликтные сферы экономической деятельности.

Таким образом, видовая задача главы 22 УК РФ требует уточнения. Ее «настройку» можно произвести, используя проверенный временем инструментарий. Им следует признать категорию «общественные отношения», точнее, структуру общественного отношения (субъектов общественных отношений, предмет общественных отношений, социальную функцию субъектов общественных отношений).

В зависимости от предмета общественного отношения, состава субъектов общественных отношений и выполняемых ими социальных функций задачи уголовного права по защите экономических отношений можно разделить на четыре вида:

- если предприниматель совершает противоправные действия в отношении индивидуально определенного лица, то задача по защите этих общественных отношений должна быть поручена группе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против личности;

---

[1] *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций. Т. 2: Особенная часть. М., 2004. С. 237.

[2] *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 68–69.

- если предприниматель совершает противоправные действия в отношении потребителей, то задача по защите этих общественных отношений должна быть поручена группе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против общества;

- если предприниматель совершает противоправные действия в отношении государства, то задача по защите этих общественных отношений должна быть поручена группе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против государственной власти;

- если предприниматель совершает противоправные действия в отношении другого предпринимателя, то задача по защите этих общественных отношений должна быть поручена особой группе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на предпринимательские отношения. Эта особая группа уголовно-правовых норм должна быть объединена в одной главе УК РФ «Преступления в сфере предпринимательской деятельности». На роль этой главы больше всего подходит глава 22 УК РФ.

Таким образом, главная и единственная задача главы 22 УК РФ должна заключаться в защите предпринимательских отношений. Возникает вопрос, какие конкретно предпринимательские отношения законодателю необходимо защищать? Иными словами, какие непосредственные задачи должен ставить законодатель перед нормами главы 22 УК РФ «Преступления в сфере предпринимательской деятельности». При этом, с одной стороны, уголовно-правовое вмешательство в сферу предпринимательской деятельности не должно наносить ущерба свободе экономической деятельности, не должно ставить преграды риску и проявлению инициативы, предпринимательскому «хаосу», резкому изменению спроса и предложения на товарных рынках. С другой стороны, вводя уголовно-правовые запреты, законодатель обязан принимать во внимание необходимость упорядочения предпринимательского «хаоса» для блага самих же предпринимателей, общества и государства, введения жестких правил игры, которые обязаны соблюдать все бизнесмены. Как найти баланс между «молотом» и «наковальней»?

Представляется, что оптимальным критерием, позволяющим балансировать между публичными интересами и интересами самих предпринимателей, является конкуренция, конкурентная среда. Конкуренция – «нерв» предпринимательских отношений, поскольку «заставляет хозяйствующих субъектов делать то, что хотят потребители и за что они готовы платить. В результате повышается эффективность распределения

ресурсов. Способствуя минимизации издержек производства товаров и услуг, конкуренция повышает эффективность производства. Вознаграждая новаторство, она стимулирует прогресс. Конкуренция максимизирует благосостояние, как конкретного потребителя, так и всего общества в целом»[1]. Одновременно конкуренция способна привести и к жесткому столкновению предпринимателей за потребителя, прибыль, инновационные технологии. Здесь возможны ухищрения, обманы и другие недобросовестные действия. Поэтому непосредственные задачи уголовного закона в охране экономических отношений должны предусматривать три направления защиты предпринимательских отношений: 1) защита от недобросовестных действий в борьбе за материальные факторы производства (рынки сбыта, товары, фирму и т.д.); 2) защита от недобросовестных действий за трудовые факторы производства; 3) защита от недобросовестного завладения интеллектуальными факторами производства. Некоторые проявления недобросовестной предпринимательской деятельности преследуются уголовным законом. Однако остаются и деяния, находящиеся за рамками уголовного законодательства. Ю.Г. Следь справедливо отмечает, что «задача уголовно-правовой защиты добросовестной конкуренции в настоящее время не находит системного отражения в Особенной части Уголовного кодекса РФ»[2].

К проявлениям недобросовестной конкуренции, преследуемым уголовным законом, следует отнести незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконные организацию и проведение азартных игр (ст. 171-2 УК РФ) и незаконную банковскую деятельность (ст. 172 УК РФ). Они выполняют задачу по предупреждению противоправных действий, нарушающих «стартовые» конкурентные условия. Любое начинание нуждается как в физических и моральных силах, так и в денежных средствах. Одновременно отсутствуют гарантии, что вложенные силы и средства смогут окупиться, принести доход.

Государство не должно оставлять без внимания возникающее в начале осуществления предпринимательской деятельности неравное положение её субъектов. Субъект, систематически извлекающий доход без регистрации, не несет издержек, связанных с уплатой налогов, пошлин и иных сборов, он может безнаказанно игнорировать санитарные, противопожарные и иные правила, а также правила охраны труда. Он не

---

[1] *Авдашева С.Б. и др.* Конкуренция и антимонопольное регулирование. М., 1999. С.189.

[2] Следь Ю.Г. Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 15.

подвергается различным проверкам, ревизиям, поскольку контрольно-надзорные органы не знают о его существовании. Одновременно ему не нужно тратить время на сдачу бухгалтерской и иной отчетности, консультации по вопросам перерегистрации организации, изменения учредительных документов. Не нужно заниматься ознакомлением и изучением законодательства, ГОСТ, СНиП и других актов. Справедливо отмечается, что «уголовно наказуемая незаконная банковская деятельность... способствует недобросовестной и незаконной конкуренции с легитимными кредитными учреждениями...»[1].

Указанное выше не только несправедливо с точки зрения предпринимателя, который зарегистрировался в установленном законом порядке или получил лицензию, но и нарушает установленный порядок в обществе. Законодательство Российской Федерации о государственной регистрации и лицензировании состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»[2], Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[3] и множества иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Другой разновидностью недобросовестной конкуренции, запрещенной уголовным законом, является недобросовестное банкротство предприятия (ст. 195, 196, 197 УК РФ). Главная задача данных статей УК РФ – лишить недобросовестных коммерсантов возможности неконкурентными способами продолжать и развивать свой бизнес. Любой предприниматель желает, чтобы его бизнес был успешным, приносил высокую прибыль и динамично развивался. Добросовестный предприниматель добивается желаемых результатов рыночными, конкурентными способами. Он внедряет новые технологии производства, разрабатывает эффективный бизнес-план, который может заинтересовать потенциальных инвесторов, проводит маркетинговые исследования для изучения потребностей потребителей, выявляет товары, которые пользуются спросом, повышает их качество и количество, расширяет ассортимент, заботится о своих сотрудниках. Таким образом, добросовестный предприниматель прилагает неимоверные моральные, интеллектуальные и фи-

---

[1] *Уголовное* право России. Учебник для вузов. В 2 томах. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 243.

[2] СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[3] Там же. 2011. № 19. Ст. 2716.

зические усилия для процветания организации. В итоге его действия будут иметь результат, но на это уходят десятилетия. Для общества и государства подобные действия имеют высокий положительный эффект, выражающийся в честном и социально ответственном поведении самого предпринимателя, в уверенности работников организации в завтрашнем дне, в уверенности инвесторов в эффективности производства, стабильном поступлении налоговых отчислений и т.д.

Недобросовестный коммерсант добивается тех же результатов, прилагая минимум усилий. Банкротство предполагает ликвидацию организации, что позволяет списать кредиты, долги по заработной плате и другие финансовые обязательства, на «старое» предприятие, вывести наиболее ликвидные активы и начать бизнес заново, но уже без каких-либо обременений. Существует несколько распространенных схем. Одна из самых популярных – «вывод ликвидных активов и формирование пула «дружественных» кредиторов», т.е. «как только возникает риск не вернуть долг (например, банковский кредит), собственники передают все более или менее ценное имущество в дружественную компанию. В итоге у фирмы не остается ничего, кроме долгов»[1]. Другая схема «освобождения от долгов» включает в себя несколько этапов. «На первом этапе руководством организации скупаются у своих работников акции через подставные фирмы. Добиться этого, разумеется, несложно в условиях многомесячной задержки выплаты заработной платы. Таким образом, постепенно контрольный пакет акций концентрируется в одних руках. На втором этапе регистрируются три-четыре, а в необходимых случаях и более, новые организации, учредителями которых выступают подставные лица. С этими вновь созданными юридическими лицами заключаются договоры аренды имущества с правом выкупа. На третьем этапе происходит «выкуп» имущества, причем в качестве средства платежа используются векселя различных фирм со сроком погашения 5–7 лет. На четвертом этапе собственники имущества выступают учредителями нового общества, а все «выкупленное» имущество передается в уставный капитал вновь созданной организации»[2]. В результате недобросовестный бизнесмен получает существенные преимущества по сравнению с добросовестным предпринимателем: возникает новая организация, не обремененная долгами; набирается новый штат работни-

---

[1] *Данилкин И.* Пустое дело // Томский бизнес-журнал. 2009. № 2 (157). С. 20–21.

[2] *Гордейчик С.* Банкротство как способ уклонения от уплаты долгов // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 16.

ков, который готов работать за меньшую зарплату и с более низкими социальными гарантиями и т.д. Однако кажущееся на первый взгляд «эффективное» банкротство имеет множество косвенных негативных последствий. Уставный капитал старой организации остается оплаченным неликвидным имуществом. Как следствие, кредиторы лишаются возможности хоть каким-то образом получить удовлетворение своих претензий, работники не получают заработную плату. Инвесторы испытывают недоверие к предпринимательской среде и боятся вкладывать свои деньги. Производство не может развиваться, поскольку не хватает оборотных средств. Вновь набранные работники не верят в будущее организации и прилагают минимум усилий для развития производства. Качество, ассортимент товаров падают, что негативным образом сказывается на здоровье потребителей. Экономический «климат» в стране начинает деградировать, поскольку модель поведения недобросовестного коммерсанта служит примером для подражания и создает замкнутый круг, где все построено на обмане и лжи.

Третьей разновидностью недобросовестной конкуренции является противоправная монополистическая деятельность (ст. 178 УК РФ). Основная задача данной нормы – пресечение тайного сговора недобросовестных бизнесменов против добросовестных предпринимателей. Тайный сговор может касаться рынков сбыта продукции, цены на продукцию и других условий, существенно снижающих возможности одних предпринимателей и повышающих возможности других бизнесменов в борьбе за потребителя и прибыль. Значение данной нормы для экономики страны и создания нормальной конкурентной среды хорошо показано в юридической литературе. По словам П.А. Скобликова, «...конкуренция в экономике порождает образование монополий, которые ограничивают конкуренцию, подавляя конкурентов (выживает сильнейший). Зависимость производителей от потребителя сменяется диктатом производителя-монополиста, который произвольно решает, какие товары и в каком объеме производить и по какой цене их продавать, ориентируясь главным образом на свои интересы. А в таких условиях развитие производства, улучшение качества товаров, расширение их ассортимента интересам монополиста не отвечает, так как все это влечет (по крайней мере, первоначально) дополнительные затраты монополиста, а увеличить доходы можно более простым путем – повышая цены. Как результат, в монополизированных отраслях, а затем и в экономике в целом наступает застой. Поэтому рыночное хозяйство без ан-

тимонопольного регулирования не способно оправдать возлагаемые на него надежды»[1].

Четвёртой разновидностью недобросовестной конкуренции являются незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). Главная задача обозначенной уголовно-правовой нормы – пресечение нарушений прав и интересов добросовестных предпринимателей. В представленной ситуации путём незаконного доступа к данным о коммерческой деятельности индивидуального предпринимателя и организации последним причиняется как материальный, так и моральный ущерб.

Указанные виды преступлений способствуют реализации задачи уголовного права по охране рыночной экономики от противоправных посягательств. Но этих видов преступлений явно недостаточно для полной и системной реализации задач по охране предпринимательских отношений. До сих пор законодателем не решен ряд важнейших задач, необходимых для развития здоровой конкурентной борьбы. К ним можно отнести:

1. Задачу по уголовно-правовой защите отношений конкуренции от промышленного шпионажа, в том числе «продажи, обмена или иного введения в оборот товара с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполнения работ, услуг»[2]. Организации, особенно крупные, несут миллионные и миллиардные убытки вследствие отлаженного промышленного шпионажа со стороны их конкурентов. Игнорировать данное положение законодатель не может, поскольку это вряд ли будет способствовать созданию цивилизованного рынка инновационного типа, о котором много говорится в высших эшелонах власти России в последнее время.

Следует отметить, что интересы личности и государства в этом отношении охраняются законодателем на надлежащем уровне. Как известно, уголовный закон защищает граждан от шпионажа в отношении их личной жизни во многих статьях УК РФ (ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны

---

[1] *Скобликов П.А.* Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции в современной России // Закон. 2006. № 12. С. 102–111.

[2] См.: *Ермаков С.В.* Нарушения авторских, смежных прав в России и организованная преступность // Криминальная экономика и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М., 2007. С. 97–102; *Болсюбов С.А., Волков Г.М., Геренрот Б.А.* Этические и правовые вопросы предпринимательства. М., 2008. С. 96–98.

переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)»). Уголовный закон также защищает интересы государства от шпионажа государственно значимых сведений, осуществляемых недружественными государствами (ст. 275 УК РФ «Государственная измена», ст. 276 УК РФ «Шпионаж»). На фоне активной уголовно-правовой защиты интересов граждан и государства выглядит нелогичным отсутствие надлежащей охраны интересов предпринимателей.

2. Задачу по уголовно-правовой защите отношений конкуренции от дискредитации деловой репутации организации – распространения ложных, неточных или искаженных сведений, способных причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации[1]. Следует согласиться с Ю.Г. Следь, отметившим, что «... до настоящего момента задача построения комплексной системы мер защиты (включающей меры уголовно-правового характера) от дискриминации в ходе недобросовестной конкурентной борьбы не находит своего адекватного отражения в действующем отечественном законодательстве»[2]. Юридические лица, которые составляют подавляющее большинство участников делового оборота, по существу находятся вне рамок уголовно-правовой охраны.

Практика показывает, что такая форма недобросовестной конкуренции набирает обороты и угрожает экономической безопасности государства. Так, в Ростовское УФАС России обратилась компания «МТС» по поводу ненадлежащей, на ее взгляд, рекламной статьи в «Газете Дона». В статье под заголовком «Выше гор только "Мегафон"», в частности, сообщалось, что на высоте 3012 м в поселке Домбай только компания «Мегафон» обеспечивает возможность использования сотовой связи («...Так тут что "Мегафон" ловит? – Только "Мегафон" и ловит...»). Ростовское УФАС возбудило и рассмотрело дело в отношении компании ЗАО «Мобикон Кавказ» («Мегафон») о недобросовестной конкуренции (ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции»), выразившейся в распространении ложных, неточных, искаженных сведений, которые

---

[1] См. *Алексеев С.В.* Маркетинговое право. М., 2002. С. 118–121; *Тараненко А.С.* Перспективы уголовно-правовой охраны деловой репутации коммерческих организаций // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 99–104.

[2] *Следь Ю.Г.* Уголовно-правовая защита от недобросовестной конкуренции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 17.

могут причинить убытки хозяйствующим субъектам (конкурентам) либо нанести ущерб их деловой репутации. Как было установлено в рамках рассмотрения дела, в поселке Домбай, в частности на высоте 3012 м операторами «МТС» и «Билайн» установлены базовые станции, посредством которых они, так же как «Мегафон», оказывают услуги сотовой связи. 31 августа 2007 г. в отношении «Мегафона» было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.3 КоАП (ненадлежащая реклама). 14 сентября 2007 г. по итогам рассмотрения дела наложен административный штраф в размере 45 тыс. руб. Не согласившись с административным решением, «Мегафон» обжаловал его в Арбитражный суд Краснодарского края. 8 ноября 2007 г. суд первой инстанции оставил в силе административное решение. 24 января 2008 г. Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд подтвердил законность судебного решения Арбитражного суда Краснодарского края[1].

3. Задачу по уголовно-правовой защите конкурентных отношений от введения в заблуждение потребителей[2]. «Введение в заблуждение, – как справедливо пишет О.А. Городов, – в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей представляет собой действие хозяйствующего субъекта (группы лиц), направленное на формирование у участников рынка товаров, работ и услуг представлений, не соответствующих действительности. Подобное действие прямо не влияет на потребительский спрос, однако порождает у участников рынка некие ожидания, которые в определенных ситуациях могут отвлечь клиентуру в том либо ином сегменте рынка и канализировать ее интересы в нужном для недобросовестного участника направлении»[3]. Это деяние буквально нельзя отнести к мошенничеству, ибо потерпевшим в данном случае является не собственник (покупатель), а добросовестный предприниматель, который, с одной стороны, лишается какого-то количе-

---

[1] http://www.fas.gov.ru/news/n_16954.shtml [дата обращения – 12.01.2010 г.]

[2] *Капитанов В.Н.* Проблемы применения законодательства о недобросовестной конкуренции // Материалы Международной конференции «10 лет антимонопольным органам Российской Федерации: Итоги и перспективы». М., 2000. С. 89; *Кондратовская С.Н.* Правовые проблемы пресечения недобросовестной конкуренции на товарных рынках: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 72–73; *Паращук С.А.* Конкурентное право: правовое регулирование конкуренции и монополии. М., 2002. С. 224; *Рабец А.Н.* Правовая охрана товарных знаков в России: современное состояние и перспективы. СПб., 2003. С. 155; *Варламова А.Н.* Конкурентное право России. М., 2008. С. 359.

[3] *Городов О.А.* Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика // СПС «Консультант плюс».

ства потребителей, поскольку он использует честную информацию, которая не содержит ложные, но привлекательные сведения, а с другой – лишается доверия потребителей из-за обманных действий недобросовестных коммерсантов.

Судебная практика последних лет показывает, что недобросовестные бизнесмены активно используют обманные способы привлечения потребителей. Управление Федеральной антимонопольной службы по Орловской области (далее – УФАС) наложило административный штраф на ООО «Эльдорадо-Запад» в размере 200 тыс. руб. за нарушение Федерального закона «О защите конкуренции» при рекламировании потребительских кредитов. В ходе проверок было выявлено, что «Эльдорадо-Запад» на фасаде магазина размещало наружную рекламу с информацией: «Отличные кредиты – Отличный 2 года. Кредит до 2 лет. Бесплатный 0%. 0% переплаты! Удобный 0%. Первый взнос 0%. Попади в десятку. 10% первый взнос. 10 месяцев срок кредита. 10% переплата». В ходе рассмотрения дела УФАС установлено, что «Эльдорадо-Запад» услуги по потребительскому кредитованию не предоставляет. Такие услуги оказываются банковскими организациями. УФАС квалифицировало действия «Эльдорадо-Запад» как недобросовестную конкуренцию – введение потребителей в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств товара и в отношении его производителя, что является нарушением законодательства о конкуренции[1].

Таким образом, уголовное законодательство нуждается в четком и однозначном определении задач уголовного права в охране экономических отношений. Несистемность норм экономических преступлений является следствием ошибочной постановки родовой задачи уголовного права в охране экономических отношений – нужно защищать не экономику вообще, а институты *рыночной* экономики. Неточное определение родовой задачи повлекло за собой размытое определение видовой задачи главы 22 УК РФ – «экономическая деятельность». В результате в главе 22 УК РФ законодатель собрал уголовно-правовые запреты, которые вступают в конкуренцию как между собой, так и с другими нормами уголовного закона. Следует защищать не «экономическую деятельность» вообще, не «производство, обмен, распределение, потребление материальных благ», а конкретный вид экономической деятельно-

[1] http //www vedomosti ru/newsline/index shtml?2007/10/22/498036 [дата обращения – 10 01 2010 г]

сти – предпринимательские отношения. Искаженными оказались и непосредственные задачи норм главы 22 УК РФ – необходимо преследовать не вообще все деяния, в которых прямо или косвенно участвует предприниматель, а только посягательства одного предпринимателя на бизнес другого предпринимателя (конкурентные отношения). Данная вертикальная структура задач уголовного права в охране экономических отношений имеет ряд положительных аспектов. Во-первых, она соответствует положениям логики («экономика – рыночная экономика – предпринимательские отношения – конкурентные отношения»). Во-вторых, дополняет положения об объекте преступлений в сфере экономической деятельности. В-третьих, поможет законодателю в оптимальной криминализации и декриминализации деяний в сфере экономики.

1.3. Тенденции развития уголовного законодательства, охраняющего экономические отношения

Несмотря на новизну главы 22 УК РФ, в течение 2010–2011 гг. она вновь подверглась существенным изменениям и дополнениям. На основании Федерального закона РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ изменения коснулись диспозиций ст. 171, 172, 174-1 УК.

Благодаря данным изменениям привлекать к уголовной ответственности по ст. 171 стало возможным, если предпринимательская деятельность осуществляется субъектом «без лицензии в случаях, когда лицензия обязательна». В ранее действующей редакции привлечение к уголовной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности было возможным, если деятельность, указанная в диспозиции рассматриваемой нормы, осуществлялась «как без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением лицензионных требований и условий». На практике последнее практическими работниками толковалось достаточно произвольно. В результате к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ привлекались и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность на вполне законных основаниях. Таким образом, исключение обозначенного элемента из диспозиции рассматриваемой нормы явилось правомерным. В результате наблюдается некоторое «сужение» действия уголовного законодательства, охраняющего экономические отношения.

Указанным Федеральным законом то же изменение было внесено и в диспозицию ст. 172 УК, устанавливающей ответственность за осу-

ществление незаконной банковской деятельности. В рассматриваемой ситуации также имеет место «сужение» действия уголовного законодательства.

Наряду с рассмотренными, Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. изменения были внесены и в диспозицию ст. 174-1 УК. В результате законодателем прямо обозначены цели легализации преступно нажитого имущества и доходов[125]. Таким образом, цель указанных изменений – наиболее чёткое раскрытие сущности рассматриваемого деяния. В обозначенной ситуации не наблюдается «расширения» диспозиции ст. 174-1.

Одновременно на основании данного Федерального закона было декриминализировано лжепредпринимательство, ответственность за совершение которого устанавливалась ст. 173 УК РФ. Обозначенная норма предусматривала уголовную ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Все конструктивные признаки рассматриваемого состава преступления свидетельствовали, что лицо не собиралось осуществлять указанную деятельность. Тем самым, оно не желало причинения вреда предпринимательским отношениям. Следовательно, исследуемая норма решала искусственно созданные задачи, что отмечали и практические работники. Согласно их мнению, диспозиция ст. 173 УК являлась достаточно сложной для её правильного практического применения. Вследствие этого возбуждённые по указанной статье уголовные дела прекращались в связи с отсутствием возможности доказать в совершённом деянии наличие всех признаков лжепредпринимательства[126]. Таким образом, декриминализация лжепредпринимательства представляет собой правильный шаг законодателя.

Наряду с внесением изменений в диспозиции ст. 171, 172, 174-1 и декриминализации лжепредпринимательства, в редакции рассматриваемого федерального закона законодателем существенно увеличены «крупный» и «особо крупный» размеры как дохода, извлекаемого в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности, так и ущерба, причиняемого в результате их совершения. Таким образом, в отличие от предыдущей, в исследуемой редакции имеет место экономия репрессии.

Согласно Федеральному закону от 19 мая 2010 года № 92-ФЗ, изменениям подверглась ч. 3 ст. 195 УК. В результате действие указанной

---

[125] Рос газета 2010 9 апр

[126] Архив Советского районного суда г Томска Уголовное дело № 1 – 2/06.

нормы распространилось и на «иные финансовые организации». Таким образом, наблюдается «расширение» действия уголовного закона. По нашему мнению, оно правомерно, поскольку действие предыдущей редакции ч. 3 ст. 195 распространялось только на «кредитные организации». Благодаря «расширению» действия рассматриваемой нормы оказался устранённым пробел в действующем уголовном законодательстве.

Согласно Федеральному закону от 17 июня 2010 г. № 120-ФЗ ст. 184 УК дополнилась Примечанием, согласно которому возможно освобождение от уголовной ответственности, если в отношении виновного лица «имело место вымогательство или если оно добровольно сообщило о подкупе органу, имеющему право возбудить уголовное дело». В обозначенной ситуации, в отличие от предыдущей, налицо «сужение» действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Согласно Федеральному закону от 1 июля 2010 г. глава 22 УК РФ дополнилась рядом новелл: ст. 170-1, устанавливающей ответственность за «Фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учёта»; ст.185-5, устанавливающей ответственность за «Фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества». Обозначенные новеллы направлены на борьбу с рейдерством, которое в настоящее время представляет серьёзную угрозу экономической безопасности России[127]. Несмотря на это, внесённые ранее законодателем поправки в УК РФ не были направлены на борьбу с рейдерскими захватами. До принятия указанного Федерального закона борьба с ними велась посредством норм, устанавливающих ответственность за деяния, по своей сути не являющиеся рейдерством – ст. 159, 171, 201 УК[128]. Таким образом, наблюдалось применение закона по аналогии, противоречащее ст. 3 УК РФ – принципу законности уголовного права. В результате уголовное законодательство в части борьбы с рейдерскими захватами оказалось полностью неэффективным[129]. Введение в главу 22 УК РФ обозначенных новелл позволит устранить пробел в сфере борьбы с указанным общественно опасным явлением.

Согласно Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ обозначенная глава вновь подверглась изменениям и дополнениям. В ре-

---

[127] *Никитенкова Н.Ю.* Незаконные захваты имущественных комплексов юридических лиц // Закон и право. 2008. № 3. С. 110.

[128] Там же.

[129] *Лопашенко Н.А.* Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 11.

зультате в новой редакции диспозиции ст. 185-3 УК законодатель достаточно подробно раскрыл понятие «Манипулирование рынком». В предыдущей редакции для раскрытия указанного понятия правоприменителю следовало обратиться к законодательству о ценных бумагах, о чём отмечалось в Примечании к исследуемой норме.

Также на основании данного Федерального закона глава 22 УК дополнилась ст. 185-6, устанавливающей ответственность за неправомерное использование инсайдерской информации. Криминализация рассматриваемого деяния правомерна, поскольку указанное использование информации представляет общественную опасность для нормального функционирования рынка ценных бумаг. Таким образом, как и в предыдущей ситуации, устранён пробел в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Согласно Федеральному закону РФ от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ исследуемая глава УК РФ дополнилась ст. 171-2, устанавливающей ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр. Криминализация указанного деяния объясняется необходимостью усиления борьбы с получившим в России достаточно широкое распространение незаконным игорным бизнесом. До его криминализации борьба с данным общественно опасным явлением осуществлялась на основании ст. 171 УК, как с незаконным предпринимательством, что представляло собой противоречащее принципу законности применение уголовного закона по аналогии. В результате установления законодателем уголовной ответственности за совершение рассматриваемого деяния оказался устранённым один из существующих пробелов в действующем уголовном законодательстве.

Согласно Федеральному закону РФ от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ в главу 22 УК РФ вновь были введены новеллы – ст. 173.1, устанавливающая ответственность за незаконное образование, создание, реорганизацию юридического лица, и ст. 173.2, устанавливающая ответственность за незаконное использование документов для образования, создания, реорганизации юридического лица. Их появление в отечественном уголовном законодательстве обусловлено необходимостью усиления борьбы с созданием криминальных фирм-«однодневок», регистрируемых на подставных лиц с использованием документов последних.

Согласно Федеральному закону РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ утратила силу ст. 188 УК РФ, устанавливавшая ответственность за совершение контрабанды. Одновременно указанным Федеральным зако-

ном установлена уголовная ответственность за совершение контрабанды сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ). Кроме того, на основании настоящего Федерального закона в УК РФ введена ст. 229.1, устанавливающая ответственность за совершение контрабанды наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические вещества, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Таким образом, декриминализированной оказалась только «товарная» контрабанда. По мнению учёных, цель данной декриминализации – создание благоприятного климата для беспрепятственного движения товаров и иных материальных ценностей, а также денег через государственную границу (товаров, преимущественно низкого качества – в Россию, денег – за её пределы)[130].

На наш взгляд, С.Ф. Милюков не принял во внимание, что за время действия нормы, устанавливавшей ответственность за совершение контрабанды, не было возбуждено ни одного уголовного дела в отношении лиц, беспрепятственно вывозивших капиталы за пределы России. Рассматриваемая норма применялась исключительно в отношении лиц, совершавших контрабанду товаров в незначительных размерах. Представляется, что данная декриминализация вполне обоснована, поскольку степень общественной опасности «товарной» контрабанды значительно ниже, чем контрабанды предметов, отражённых в диспозициях ст. 226.1 и 229.1 УК РФ. Для борьбы с «товарной» контрабандой эффективными окажутся не уголовно-правовые меры.

---

[130] *Милюков С.Ф.* Российская уголовная политика: перманентная революция // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012. С. 163

Кроме декриминализации «товарной» контрабанды, на основании рассматриваемого Федерального закона изменениям подверглась диспозиция ст. 191 УК. В её новой редакции в отличие от предыдущей уголовная ответственность наступает в случае совершения сделки, связанной с драгоценными металлами, природными драгоценными камнями либо ,с жемчугом, в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации, а равно незаконные хранение, перевозка или пересылка драгоценных металлов, природных драгоценных камней либо жемчуга в любом виде, состоянии, за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий, совершённых только в крупном размере, а также организованной группой или группой лиц по предварительному сговору. Таким образом, в обозначенной редакции имеет место экономия репрессии, свидетельствующая о «сужении» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности.

Изменения, согласно настоящему Федеральному закону, внесены и в диспозицию ст. 194 УК. В результате их указанная норма дополнена ч. 3, устанавливающей ответственность за совершение уклонения от уплаты таможенных платежей либо должностным лицом с использованием своего служебного положения, либо с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, а также ч. 4, устанавливающей ответственность за совершение рассматриваемого деяния организованной группой. В результате указанных изменений существенно увеличены как крупный, так и особо крупный размеры уклонения от уплаты таможенных платежей. Одновременно в новой редакции в Примечании к обозначенной норме законодатель чётко дифференцировал указанные размеры применительно к физическим и юридическим лицам. В настоящей ситуации, аналогично предыдущей, наблюдаются экономия репрессии и «сужение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу.

Несмотря на внесённые изменения, дальнейшее совершенствование главы 22 УК РФ неизбежно. Это отмечалось как учёными[1], так и работботниками правоохранительных органов. По мнению последних, исследуемая глава значительно превосходит иные главы УК по количеству существующих в ней пробелов. В настоящее время по-прежнему остаются не криминализированными общественно опасные деяния, совершаемые в сфере приватизации, защиты инвесторов, корпоративного

---

[1] См.: *Смирнов Г.* Применение антирейдерских новелл уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 42–43; *Карпович О.Г.* Совершенствование стратегии борьбы с экономическими преступлениями в России // Российская юстиция. 2011. № 12. С. 31–34.

управления, антимонопольной политики, частной внешнеэкономической деятельности с использованием «оффшоров»[1]. Ввиду отсутствия в УК РФ норм, устанавливающих ответственность за совершение указанных деяний, борьба с преступлениями в сфере экономической деятельности недостаточно эффективна. Этим и обусловлена необходимость обозначенной криминализации.

Противоречивая ситуация имеет место и в сфере борьбы с рейдерскими захватами, криминализированными в 2010 г. Несмотря на конструкцию диспозиций норм, устанавливающих уголовную ответственность за их совершение, позволяющую привлекать рейдеров к уголовной ответственности ещё на начальных этапах рейдерского захвата, а также на статистику применения данных норм на практике (в 2011 г. было окончено производством 52 уголовных дела, возбуждённых по «антирейдерским» статьям)[2], проблемы борьбы с рейдерством остаются. По мнению практических работников, одна из них состоит в отсутствии в уголовном законодательстве норм, устанавливающих ответственность за недостоверную оценку имущества. Благодаря существованию указанного пробела безнаказанными остаются грубейшие нарушения обязательных требований и процедур одобрения сделок, в совершении которых имеется заинтересованность[3]. Таким образом, в целях повышения эффективности уголовного законодательства в сфере борьбы с рейдерскими захватами возникает необходимость криминализировать рассмотренные деяния. Благодаря приведённому «расширению» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности окажется устранённым значительное количество пробелов в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в указанной сфере. Одновременно необходимо совершенствовать и диспозицию ст. 170.1 УК РФ, поскольку правоприменитель часто сталкивается со сложностями её толкования[4].

По мнению учёных, не лишены недостатков и диспозиции новелл, устанавливающих уголовную ответственность за создание фирм-«однодневок». Буквальное толкование диспозиции ст. 173.1 УК РФ позволяет определить субъект исследуемого преступления как

---

[1] *Козлова Н.* Объявляется VIP-посадка // Рос. газета. 2012. 17 янв. С. 7.

[2] *Смирнов Г.* Применение антирейдерских новелл уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 42.

[3] *Козлова Н.* Объявляется VIP-посадка // Рос. газета. 2012. 17 янв. С. 7.

[4] *Яни П.* Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц – имущественное преступление? // Законность. 2012. № 12. С. 15–18.

«...физическое лицо, не имеющее отношения ни к учредителям, ни к участникам, ни к органам управления юридического лица, но заинтересованное в существовании этого юридического лица. Предназначение юридического лица оказалось выведенным за рамки состава. Действия подставных лиц преступными не являются, поскольку спровоцированы обманом со стороны виновного. В результате значительно затрудняется привлечение к уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица»[1]. То же отмечается и о диспозиции ст. 173.2 УК РФ[2]. Таким образом, в представленной редакции рассматриваемые новеллы выглядят практически неприменимыми. В результате указанной криминализации глава 22 УК РФ в очередной раз дополнилась «неработающими» нормами.

По мнению как учёных, так и практических работников, в рассматриваемой главе УК РФ содержится, по сравнению с иными, наибольшее количество «неработающих» норм. К последним, наряду с обозначенными, относятся нормы, устанавливающие ответственность за совершение преступлений на рынке ценных бумаг, легализацию доходов и иного имущества, добытого преступным путём, подавление конкуренции, криминальных банкротств[3]. В течение 2009–2010 гг. законодателем уже вносились изменения в обозначенные уголовно-правовые нормы. Несмотря на это, они по-прежнему являются практически неприменимыми. Таким образом, возникает необходимость в их дальнейшем совершенствовании. В представленной ситуации особого внимания заслуживают нормы, устанавливающие ответственность за совершение криминальных банкротств, поскольку в результате их возможен уход от исполнения различных долговых обязательств компанией-банкротом. Цель совершения указанных банкротств – вывод активов обозначенной компании[4]. В результате значительно подрывается отечественная экономика. Поскольку диспозиции ст. 195–197 УК РФ являются бланкетными, следует предварительно внести необходимые изменения в законодательство о банкротстве. Таким образом, дальнейшие изменения уголовного законодательства в части борьбы с криминальными банк-

---

[1] *Косарева Н.Е.* Новое в уголовном законодательстве об ответственности за создание «фирм-однодневок» // Закон и право. 2012. № 3. С. 79.

[2] *Тюнин В.И., Бадзарадзе Т.А.* Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 24–26.

[3] *Русанов Г.А.* Политика либерализации уголовного законодательства в экономической сфере и проблемы пределов уголовно-правового воздействия государства на экономику // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 61.

[4] *Алеева Ю.* Банкротство с макияжем // Рос. газета. 2012. 24 февр. С. 5.

ротствами следует связать с изменениями, вносимыми в нормы законодательства о банкротстве. То же касается и иных уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности. В обозначенной ситуации «расширения» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу не предусматривается.

Наряду с криминализацией деяний, совершенствование уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, предполагает и декриминализацию отдельных деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами главы 22 УК РФ. В связи с тем, что ныне действующий УК РФ был принят в достаточно сложный политический и социально-экономический период, значительная часть норм, составляющих указанную главу, впоследствии оказалась «излишней»[1]. По нашему мнению, «излишней», наряду с обманом потребителей, являлась норма, устанавливавшая уголовную ответственность за заведомо ложную рекламу. На основании Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ обозначенные деяния декриминализированы ввиду их небольшой общественной опасности. Таким образом, имело место незначительное реформирование исследуемой главы УК РФ. Данное реформирование продолжилось в 2010–2011 гг. путём декриминализации лжепредпринимательства и «товарной» контрабанды. Декриминализация лжепредпринимательства научно обоснована, поскольку рассматриваемая норма устанавливала ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Таким образом, предпринимательским отношениям не мог быть причинён какой-либо вред. Нахождение указанной нормы в главе 22 УК РФ было необоснованным. Лжепредпринимательство представляло собой разновидность мошенничества. Квалификация преступлений лишь по ст. 173 УК РФ не представлялась возможной, поскольку, ввиду её достаточно сложной законодательной конструкции, требовалась дополнительная квалификация. В качестве данных норм рассматривались нормы, устанавливающие ответственность либо за незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), либо за уклонение от уплаты налогов (ст. 198–199-2 УК РФ). Лжепредпринимательство могло представлять собой и специальную норму к ст. 316 УК РФ («Укрывательство преступлений»). Таким образом, ст. 173 УК РФ решала искусственно созданные задачи.

---

[1] *Русанов Г.А.* Указ. соч. С. 60.

В связи с декриминализацией в 2011 г. «товарной» контрабанды вполне обоснованно может возникнуть вопрос и о декриминализации деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 189–190 УК РФ, являющимися специальными нормами по отношению к ст. 188 УК РФ[1], утратившей силу. В результате декриминализации деяния, ответственность за совершение которого установлена ст. 189 УК РФ, под угрозой окажется как национальная, так и государственная безопасность РФ. В результате декриминализации деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 190 УК РФ, вне уголовно-правовой охраны окажется порядок оборота различных культурных ценностей. Таким образом, декриминализация рассмотренных деяний невозможна ввиду их достаточно высокой общественной опасности. Для решения данного вопроса следует внести соответствующие изменения в диспозиции ст. 189–190 УК РФ. В результате отсутствует «расширение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу.

Согласно Федеральному закону РФ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, в главу 21 УК РФ была введена ст. 159.1, устанавливающая уголовную ответственность за совершение мошенничества в сфере кредитования. По своему составу данное деяние имеет сходство с незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ). В связи с этим вполне обоснованно возникнет вопрос о целесообразности существования в УК РФ ст. 176. Рассматриваемая уголовно-правовая норма устанавливает ответственность за разновидность мошенничества, фактически за то же, что и ст. 159.1 УК РФ. В отличие от диспозиции ст. 159.1, диспозиция ст. 176 имеет достаточно сложную законодательную конструкцию, из-за чего она не получила практического применения. Представляется, что более эффективной окажется ст. 159.1 УК РФ. Поэтому в будущем необходима декриминализация незаконного получения кредита.

Таким образом, для выявления тенденций дальнейшего развития уголовного законодательства, охраняющего экономические отношения, необходимо принять во внимание следующее. Во-первых, устранение законодательных пробелов предусматривает введение в главу 22 УК РФ новелл, что свидетельствует о «расширении» уголовно-правового вмешательства в область экономики. Дальнейшее развитие последней не исключает появления новых противоправных способов осуществле-

---

[1] *Сучков Ю.И.* Защита внешнеэкономической деятельности Российской Федерации по уголовному и таможенному законодательству (проблемные аспекты теории и законодательства) автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997. С. 5.

ния экономической деятельности, борьба с которыми менее репрессивными не уголовно-правовыми мерами не даст желаемого эффекта.

Во-вторых, дальнейшее развитие экономики предполагает и постепенное «отмирание» некоторых уголовно-правовых запретов, составляющих главу 22 УК РФ. Поскольку действующий УК 1996 г. принимался ещё в период зарождения рыночных отношений, большинство из указанных уголовно-правовых запретов сформулированы с учётом реалий именно обозначенного периода. В период действия УК РФ отечественная экономика претерпела существенные изменения, оказавшие, безусловно, влияние и на развитие уголовного законодательства в части охраны экономических общественных отношений.

В-третьих, большинство норм, составляющих рассматриваемую главу УК РФ, имеют бланкетные диспозиции. Во избежание «вторжения» уголовного права в область поведения в сфере экономической деятельности, дозволенного нормами регулятивных отраслей права, законодатель в процессе формулирования уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в рассматриваемой сфере, обязан принять во внимание положения как новых регулятивных нормативно-правовых актов, так и изменения, вносимые в действующие указанные акты.

Таким образом, в нынешней социально-экономической ситуации тенденции дальнейшего развития главы 22 УК РФ являются достаточно противоречивыми. С одной стороны, для устранения пробелов в уголовном законодательстве, охраняющем экономические общественные отношения, допускается криминализация отдельных деяний, в результате будет наблюдаться «расширение» уголовно-правового вмешательства в экономическую сферу. С другой стороны, не исключается и декриминализация отдельных деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности. На наш взгляд, в связи с происходящим в настоящее время реформированием уголовного законодательства, заключающемся в его либерализации[1], должна преобладать тенденция «сокращения» уголовно-правового вмешательства в область охраны экономических отношений.

---

[1] *Милюков С.Ф.* Указ. соч. С. 162.

2. Принципы криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность в Российской Федерации, и проблемы их реализации

2.1. Понятие и система принципов криминализации общественно опасных деяний и проблемы их реализации

Рыночные экономические отношения потребовали от законодателя принятия решительных мер по защите этих отношений. Первые правотворческие шаги в этом направлении были предприняты еще во время действия советского уголовного кодекса. Законом РФ от 01 июля 1993 г. в УК РСФСР 1960 г. были введены нормы об ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 162.4 УК РСФСР «Незаконное предпринимательство», ст. 162.5 УК РСФСР «Незаконное предпринимательство в сфере торговли»)[1].

Значительный вклад был сделан законодателем с принятием УК РФ 1996 г. главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ 1996 г. можно смело назвать одной из крупных новелл уголовного законодательства России XX в. Большинство уголовно-правовых запретов, получивших закрепление в данной главе, не были известны ни советскому законодательству, ни советской уголовно-правовой науке, ни советской правоприменительной практике. К ним можно отнести ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность», ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита», ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», ст. 180 УК РФ «Незаконное использование товарного знака», ст. 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 184 УК РФ

---

[1] *Ведомости* СНД РФ и ВС РФ 1993 № 32 Ст 1231

«Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов», ст. 185 УК РФ «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство», ст. 199.1 УК РФ «Неисполнение обязанностей налогового агента», ст. 199.2 УК РФ «Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов» и другие. Речь идет практически обо всех статьях главы 22 УК РФ.

На этом законодатель не остановился. Глава 22 УК РФ отличается от иных глав УК РФ и тем, что она, под воздействием охраняемых экономических отношений, постоянно совершенствуется, расширяется. Федеральным законом от 4 марта 2002 г. «О внесении изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации в части усиления уголовной ответственности за преступления на рынке ценных бумаг» была введена ст. 185.1 УК РФ «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах»[1]. Через семь лет экономические отношения в сфере рынка ценных бумаг потребовали введения новых уголовно-правовых норм. Законодатель среагировал на это введением трех новелл. Федеральным законом от 30 сентября 2009 г. в УК РФ были введены ст. 185.2 УК РФ «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги», 185.3 УК РФ «Манипулирование ценами на рынке ценных бумаг», 185.4 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг»[2].

Совершенствование уголовного законодательства в сфере экономических отношений как тенденция, на наш взгляд, сохранится и в будущем. Экономика страны продолжает развиваться, появляются новые экономические ориентиры (инновационная политика, энергосберегающие технологии и т.п.). Однако одновременно изобретаются новые формы криминальной экономической деятельности, чтобы обойти действующее уголовное законодательство. Все это требует со стороны законодателя уголовно-правового сопровождения экономических отношений.

Активная защита законодателем экономической деятельности сыграла свою положительную роль для российской экономики. На совре-

---

[1] СЗ РФ 2002 № 10. Ст 966.

[2] Там же 2009 № 44. Ст. 5170.

менном этапе развития российского государства и права принятые законодателем решения уже не только не способствуют развитию рыночных экономических отношений, сколько системно препятствуют их поступательному движению вперед. Причин для этого много.

Во-первых, большинство новелл вводились «интуитивным» путем. На момент принятия УК РФ 1996 г. не было четкого и однозначного представления об уголовной политике в сфере экономических отношений, поскольку тогда были малопонятны сами пути и перспективы развития экономических отношений в Российской Федерации. Сегодня политические ориентиры очевидны, экономический курс сформулирован ясно и четко.

Во-вторых, наука мало чем могла способствовать законодателю. Монографических исследований, посвященных экономическим преступлениям, было крайне мало. Выразительно о состоянии учения об экономических преступлениях того периода высказался И.А. Клепицкий: «в гл. 22 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации пересмотрена была не только терминология, вся система уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере экономической деятельности была реформирована самым радикальным образом. При этом не столько законодатель следовал рекомендациям науки, сколько наука пыталась угнаться за законодателем. Разработка довольно развитой системы норм о преступлениях в сфере экономической деятельности для действующего УК РФ – несомненная удача законодателя, основанная на творческой интуиции разработчиков. Речь идет о научной интуиции, когда при дефиците традиционных методов правоведения экспертные оценки становятся основным методом эмпирического исследования, а глубокие теоретические исследования заменяются экзегетикой. Поэтому нельзя оценивать действующий закон как не обоснованный научно. Однако нельзя не отметить и объективную слабость его научных оснований, выразившуюся в отсутствии фундаментальных научных исследований проблемы, а также в отсутствии необходимых знаний и опыта»[1].

Отсутствие на момент принятия УК РФ четких политико-правовых ориентиров в криминализации общественно опасных деяний и глубоких,

---

[1] *Клепицкий И.А.* Система норм о хозяйственных преступлениях основные тенденции развития автореф дис д-ра юрид наук / ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» М., 2006. С. 3–8; *Кравец Ю.П.* Проблемы, возникающие при применении норм об ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2007. № 9. С. 87.

фундаментальных исследований по экономическим преступлениям не могло не сказаться на качестве норм главы 22 УК РФ. Яркими показателями этого являются постоянные изменения и дополнения статей главы 22 УК РФ, а также критика этих положений в юридической литературе.

За время действия Уголовного кодекса Российской Федерации в данную главу было внесено самое большое количество изменений и дополнений. Для этого законодатель принял 26 федеральных законов (Федеральные законы от 25.06.1998 № 92-ФЗ[1], от 09.07.1999 № 158-ФЗ[2], от 07.08.2001 № 121-ФЗ[3], от 17.11.2001 № 144-ФЗ[4], от 04.03.2002 № 23-ФЗ[5], от 07.05.2002 № 50-ФЗ[6], от 25.06.2002 № 72-ФЗ[7], от 11.03.2003 № 30-ФЗ[8], от 08.12.2003 № 162-ФЗ[9], от 21.07.2004 № 73-ФЗ[10], от 19.12.2005 № 161-ФЗ[11], от 30.12.2006 № 283-ФЗ[12], от 09.04.2007 № 42-ФЗ[13], от 13.05.2008 № 66-ФЗ[14], от 28.04.2009 № 66-ФЗ[15], от 29.07.2009 № 216-ФЗ[16], от 30.10.2009 № 241-ФЗ[17], от 27.12.2009 № 377-ФЗ[18], от 07.04.2010 № 60-ФЗ[19], от 19.05.2010 № 92-ФЗ[20], от 17.06.2010 № 120-ФЗ[21], от 01.07.2010 № 147-ФЗ[22], от 27 июля 2010 № 224-ФЗ[23], от 20.07.2011 № 250-ФЗ[24], от 07.12.2011 № 419-ФЗ[25], от 07.12.2011 № 420-ФЗ[26]).

---

[1] СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3012.
[2] Там же. 1999. № 28. Ст. 3491.
[3] Там же. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3424.
[4] Там же. № 47. Ст. 4404.
[5] Там же. 2002. № 10. Ст. 966.
[6] Там же. № 19. Ст. 1795.
[7] Там же. № 26. Ст. 2518.
[8] Там же. 2003. № 11. Ст. 954.
[9] Там же. № 50. Ст. 4855.
[10] Там же. 2004. № 30. Ст. 3091.
[11] Там же. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5574.
[12] Там же. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 46.
[13] Там же. № 16. Ст. 1822.
[14] Там же. 2008. № 20. Ст. 2251.
[15] Там же. 2009. № 18 (1 ч.). Ст. 2146.
[16] Там же. № 31. Ст. 3922.
[17] Там же. № 44. Ст. 5170.
[18] Там же. № 52 (1 ч.). Ст. 6453.
[19] Рос. газета. 2010. 9 апр.
[20] СЗ РФ. 2010. № 21. Ст. 2530.
[21] Там же. № 25. Ст. 3071.
[22] Там же. № 27. Ст. 3431.
[23] Там же. № 31. Ст. 4193.
[24] Там же. 2011. № 30. Ст. 4598.
[25] Там же. № 50. Ст. 7361.
[26] СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

В юридической литературе по главе 22 УК РФ высказано огромное количество критических замечаний. Они касаются уголовной политики в сфере экономической деятельности, концепции главы 22 УК РФ, порядка расположения норм главы 22 УК РФ, объективных и субъективных признаков статей данной главы уголовного закона, обоснованности существования составов преступлений, предусмотренных в главе 22 УК РФ, необходимости дополнения главы 22 УК РФ новыми уголовно-правовыми запретами и т.д. «К сожалению, законодатель четко и системно не дифференцирует, с одной стороны, допустимую, полезную и необходимую экономическую деятельность, с другой – недопустимую, высоко общественно опасную – ту, что называют «криминальным бизнесом», «криминальной экономикой»[1]. «Особенности статьи [ст. 184 УК РФ «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов»] состоят в расширении круга субъектов преступления и использования весьма широких формулировок при описании деяния, представляющего собой подкуп»[2]. Некоторые из них были восприняты законодателем при совершенствовании норм главы 22 УК РФ[3].

Указанное выше свидетельствует, что законодатель нуждается не в «интуитивном» подходе при защите довольно «чувствительной» сферы общественных отношений, а в глубоко продуманном, научно разработанном инструментарии. Данный инструментарий, с одной стороны, позволит исправить сложившуюся ситуацию в уголовном законодательстве в охране экономических отношений, с другой – будет способствовать недопущению ошибок при установлении новых уголовно-правовых норм в будущем.

В юридической литературе предпринимаются попытки, способствующие законодателю в совершенствовании уголовного законодательство в сфере экономической деятельности. За последние 15 лет

---

[1] *Долгова А.И.* Экономика, преступность, организованная преступность – диалектика развития // Криминальная экономика и организованная преступность / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. М., 2007. С. 8.

[2] *Уголовное* право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 276.

[3] *Наумов А.В.* Проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 1999. №10. С. 51; *Лопашенко Н.А.* Глава 22 Уголовного кодекса нуждается в совершенствовании // Там же. 2000. № 12. С. 21; *Маевский В.* Закон не должен противоречить здравому смыслу // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 47–48; *Егорова Н.А.* Уголовная ответственность за обман потребителей // Российский следователь. 2003. № 8. С. 10.

накопился огромный массив исследований по экономическим преступлениям. Написано множество фундаментальных монографий, защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, количество статей в журналах и сборниках вообще сложно подсчитать. В этих работах ученые вносят самые разные предложения – от совершенствования всей системы норм главы 22 УК РФ до изменения объективных признаков отдельных статей этой главы. Но законодатель вряд ли способен все эти замечания прочитать. Поэтому имеющиеся научные рекомендации нуждаются в систематизации, обобщении и выведении на более высокий концептуальный и методологический уровень.

Обобщение научных рекомендаций важно и с той позиции, что некоторые их них отражают не столько объективные общественные процессы, сколько субъективное (авторское) видение проблемы и не всегда адекватны позиции законодателя. Существуют и такие рекомендации законодателю по совершенствованию норм главы 22 УК РФ, которые прямо противоречат современным экономическим отношениям и государственной политике в сфере экономики. Например, предложение о восстановлении такого состава преступления, как обман потребителей (ст. 200 УК РФ)[1].

Несмотря на это, работ, дающих системное представление о проблемах установления уголовной ответственности за деяния в сфере экономической деятельности и их совершенствования, крайне мало. В большинстве исследований делаются наброски к учению о криминализации деяний в сфере экономики, указываются лишь общие направления криминализации этих общественно опасных деяний. Ю.В. Трунцевский, О.Ш. Петросян пишут, что «... решение о криминализации того или иного вида поведения человека должно приниматься только после уяснения того, насколько серьезно данное деяние угрожает установленному правопорядку и насколько позитивные правовые нормы исчерпали свои внутренние ресурсы, чтобы не допустить тех неблагоприятных последствий, которые влечет рассматриваемое деяние»[2]. Исследования других ученых (А.Д. Антонова, В.М. Есипова, А.А. Крылова Д.Г. Макарова и др.) были написаны еще в советский период, потому

---

[1] *Баранова М.В.* «Черная дыра» в уголовно-правовой защите рекламной деятельности // http //www sovetnik ru/presscliр/more/?id=13473/ [дата обращения – 10 01 2010 г]

[2] *Трунцевский Ю.В., Петросян О.Ш.* Экономические и финансовые преступления учеб пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «юриспруденция» М , 2008 С 10

они в должной мере не учитывают специфики современных экономических отношений.

Законодателю, на наш взгляд, с одной стороны, четкие, простые и эффективные, а с другой – концептуальные рекомендации, позволяющие с высокой степенью вероятности определить необходимость и достаточность введения уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности.

Эффективным инструментом, позволяющим одним разом решить все указанные выше проблемы, по нашему убеждению, является теория криминализации деяний. В связи с этим уместно рассмотреть общие положения теории криминализации общественно опасных деяний.

Существует несколько определений термина «криминализация общественно опасных деяний». Г.А. Злобин и С.Г. Келина указывают, что «криминализация есть законодательное отнесение деяния к числу уголовно наказуемых»[1]. Ю.И. Евстратов отмечает, что «криминализация означает не всякое изменение и дополнение уголовного закона, а лишь такое, которое сопряжено с увеличением границ деяний, именуемых преступными»[2]. По мнению Л.М. Прозументова и А.В. Шеслера, «криминализация – это признание в уголовном законе деяния общественно опасным и объявление его уголовно наказуемым»[3]. В зарубежной литературе также подчеркивается, что «не качество поведения, а характер действий, предпринимаемых против него (законодателя), придает поведению характер преступного»[4]. Все эти суждения акцентируют внимание на том, что криминализация деяний осуществляется только законодателем. Однако есть и различия. Определение и классификация принципов криминализации деяний этими учеными осуществляется по-разному: одни рассматривают криминализацию как «процесс», другие исследуют принципы криминализации деяний как «результат». От этого зависит формулировка принципов криминализации деяний, поскольку криминализация как процесс является предметом криминологии, а криминализация как результат – предметом уголовного права.

---

[1] *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 105.

[2] *Евстратов Ю.И.* Некоторые вопросы теории криминализации // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью: сб. ст. Томск, 1982. С. 52.

[3] *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология (Общая часть): учебник. Томск, 2007. С. 211; *Прозументов Л.М.* Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 9.

[4] *Quinni R.* The Social Reality of Crime. Boston, 1970. P. 270.

В рамках настоящего исследования следует рассмотреть уголовно-правовые принципы криминализации деяний. Это связано с тем, что только по воле законодателя какое-либо деяние трансформируется в преступление. Воля законодателя должна быть очерчена определенными рамками, его решение должно быть научно обоснованным, не стихийным. Ярко эта мысль выражена в совместной работе Г.А. Злобина и С.Г. Келиной. Они, обосновывая значение теории криминализации деяний, писали, что одна из важнейших задач этой теории – «научное обеспечение законодательной деятельности, включая также оценку эффективности действующего права и планово-прогностические разработки в области законодательной деятельности»[1].

Анализ юридической литературы показывает, что подавляющая часть исследований посвящена не уголовно-правовым принципам криминализации деяний, а криминологическим принципам криминализации деяний. Г.А. Злобин и С.Г. Келина под принципами криминализации деяний предложили понимать «практически ориентированные правила, критерии и условия, которые должны быть сознательно учтены при решении вопроса о криминализации или декриминализации деяния и нарушение (или отсутствие) которых позволяет рассматривать криминализацию (декриминализацию) как необоснованную или неправильную»[2]. Позднее Г.А. Злобин указывал, что «... принципы криминализации представляют собой отражение в общественном сознании общих структурно-функциональных свойств и отношений различных оснований криминализации как социальных факторов и тенденций развития общественных отношений»[3]. Л.М. Прозументов и А.В. Шеслер под принципами криминализации деяний понимают «научно обоснованные критерии оценки необходимости, целесообразности и допустимости уголовно-правовых нововведений»[4].

Научность уголовно-правовых нововведений послужила отправной точкой для разработки системы принципов криминализации деяний. Г.А. Злобин и С.Г. Келина предложили разделить принципы кримина-

---

[1] *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 107.

[2] Там же.

[3] *Основания* уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. член-корр. АН СССР В.Н. Кудрявцев, д-р юрид. наук, проф. А.М. Яковлев. М., 1982. С. 209.

[4] *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология (Общая часть): учебник. Томск, 2007. С. 223.

лизации на четыре группы: 1) принципы, выражающие социальную обусловленность (общественную необходимость) криминализации определенного вида деяний; 2) принципы, обеспечивающие социально-психологическую адекватность криминализации (одобрение или принятие общественным мнением); 3) принципы логико-юридической адекватности нормы, обеспечивающие возможность ее эффективного включения в систему права; 4) принципы, определяющие политическую допустимость и целесообразность криминализации[1].

Стали появляться работы, где принципы криминализации деяний получили более детальную проработку. Одна из таких работ была издана в 1982 г. под редакцией академика В.Н. Кудрявцева. В этой работе Г.А. Злобин все принципы криминализации разделил на два вида: 1) социальные и социально-психологические принципы (принцип общественной опасности, принцип относительной распространенности деяния, принцип соразмерности положительных и отрицательных последствий, принцип уголовно-политической адекватности криминализации); 2) системно-правовые принципы. Этот вид принципов криминализации он подразделил еще на два вида: общеправовые и уголовно-правовые системные принципы. К общеправовым он отнес принцип конституционной адекватности, принцип системно-правовой непротиворечивости криминализации (декриминализации) конкретного деяния, принцип международно-правовой необходимости и допустимости криминализации, принцип процессуальной осуществимости преследования. К уголовно-правовым – принцип беспробельности закона и неизбыточности запрета, принцип определенности и единства терминологии, принцип полноты состава, принцип соразмерности санкции и экономии репрессии[2].

В современных исследованиях, посвященных принципам криминализации деяний, теоретические конструкции, разработанные Г.А. Злобиным, С.Г. Келиной получили свое дальнейшее развитие. Л.М. Прозументов и А.В. Шеслер выделяют следующие группы (подсистемы) принципов: криминологические, социально-экономические, социально-психологические, системно-правовые. К криминологическим

---

[1] См. *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 108–109.

[2] См. *Основания* уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. член-корр. АН СССР В.Н. Кудрявцев, д-р юрид. наук, проф. А.М. Яковлев. М., 1982. С. 208–242.

принципам отнесены: принцип общественной опасности деяния, принцип относительной распространенности деяния, принцип уголовно-политического соответствия, принцип возможности воздействия на определенный вид поведения с помощью уголовно-правового запрета, принцип невозможности воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами, принцип обязательного учета возможностей системы уголовной юстиции. К социально-экономическим относятся: принцип соответствия криминализации наличию в обществе социально-экономических (прежде всего, материальных) ресурсов; принцип учета соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации. Социально-психологические принципы обеспечивают социальную адекватность криминализации, ее допустимость с точки зрения основных характеристик, существующих процессов общественного развития. К системно-правовым принципам: принцип конституционной адекватности, принцип системно-правовой непротиворечивости криминализации, принцип процессуальной осуществимости преследования, принцип беспробельности закона и неизбыточности запрета, принцип определенности и единства терминологии, принцип полноты состава, принцип соразмерности санкции и полноты репрессии[1].

Таким образом, в основу деления принципов криминализации положено различие в сферах социальной реальности, с которыми взаимодействуют уголовно-правовые нормы. К принципам криминализации деяний отнесены все те причины и условия, которые привлекают внимание государства к назревшей социально опасной проблеме и служат «пусковым» механизмом для разработки мер борьбы с этой проблемой. К мерам, которые государство предпринимает для решения социально опасной проблемы, следует отнести сбор информации о распространенности социально опасного явления и его негативных последствиях для интересов человека, общества, государства, конституционного строя, экономики, здоровья населения и т.п., активную информационную кампанию, готовящую население к нововведению, выработку государственной политики в той или иной сфере, в том числе и начало законопроектной работы.

Налицо ситуация, когда одни и те же понятия характеризуют разные аспекты социальной действительности. Общественная опасность деяния

---

[1] См. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология (Общая часть): учебник. Томск, 2007. С. 223–230.

является как принципом криминализации деяний, так и причиной, которая порождает криминализацию деяний. От этого классификация принципов криминализации социально опасных деяний, принятая в юридической литературе, содержит в себе внутренние противоречия. Это противоречие заключается в смешении понятий «принцип криминализации деяний» и «основание криминализации деяний» (его еще называют «причиной криминализации деяний», «критерием криминализации деяний»[1]), а также термином «условия, облегчающие криминализацию деяний» (близкие к этому термину словосочетания – «криминализационный повод»[2], «факторы криминализации деяния»[3]).

На смешение понятий было обращено внимание в юридической литературе сторонниками уголовно-правовой трактовки принципов криминализации деяний. А.В. Кузнецов отмечал, что смешение понятий вызвано тем, что понятие «криминализация» употребляется для обозначения «разных по значению обстоятельств, приводящих в движение процесс криминализации... социальные (и иные) основания криминализации и криминализационный повод»[4]. Ю.И. Евстратов показывает смешение понятий на конкретном примере. Он пишет: «если общественная опасность деяния (именуемая в литературе критерием криминализации) составляет, по нашему мнению, основание криминализации, то некоторые иные моменты (распространенность деяния, вред, причиняемый деяниями такого рода, и другие) действительно являются критериями, но критериями определения общественной опасности деяния и соответствующей ее степени, а не критериями криминализации. Критериями криминализации они являются постольку, поскольку характеризуют, определяют ту степень общественной опасности деяния, которая является основанием криминализации. Что же касается таких моментов, как соответствие криминализации моральному состоянию общества,

---

[1] См. *Фефелов П.А.* Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101–103.

[2] См. *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 106–107; *Основания* уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. член-корреспондент АН СССР В.Н. Кудрявцев, д-р юрид. наук, проф. А.М. Яковлев. М., 1982. С. 207.

[3] См.: *Курляндский В.И.* Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 81; *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. М., 2004. С. 69–76.

[4] *Кузнецов А.В.* Совершенствование уголовно-правовых норм, охраняющих конституционные права личности // Советское государство и право. 1980. № 5. С. 99.

безуспешность борьбы с общественно-опасными деяниями не уголовно-правовыми средствами, учет ближних и отделенных последствий криминализации и других, то они больше относятся к условиям криминализации»[1].

Существенный недостаток криминологической трактовки принципов криминализации деяний заключается в том, что они разработаны не столько для законодателя, сколько во имя и для ученых, которые должны принимать участие в законопроектной деятельности. Общая черта большинства принципов криминализации – связать решения законодателя с мнением ученых – специалистов в области уголовного права, криминологии, а также практических работников. Данное желание криминологи и не скрывают. Г.А. Злобин прямо пишет: «... значение принципов криминализации состоит, прежде всего, в том, что их сознательное применение на законопроектном уровне обеспечивает достаточную всесторонность предварительной оценки обоснованности, вероятной эффективности и технико-юридического совершенства уголовно-правовой новеллы, избавляет от достаточно традиционных ошибок, связанных с односторонностью, порождаемой «ослеплением целью» планируемого узаконения»[2].

Этот существенный недостаток криминологической трактовки принципов криминализации деяний ни в коем случае не является упреком в адрес ученых. Несомненно, что уголовно-правовые новеллы должны быть социально обусловлены, а решения законодателя иметь под собой строгую научную основу. Совершенно справедливо пишут, что «на протяжении всей истории существования права непосредственными стимулами законодательной деятельности в сфере уголовного права выступали, как правило, не данные науки и не результаты специальных исследований, а конкретные единичные (и, следовательно, в значительной мере случайные) события, привлекавшие внимание законодателя и возбуждавшие общественное мнение»[3]. Необдуманные законодательные решения слишком дорого обходятся государству, наносят серьезный урон авторитету власти, дискредитируют принцип законности.

---

[1] *Евстратов Ю.И.* Некоторые вопросы теории криминализации // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью: сб. ст. Томск, 1982. С. 58–59.

[2] *Основания* уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. член-корр. АН СССР В.Н. Кудрявцев, д-р юрид. наук, проф. А.М. Яковлев. М., 1982. С. 242.

[3] *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 107.

Акцент на этом недостатке был сделан для того, чтобы, во-первых, показать отдаленность криминологической трактовки принципов криминализации деяния от решений законодателя, во-вторых, обратить внимание на то, что принципы криминализации деяния являются рекомендациями не столько для законодателя, сколько для ученых. Поэтому указанные выше принципы криминализации деяний являются искусственными в том смысле, что они требуют от законодателя учета таких обстоятельств, которых он, как законодатель, никогда не сможет учесть. Вряд ли у кого-то из 450 депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ будет время комплексно разобраться в назревшей общественно опасной проблеме. Кроме того, подавляющее большинство не имеют юридического образования, а среди тех, кто имеет юридическое образование, очень мало ученых-криминологов, а также специалистов в области уголовного права.

На основании вышеизложенного уместно предложить уголовно-правовое понимание принципов криминализации деяний. Нужно сказать, что «принцип» – это незыблемая, постоянная координата. «Принцип» является основополагающей идеей любого действия и решения законодателя. «Принцип» существует всегда, независимо от места и времени, политического строя, приоритетов государственной политики, состояния экономики, нравственности и т.п. временных, изменчивых категорий. Этот смысл термина «принцип» отражен и во многих словарях русского языка. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «принцип» означает «основное, исходное положение какой-н. теории, учения, мировоззрения, теоретической программы»[1].

Предлагаемые С.Г. Келиной, Г.А. Злобиным, Л.М. Прозументовым, А.В. Шеслером и другими учеными принципы криминализации, строго говоря, не отвечают требованиям самого термина «принцип», поскольку они предлагают признавать в качестве таковых постоянно меняющиеся, динамические явления, т.е. социальные явления, которые зависят от множества объективных и субъективных обстоятельств. Авторы сами обращают на это внимание. «Критерии определения степени общественной опасности, – пишут Л.М. Прозументов и А.В. Шеслер, – разрабатываются со времен зарождения в человеческом обществе уголовно-правовых запретов. Но, как никому до сих пор не удалось дать уни-

---

[1] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 595

версального определения понятия «человек», так никому пока не удалось дать определение понятия «общественная опасность». Причина такого положения заключается в том, что «общественная опасность» – очень динамичное по содержанию понятие, имеющее характерные особенности применительно к конкретному периоду исторического развития»[1].

Поэтому трудно или даже невозможно «принцип общественной опасности деяния» рассматривать именно в качестве уголовно-правового принципа криминализации деяний. Общественная опасность деяния, по нашему убеждению, является единственным основанием криминализации деяний. Это связано с тем, что общественная опасность деяния предшествует началу криминализации деяний, предшествует законопроектной работе. Совершенно справедливо Л.М. Прозументов отмечает, что «криминализируя деяние, мы наделяем его тем самым всеми признаками преступления, предусмотренным ст. 14 УК РФ. Очевидно, что такой признак, как общественная опасность, не зависит от воли законодателя, поскольку это объективное, внутреннее свойство деяния, которое не зависит от ее правовой регламентации. Общественная опасность определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя»[2]. Нельзя не согласиться с Л.И. Спиридоновым, утверждавшим, что преступление, в конечном счете, «выступает не как объективное свойство поступка человека, разрушающего объективно существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, который, собственно, и превращают его в преступника»[3].

Законодатель, выявив факт общественной опасности деяния, может этот факт только зафиксировать в уголовном законе, т.е. «признать» его в качестве преступления, но никак не «придумать» или «предположить». Ярким примером «придуманных» законодателем норм являются ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» и 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей». Данные статьи главы 22 УК РФ являются разновидностью должностных преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ.

---

[1] *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть: учебник. С. 224.

[2] Там же. С. 210.

[3] *Спиридонов Л.И.* Социология уголовного права. М., 1986. С. 97.

Известны случаи, когда законодатель криминализировал деяние, руководствуясь привычкой, по инерции. Этому случаю соответствует пример со ст. 200 УК РФ «Обман потребителей». Обман потребителей был уголовно наказуемым деянием еще в советском уголовном кодексе 1960 г. Затем он был перемещен в УК РФ 1996 г. Диспозиция ст. 200 УК РФ в 2003 г. выглядела следующим образом: «Обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуги) или иной обман потребителей в организациях, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению, а равно гражданами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей в сфере торговли (услуг), если эти деяния совершены в значительном размере». Обманом потребителей в значительном размере, согласно Примечанию к ст. 200 УК РФ, признавался «обман, причинивший потребителям ущерб в сумме, превышающей одну десятую часть минимального размера оплаты труда, в крупном размере – в сумме не менее одного минимального размера оплаты труда»[1]. В соответствии с Федеральным законом от 19.06.2000 № 82-ФЗ минимальный размер оплаты труда определялся следующим образом: «установить, что до внесения изменений в соответствующие федеральные законы, определяющие порядок исчисления налогов, сборов, штрафов и иных платежей, исчисление налогов, сборов, штрафов и иных платежей, осуществляемое в соответствии с законодательством Российской Федерации в зависимости от минимального размера оплаты труда, производится с 1 июля 2000 года по 31 декабря 2000 года исходя из базовой суммы, равной 83 рублям 49 копейкам, с 1 января 2001 года исходя из базовой суммы, равной 100 рублям» (ст. 5)[2].

Проведя некоторые расчеты, можно увидеть, что с 2001 г. этот уголовно-правовой запрет применялся к случаям обмеривания, обвешивания или иного обмана на сумму, превышающую 10 руб. Социально-экономические реалии показали, что данный запрет противоречит складывающимся общественным отношениям. Если в советские времена данное преступление было общественно опасным с точки зрения государственных интересов, поскольку обман потребителей в СССР посягал на интересы советской торговли, то в Российской Федерации данное деяние причиняло вред исключительно потребителям. Уголовная стати-

---

[1] СЗ РФ 1996 № 25 Ст. 2954

[2] Там же 2000 № 26. Ст. 2729

стика наглядно продемонстрировала политическую и социально-экономическую противоречивость данной нормы.

За всё время действия УК РФ 1996 г. судами г. Томска было рассмотрено 335 уголовных дел по статьям, устанавливающим ответственность за совершение экономических преступлений (ст. 171–199-2 УК РФ). Среди них выделяется обман потребителей (ст. 200 УК РФ) – 255 дел, или 73,1 %. Подавляющее большинство дел было прекращено либо по акту амнистии[1], либо в связи с деятельным раскаянием, либо за примирением с потерпевшим, либо по иным основаниям. Уголовное дело по обсчёту покупателя на сумму 11,40 руб. было прекращено в связи с деятельным раскаянием виновного[2], продажа товара с истекшим сроком годности на сумму 12,50 руб. прекращено за примирением с потерпевшим[3], продажа потребителю маргарина в качестве масла сливочного на сумму 9,00 руб. в связи с изменением обстановки[4], продажа потребителю кулинарного жира в качестве масла топлёного на сумму 48,00 руб. прекращено в связи с примирением с потерпевшим[5] и т.д. Но были и случаи привлечения к уголовной ответственности. Однако суды назначали исключительно мягкие санкции. Приговором Октябрьского районного суда гражданин за недолив потребителю пива в размере 2 л 200 мл на сумму 13,20 руб. был осужден к штрафу в размере 500 руб., равный размеру месячной заработной платы осуждённого[6]. Предприниматель за продажу потребителю товара с истекшим сроком годности на сумму 78,50 руб. был приговорен судом к штрафу в размере заработной платы осуждённого за 1 месяц, равный 1039 руб.[7] Одна из самых редких и суровых санкций была вынесена в Ленинском районном суде г. Томска за обсчёт потребителей на сумму 41,70 руб. – 2 года исправительных работ по месту работы с удержанием 10 % заработка ежемесячно в доход государства[8].

---

[1] Уголовное дело № 1-1011/97 по ч. 1 ст. 200 УК РФ, п. «в» ч.2 ст. 200 УК РФ прекращено постановлением суда, в связи с амнистией // Архив Советского районного суда г. Томска

[2] Уголовное дело № 1-943/98 // Архив Советского районного суда г. Томска

[3] Уголовное дело № 1-237/2000 // Архив Советского районного суда г. Томска

[4] Уголовное дело № 1-1208/98 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска

[5] Уголовное дело № 1-400/2000 // Архив Ленинского районного суда г. Томска

[6] Уголовное дело № 1-1250/98 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска

[7] Уголовное дело № 1-546/01 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска

[8] Уголовное дело № 1-276/98 // Архив Ленинского районного суда г. Томска

Неудивительно, что в 2003 г. это деяние было декриминализировано. В рыночных условиях обмеривание, обвешивание и иное нарушение правил торговли предпринимателями не представляют общественной опасности для потребителей и могут быть устранены либо самими потребителями в гражданско-правовом порядке, либо административно-правовыми способами, либо самими предпринимателями, поскольку им невыгодно обманывать потребителей.

Все иные обстоятельства, сопутствующие процессу криминализации деяний с точки зрения предмета уголовного права следует отнести к **«условиям (факторам), способствующим криминализации деяний»**. К ним можно отнести: относительную распространенность деяния; уголовно-политическую адекватность уголовно-правового запрета; возможность воздействия на общественно опасное поведение с помощью уголовно-правового запрета; невозможность воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами; наличие в обществе социально-экономических (прежде всего, материальных) ресурсов; учет возможностей системы уголовной юстиции; учет соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяний; допустимость введения уголовно-правового запрета с точки зрения норм международного права; социальная адекватность криминализации; ее допустимость с точки зрения основных характеристик, существующих процессов общественного развития; конституционная адекватность; процессуальную и криминалистическую осуществимость преследования и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

Установление относительной распространенности деяния необходимо, поскольку деяние подлежит криминализации только в том случае, если оно представляет собой не единичный факт, а определенный вид человеческой деятельности и может повториться в будущем. Криминализация единичных поступков, отклоняющихся от социальных норм, недопустима, потому что уголовное право обладает регулятивными возможностями воздействия в отношении определенного типа человеческого поведения и содержит в себе правило общего характера, рассчитанное на неоднократное применение[1]. Не случайно поэтому законодатель криминализировал неисполнение обязанностей налогового агента

[1] См. *Протументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология. Общая часть: учебник. Томск, 2007. С. 224.

(ст. 199-1 УК РФ) и сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199-2 УК РФ). В настоящее время эти деяния получили широкое распространение, о чем активно отмечалось в юридической литературе[1].

Нужно отметить, что «распространенность и рост антиобщественных проявлений не всегда может служить основанием их криминализации. Иногда, напротив, они могут выступать в качестве основания для декриминализации таких проявлений или изначального оставления их за пределами уголовной ответственности»[2]. Отчасти данное положение находит свое подтверждение в декриминализации ст. 200 УК РФ «Обман потребителей». Уголовная статистика свидетельствовала, что, например, только в г. Томске за всё время действия УК РФ 1996 г. до суда было доведено 255 дел или 73,1 % из всей совокупности экономических преступлений. Если бы такими темпами борьба с предпринимателями продолжилась, то к сегодняшнему дню не осталось бы ни одного несудимого торговца. Опасность наступления неблагоприятных последствий вследствие криминализации обмана потребителей явилась одним из условий отмены уголовной ответственности за это деяние. Справедливы слова В.Д. Филимонова: «... уголовная ответственность может быть установлена, а значит, и существовать, только в состоянии крайней необходимости. Следовательно, она возможна лишь тогда, когда причиняемый ею вред меньше вреда предотвращаемого. Это требование может быть нарушено в случае массового применения уголовной репрессии за деяния, не представляющие большой общественной опасности»[3].

Уголовно-политическое соответствие предполагает обусловленность криминализации деяний уголовной политикой государства в той или иной сфере общественных отношений. В экономической сфере государственная политика неуклонно развивалось в сторону сокращения монопольного присутствия во всех сферах хозяйственной жизни. Еще в государственном докладе «Защита прав потребителей в Российской Федерации (1992–1993 гг.)» Государственный комитет Российской

---

[1] См. *Горелов А.* Незаконное предпринимательство и уклонение от уплаты налогов // Законность. 2003. № 10. С. 48.

[2] *Кузнецова Н.Ф.* Социальная обусловленность уголовного закона. Правовые исследования. Тбилиси, 1977. С. 39.

[3] *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. М., 2004. С. 61.

Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур отметил, что «происходившая в течение 1992–1993 гг. интенсивная структурная перестройка сферы товарного обращения, коммерциализация и приватизация торговли ликвидировали монополию государственной внутренней и внешней торговли и создали условия для формирования конкурентной среды в этой сфере. Как в розничной торговле, так и в общественном питании на первом этапе были упразднены организационные торговые структуры – объединения, торги, тресты, а выделившиеся из них магазины и предприятия общественного питания приобрели полную юридическую и хозяйственную самостоятельность. В последующем главным направлением демонополизации отрасли, приведшим к формированию класса собственников и конкурентной среды, стала приватизация»[1]. Сокращение государственного вмешательства в рыночную экономику обусловило принятие ряда Федеральных законов. Одним из них был Федеральный закон от 21 ноября 2003 г. № 162-ФЗ, в соответствии с которым были декриминализированы заведомо ложная реклама (ст. 182 УК РФ) и обман потребителей (ст. 200 УК РФ).

Возможность воздействия на определенный вид поведения с помощью уголовно-правового запрета означает, что борьба с некоторыми видами социально отклоняющегося поведения с помощью уголовного права, например с мелким незаконным предпринимательством (продажей бабушками семечек, изделий из шерсти и т.п.) оказывается весьма затруднительной, а иногда и бессмысленной.

Для криминализации деяний в сфере экономической деятельности должны быть созданы *социально-экономические условия и ресурсы*. Выделение данных ресурсов может осуществляться целенаправленно, посредством федеральных целевых программ, либо опосредовано, через обеспечение деятельности правоохранительных органов. Напомним, что на борьбу с экономическими преступлениями выделялись средства в соответствии с Федеральными целевыми программами по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 гг., на 1996–1997 гг., на 1999–2000 гг., на 2001–2003 гг. и др.[2]

Важным условием криминализации деяний является организационные и иные *возможности системы уголовной юстиции*. Он предполагает создание специальных структур по борьбе с экономическими пре-

---

[1] СПС «Консультант плюс».

[2] См.: СЗ РФ. 1994. № 5. Ст. 403; Там же. 1996. № 22. Ст. 2696; Там же. 1999. № 12. Ст. 1484; Там же. 2000. № 4. Ст. 428.

ступлениями (ОБЭП), специальную подготовку сотрудников правоохранительных органов к регистрации новых экономических преступлений, их раскрытию и осуждению лиц, их совершивших и т.д. Игнорирование данного условия может привести к тому, что совершённые в сфере экономики преступления окажутся нераскрытыми, а совершившие их лица не подвергнутся уголовному наказанию. Создается опасность «ухода» преступных элементов от уголовной ответственности. Еще в 1993 г. Г.А. Абдулмаджидов писал, что «неквалифицированной работой следователей по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений во многом объясняется то, что установленную законом ответственность несут не более 5% взяточников, остаются нераскрытыми в сфере экономики до 70% преступлений, в том числе таких, как экономический саботаж, незаконные операции с ценными бумагами, создание в корыстных целях дефицита товаров народного потребления, создание лжекооперативов, сокрытие доходов от налогообложения, мошенничество и другие преступления, совершаемые с использованием особенностей банковско-финансовых и кредитных операций, компьютерной техники, внешнеэкономических производственных и торговых связей»[1].

Современные исследования показывают, что правоприменитель в большинстве случаев сталкивается с проблемой квалификации действий лиц, виновных в совершении экономических преступлений. Для следователей, судей большинство понятий, закреплённых в диспозициях соответствующих статей УК РФ 1996 г., требуют разъяснений[2]. Поэтому в процессе криминализации деяний в сфере экономики законодатель обязан принимать во внимание степень подготовленности как правоохранительных органов, так и системы уголовной юстиции в целом к эффективной борьбе с новыми видами экономических преступлений. Данная степень должна быть настолько высокой, чтобы система уголовной юстиции была способна справиться с возникшей в результате криминализации соответствующих деяний дополнительной работой при обязательном соблюдении режима законности. Престиж следственной работы падает, растет нагрузка следователей соответственно росту пре-

---

[1] *Абдумаджидов Г.А.* Проблемы подготовки следователей к работе в условиях рыночной экономики, разгосударствления и приватизации собственности // сб. науч. ст. // Актуальные проблемы расследования и предупреждения преступлений в условиях перехода к рыночной экономике / Под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул, 1993. С. 3.

[2] См. *Васильева Я.С.* Уголовная ответственность за деяния, совершенные в сфере кредитных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 5.

ступности, ухудшается качественный состав следователей, наблюдается большая «текучесть» кадров, юридические вузы в полной мере так и не перестроили свои учебные и тематические планы учебных дисциплин уголовно-правового цикла к новым видам общественно опасных деяний в сфере экономики.

Не менее важным условием успешной криминализации деяний является *процессуальная осуществимость преследования преступлений в сфере экономической деятельности*. При криминализации деяний в сфере экономической деятельности законодатель должен учитывать положения Уголовно-процессуального кодекса РФ и, в случае необходимости, вносить в него соответствующие изменения и дополнения. Экономические преступления всегда отличались от «бытовой» преступности тем, что для их раскрытия требуется больше времени, они высокоорганизованны, «беловоротничковые» преступники, как правило, имеют высшее экономическое и (или) юридическое образование, прекрасно разбираются в различных финансово-экономических вопросах. Все эти и другие обстоятельства требуют тщательной проработки процессуальных аспектов деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, **уголовно-правовой принцип криминализации деяний – это основополагающее положение, определяющее основание, границы и содержание уголовно-правовых запретов.** Данное определение позволяет установить служебную, подчиненную роль принципов криминализации деяний. Основное предназначение уголовно-правовых принципов криминализации деяний заключается в точном определении объекта общественно опасного деяния, в правильном установлении конструктивных признаков общественно опасного деяния. Следовательно, область применения принципов криминализации деяний – законотворческая деятельность, т.е. тогда и только тогда, когда законодатель *принял* решение о введении уголовно-правового запрета.

Принципы криминализации деяний можно классифицировать и представить **в виде определенной системы**. «Система», по словарю Вебстера, есть «сложное единство, сформулированное многими, как правило, различными факторами и имеющее общий план или служащее для достижения общей цели»[1]. Возникает вопрос, какова общая цель принципов криминализации деяний? Очевидно, что принципы криминализации деяний должны разрабатываться во имя и для законодателя, они должны помогать законодателю в принятии качественных уголов-

[1] Цит по кн *Уемов А И* Системный подход и общая теория систем М 1978 С 103

но-правовых норм, быть ориентиром в уголовно-правовом законотворчестве.

Выделяются **общие принципы и специальные уголовно-правовые принципы** криминализации общественно опасных деяний. В основе данной классификации принципов криминализации деяний – масштаб их применения. Общие принципы криминализации деяний распространяются на все устанавливаемые законодателем уголовно-правовые запреты, в том числе и уголовно-правовые запреты, вводимые в экономической сфере. Специальные принципы криминализации деяний могут быть применены законодателем только при криминализации определенной группы общественно опасных деяний, объединенных общностью видового объекта преступления. В нашем случае, такой группой общественно опасных деяний необходимо признать деяния, посягающие на предпринимательские отношения.

К **общим принципам криминализации деяний** следует отнести: 1) принцип научного подхода к криминализации деяний; 2) принцип криминализации деяний по видовому объекту преступления; 3) принцип соответствия вводимого в закон уголовно-правового запрета положениям Общей части уголовного закона; 4) принцип соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета; 5) принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права. **К специальным принципам криминализации общественно опасных деяний:** 1) принцип необходимой и достаточной уголовно-правовой защиты предпринимательских отношений; 2) принцип недопустимости криминализации деяния без надлежащего правового регулирования предпринимательских отношений.

Если законодатель воспримет данную систему принципов и будет ее придерживаться, то тогда решения будут обоснованными, уголовно-правовые запреты глубоко продуманными и разумными. Данная система принципов позволяет учитывать все объективные и субъективные сложности процесса криминализации деяний в сфере экономической деятельности. «Баланс между объективными и субъективными основаниями криминализации, – писали В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, – сложен и во многом зависит от расстановки политических сил в стране. Стремясь упорядочить этот баланс, сделать его, по крайней мере, раци-

ональным, многие исследователи разрабатывали принципы криминализации, которых должен придерживаться законодатель»[1].

Острота критических замечаний в юридической литературе о проблемах применения норм об экономических преступлениях заметно снизится, поскольку разумные и обоснованные решения не могут вызывать сложности у судебно-следственных органов. Нужно согласиться со Г.А. Злобиным, писавшим следующее: «... применение принципов криминализации оказывает эффективное влияние на «качество» вводимой нормы лишь при комплексном и системном применении этих принципов. Ни общественная опасность деяния, ни его распространенность, ни бесспорная возможность его установления в большинстве случаев, ни требования общественного мнения сами по себе не могут обосновать правомерность уголовно-правовой новеллы. Необходимо каждый раз проанализировать соответствие планируемой новеллы требованиям всей системы принципов криминализации. Можно утверждать, что пренебрежение любым из принципов чревато опасностью принятия неэффективной или социально необоснованной нормы»[2].

2.2. Общие и специальные принципы криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность в Российской Федерации

В настоящий момент глава 22 УК РФ является образцом пренебрежения принципами криминализации деяний. Мнение ученых по проблемам квалификации деяний в сфере экономики в большинстве своем игнорируется. Потребности правоприменительных органов, как правило, не удовлетворяются. Деяния в главе 22 УК РФ не имеют одного объекта преступления. Вводимые в уголовный закон новеллы об экономических преступлениях нарушают положения Общей части уголовного закона. Катастрофически не соблюдаются правила законодательной техники конструирования норм об ответственности за экономические преступления. Конструктивные признаки норм главы 22 УК РФ не всегда согласуются с положениями охраняемых отраслей права. Уголовно-

---

[1] *Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Причины преступности в России. Криминологический анализ. М., 2006. С. 83.

[2] *Основания* уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Отв. ред. член-корр. АН СССР В.Н. Кудрявцев, д-р юрид. наук, проф. А.М. Яковлев. М., 1982. С. 210–211.

правовая защита предпринимательских отношений осуществляется в неполной и недостаточной мере. Криминализация деяний в предпринимательской сфере осуществляется без предварительного правового регулирования предпринимательских отношений. Каждая из этих проблем заслуживает отдельного рассмотрения.

1. Принцип научного подхода к криминализации деяний. Данный принцип рекомендует законодателю активно привлекать к законотворческой работе ученых – специалистов в сфере уголовного права и криминологов, а также практических работников. Он предлагает шире использовать научные разработки в сфере криминализации (декриминализации) деяний. Поручать ученым – специалистам по преступлениям в сфере экономической деятельности проведение глубоких научных изысканий по той или иной назревшей социально опасной проблеме, возлагать на них проведение криминологических экспертиз уголовно-правовых новелл.

Обширные научные исследования будут служить весомым аргументом, способствующим обоснованию законодателем перед обществом социально-экономических последствий введения того или иного уголовно-правового запрета. Ученые, обладающие специальными познаниями в сфере общей теории права, уголовного права, социологии уголовного права, криминологии и правовой статистики, используя методики криминологического прогнозирования, могут предложить модель «поведения» уголовно-правовой нормы в будущем. Они могут разработать конкретные рекомендации по устранению того или иного общественно опасного явления либо снижению негативного эффекта этого социально опасного явления. Кому, как не ученым, знать, что «... важным обстоятельством, подлежащим обязательном учету при решении вопроса о криминализации, должна быть прогностическая оценка возможных побочных последствий уголовного преследования и, в частности, воздействие судебной процедуры на общественную мораль»[1]. Кому, как не ученым, знать, что любая социально значимая проблема требует комплексного решения, т.е. всемерного учета политических, экономических, социально-психологических, научно-технических, организационно-технических, криминологических и т.п. обстоятельств[2].

---

[1] *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 108.

[2] См. *Кузнецова Н.Ф.* Уголовное право и мораль. М., 1967; *Кудрявцев В.Н.* Эффективность системы уголовной юстиции // Социалистическая законность. 1971. № 7. С. 13–

Практические работники могут обратить внимание и дать полезные рекомендации по формулировке уголовно-правового запрета, учету законодателем при принятии уголовно-правовых новелл особенностей правоприменительной практики и ресурсных потребностей правоохранительной системы.

Принцип научности криминализации деяний и ее связи с практикой указывает на то, что выработка научных рекомендаций по целесообразности или нецелесообразности введения уголовно-правового запрета, оценка социальной обусловленности уголовно-правовой нормы и т.п. являются прерогативой ученых (специалистов в области уголовного права, криминологов и т.д.), но никак не законодателя. Если законодатель вводит уголовно-правовые запреты без мнения ученых, без серьезных научных исследований, то вероятность ошибочных решений резко возрастает, а последствия таких решений могут быть непредсказуемыми. Запрещение абортов повлекло резко отрицательные криминологические последствия – резко возросло количество незаконных абортов, смертельных исходов рожениц, возросло количество детоубийств, а детоубийство, как известно, является более общественно опасным деянием, нежели аборт[1]. Совершенно справедливо пишет А.И. Коробеев, что «с позиции теории криминализации только учет всех факторов, детерминирующих процесс принятия уголовного закона, в их совокупности и взаимосвязи, обеспечивает правильность и обоснованность уголовно-правового запрета»[2].

Многие наработки специалистов не принимаются во внимание, а экспертов в области уголовного права не привлекают к разработке законопроектов. Об этой проблеме пишут и авторитетные ученые. «В по-

---

18. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976; *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1976; *Гришанин И.Ф.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. М., 1978; *Филимонов В.Д.* Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981; *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987; *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986; *Прозументов Л.М.* Основы криминализации и декриминализации деяний // Предупреждение правонарушений: региональный и федеральный аспекты: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 15 июня 2007 года). Горно-Алтайск, 2007. С. 29–34, и др.

[1] См.: *Дагель П.С.* Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.

[2] *Коробеев А.И.* Причины преступлений в свете теории криминализации // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве (межвуз. Сб.). Владивосток, 1983. С. 101.

следнее время, – отмечает профессор Р.П. Мананкова, – ощущаются признаки еще одного негативного явления, которое можно назвать недооценкой, иногда даже игнорированием научных достижений со стороны творцов законопроектов»[1]. Профессор Э.Ф. Побегайло констатирует: «... услуги криминологов в ходе реформирования законодательства в сфере борьбы с преступностью не используются, криминологические экспертизы предполагаемых законодательных новелл не проводятся»[2]. «Уже более десяти лет, – отмечают такие авторитетные ученые, как В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, – находятся в стадии обсуждения проекты федерального закона об обязательной криминологической экспертизе законодательных актов. Без такой экспертизы многие принимаемые законы безнадежно запаздывают, не всегда адекватны и нередко просто входят в явное противоречие с криминологией, кроме того, сами по себе могут представить весьма уязвимую сферу для криминогенности. Ведущие криминологи многократно вносили как проекты, так и соответствующие предложения по решению этой задачи (Н.Ф. Кузнецова, А.И. Долгова, В.В. Лунеев), однако «воз и ныне там»[3].

2. Принцип криминализации деяний по видовому объекту преступления. Особенная часть УК РФ состоит из разделов и глав. Каждая глава Особенной части уголовного закона объединяет группу уголовно-правовых норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Глава «Преступления против жизни и здоровья» концентрирует в себе все общественно опасные деяния, посягающие на жизнь и здоровье. Глава «Преступления против чести и достоинства» объединяет деяния, которые нарушают честь, достоинство и деловую репутацию личности. Глава «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности» защищает человека от изнасилований, насильственных действий сексуального характера и иных противоправных форм сексуального воздействия. Список глав Особенной части УК

---

[1] *Мананкова Р.П.* Об использовании научных выводов и предложений // Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 318.

[2] *Побегайло Э.Ф.* О криминологической обоснованности изменений в Уголовный кодекс РФ // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее: Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М.Д. Шаргородского / Под ред. проф. Н.М. Кропачева, проф. Б.В. Волженкина. СПб., 2005. С. 54.

[3] *Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 46–48.

РФ и охраняемых ими конкретных видов общественных отношений можно продолжать. В большинстве своем законодатель соблюдает принцип криминализации деяний по видовому объекту преступления. Однако в ряде случаев законодатель отступает от данного принципа. Ярким примером этого отступления является глава 22 УК РФ.

В главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» нет единого, объединяющего все преступления объекта. Подавляющее большинство преступлений фактически здесь связаны с нарушением общественных отношений, ничего общего не имеющих с рыночными экономическими отношениями. Об этом написано немало статей и монографических исследований. К.Н. Сережкина отмечает, что «общественная опасность отмывания преступных доходов носит разнообразный характер и выражается в причинении существенного вреда правоохраняемым объектам (экономическим отношениям, общественной безопасности, интересам государственной власти). Вместе с тем... основным непосредственным объектом легализации следует признать отношения, связанные с обеспечением нормальной деятельности органов государственной власти в части осуществления правосудия, предупреждения правонарушений и иных правонарушений»[1]. Она убедительно показывает, что предупреждение правонарушений является одной из функций публичной власти, поэтому противоправное поведение, препятствующее предупреждению правонарушений, посягает на интересы государственной власти. По ее мнению, ст. 174 и 175 УК РФ, с учетом их правовой природы, должны быть перенесены в главу «Преступления против правосудия»[2]. В обширном монографическом исследовании И.А. Клепицкий пришел к выводу о том, что «ряд норм о преступлениях, отнесенных УК РФ к числу преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 169, 170, 174, 174.1, 175, 179 и 184), помещены в соответствующую главу УК неправильно, т.к. преступления эти посягают на отношения, лежащие за рамками экономической деятельности. Нарушается единый принцип классификации преступлений по объекту»[3].

---

[1] *Сережкина К.Н.* Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 9.

[2] Там же. С. 9, 15, 18, 20.

[3] *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. С. 27.

Таким образом, законодатель, нарушив принцип криминализации деяний по видовому объекту преступления, существенно усложнил, а в отдельных случаях запутал деятельность правоохранительных органов.

3. Принцип соответствия вводимого в закон уголовно-правового запрета положениям Общей части уголовного закона. Основная идея данного принципа заключается в том, чтобы связать решения законодателя по криминализации деяний с положениями Общей части УК РФ. Введение в Особенную часть УК РФ уголовно-правовых новелл без учета положений Общей части УК РФ может привести к «невидимой» трансформации вводимой уголовно-правовой нормы, видоизменению ее первоначального содержания. «На практике, – пишет А.Н. Игнатов, – недостаточно установить признаки деяния, указанные в определенной статье Особенной части. Необходимо сопоставить это деяние с общими признаками преступления, с другими общими положениями, определяющими условия уголовной ответственности и условия освобождения от нее. Только опираясь на общие положения норм Общей части и точно определив соответствие конкретного деяния признакам соответствующего преступления, указанным в Особенной части, можно правильно решить вопрос, подлежит ли лицо уголовной ответственности, и какой именно»[1].

Представляется, что суждения А.Н. Игнатова касаются не только правоохранительных органов, но, прежде всего, законодателя. Законодатель, вводя уголовно-правовой запрет, должен как бы держать в уме положения Общей части УК РФ и сопоставлять новеллу каждому законодательному определению, содержащемуся в Общей части УК РФ, поскольку отдельные признаки состава преступления, прямо влияющие на квалификацию деяния, в Особенной части уголовного закона либо предполагаются, либо обозначены, но не раскрыты. К таким признакам состава преступления можно отнести признаки вины и ее форм, признаки субъекта преступления, признаки соучастников и форм соучастия и т.п. В Общей части также сформулированы принципы и задачи уголовного закона, основания, условия и пределы действия уголовного закона во времени, в пространстве, по кругу лиц и т.д., имеющие важное практическое значение при криминализации деяний.

Среди всех положений Общей части УК РФ особое влияние на криминализацию того или иного деяния оказывают принципы уголовного

---

[1] *Уголовное* право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 1999. С. 5.

права. Во-первых, принцип уголовного права – «это начальное и отправное положение уголовного права, с учетом которого формируется содержание его норм. Оно определяет содержание или всей совокупности норм уголовного права или их значительной части»[1]. Во-вторых, принципы уголовного права являются универсальными категориями, пронизывающими все нормы уголовного права или их значительную часть. В-третьих, они имеют общеобязательную силу для законодателя и правоприменительных органов. В-четвертых, «принципы уголовной ответственности служат не только гарантией от произвола и необоснованного ограничения прав лиц, совершивших преступление. Они формируют в сознании этих лиц, а также других граждан, представление о демократическом характере уголовного законодательства, о ценностях личности в общественной жизни, о справедливости правосудия. Строгое следование принципам уголовной ответственности – необходимое условие построения в нашей стране правового государства»[2]. К принципам уголовного права законодатель отнес принцип законности (ст. 3 УК РФ), принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принцип вины (ст. 5 УК РФ), принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) и принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ). В юридической литературе выделяют принцип неотвратимости уголовной ответственности[3], принцип уголовной ответственности за совершенное преступление[4], принцип стимулирования предупреждения преступлений, их общественно опасных последствий и исправления осужденного[5] и др.

Принцип соответствия вводимого в закон уголовно-правового запрета положениям Общей части уголовного закона позволяет законодателю увязывать введение уголовно-правового запрета с общими положениями уголовного права. Этот же принцип криминализации деяний является тревожным звонком, свидетельствующим о том, что в некоторых случаях законодатель игнорирует, а иногда и прямо отступает от принципа законности и других принципов уголовного права.

Принцип законности устанавливает, что «преступность деяния, а также наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»; «применение уголовного закона по

---

[1] *Филимонов В.Д.* Принципы уголовного права. М., 2002. С. 29.

[2] Там же. С. 27.

[3] См. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 52–57.

[4] См. *Филимонов В.Д.* Принципы уголовного права. М., 2002. С. 40–41, 93–105.

[5] См. Там же. С. 131–137.

аналогии не допускается» (ст. 3 УК РФ). Одно из важнейших значений данного принципа – обозначить четкие границы преступного и непреступного. Этот принцип сигнализирует гражданам о том, что если действия гражданина подпадают под уголовно-правовые критерии, то это лицо будет признано преступником. Эти сигналы-критерии, характеризирующие общественную опасность деяния, должны находить свое выражение в конструктивных признаках преступления. В главе 22 УК РФ к этим конструктивным признакам преступления следует отнести формулировки, устанавливающие последствия общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности: «причинение крупного ущерба гражданам, организациям, обществу» или «извлечение дохода в крупном размере». Согласно Примечанию к ст. 169 УК РФ, под ними понимаются «сумма, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей». Законодатель, устанавливая данный уголовно-правовой критерий, указывает гражданам на то, что незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность и т.д. будут преследоваться в уголовно-правовом порядке только в том случае, если лицо совершает действия, выходящие за пределы указанного уголовно-правового критерия.

В целом в главе 22 УК РФ это требование принципа законности соблюдается. Но не во всех статьях главы 22 УК РФ. Данное требование принципа законности не выдерживается в ч. 1 ст. 191 УК РФ. Нельзя не согласиться с В.Д. Филимоновым, который отмечает, что «ч. 1 ст. 191 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение сделки, связанной с драгоценными металлами, природными драгоценным камнями либо жемчугом, в нарушении правил, установленных законодательством Российской Федерации, не связывая ее ни с какими-либо требованиями, относящимися к характеру самого нарушения правил, ни с тяжестью наступивших в результате этого нарушения последствий. Достаточно поменять эти правила, как автоматически изменится содержание нормы уголовного права. Не Уголовный кодекс, а другой закон будет определять содержание и размер уголовной ответственности»[1]. Данное нарушение связано с проблемами криминализации деяний, имеющих бланкетные диспозиции. Криминализируя деяние, законодатель должен очень внимательно использовать бланкетные диспозиции. Непродуманное использование бланкетных диспозиций может привести к тому, что уголовная ответственность будет регулироваться не охраняющей отраслью права – уголовным правом, а охраняемыми отрасля-

[1] *Филимонов В.Д.* Принципы уголовного права. М., 2002. С. 81–82

ми права – гражданским, валютным, таможенным, налоговым, банковским правом, законодательством о банкротстве, о драгоценных металлах, о ценных бумагах, о денежных знаках и т.д., что, безусловно, будет свидетельствовать о нарушении принципа законности в уголовном праве.

Приведем другой пример нарушения принципа законности в уголовном праве. Исключив Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. крупный размер легализуемого имущества как криминализирующий признак основных составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, законодатель, по существу, существенно расширил репрессивные возможности судебно-следственных органов, что повлекло за собой нарушение принципа законности и связанные с этим негативные последствия. Аргумент, который был положен в основу отмены крупного размера легализации преступных доходов, заключался в том, что преступники разбивают крупные суммы незаконных доходов на более мелкие и это вызывает затруднения при квалификации деяний. На данный аргумент резонно возражал Б.В. Волженкин: «Преступники и сейчас будут прибегать к известному приему, когда крупные суммы преступно приобретенных денежных средств при осуществлении финансовых операций в целях их легализации будут разбиваться на более мелкие суммы. В том и заключается оперативное и следственно мастерство, чтобы доказать единство умысла и продолжаемый характер преступной деятельности по отмыванию «грязных денег»[1]. В результате, отмечается в юридической литературе, произошла «профанация борьбы с отмыванием преступных доходов», которая выразилась в том, что «...усилия следственных органов были направлены на борьбу с «мелочевкой», по сути дела не являющейся легализацией преступных доходов»[2]. Уголовные репрессии увеличились еще больше после того, как Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18 ноября 2004 г. №23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступных путем» в пункте 20 отметил, что установление цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, приобретенным преступным путем, необходимо для решения вопроса о наличии одного состава преступления – ст. 174

---

[1] *Волженкин Б.В.* Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за легализацию преступных доходов // Волженкин Б.В. Избранные труды. С. 613.

[2] Там же. С. 614–615.

УК РФ. Буквальное изучение позиции Пленума Верховного Суда РФ ведет к тому, что для другого состава преступной легализации, т.е. ст. 174.1 УК РФ, цель легализации значения не имеет. В итоге судебно-следственные органы стали применять ст. 174.1 УК РФ к случаям, не имеющим никакого отношения к легализации преступного имущества, например к хищениям чужого имущества, к продаже наркотиков, с последующим совершением бытовых сделок для личных нужд (покупка хлеба и других продуктов, карты оплаты сотового телефона, золотого кольца и т.д.). Уголовные репрессии существенно снизились после того, как Верховный Суд РФ вынес оправдательные решения в отношении лиц, осужденных по ст. 174.1 УК РФ, указав, что во всех этих случаях не была доказана цель легализации[1]. Представляется, что с принятием федерального закона от 7 апреля 2010 г. практика стабилизируется, поскольку законодатель изложил ст. 174.1 УК РФ в новой редакции, прямо указав наличие цели легализации[2].

Принцип вины устанавливает, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» (ст. 5 УК РФ). Вина, как известно, есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и общественно опасным последствиям. Все преступления в сфере экономической деятельности совершаются с прямым умыслом, т.е. когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ).

В главе 22 УК РФ была норма, которая по своему содержанию явно противоречила принципу вины – ст. 173 УК РФ «Лжепредпринимать-

---

[1] *Определение* СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2007 г. № 83-Д06-20 «Суд ошибочно признал в действиях лица состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 174.1 УК РФ» (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1, *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2008 г. № 13-Д08-2 «В действиях лица отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 174.1 УК РФ – совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами, приобретенными лицом в результате совершения им преступления» (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 7.

[2] Рос. газета. 2010. 9 апр. С. 13.

ство». Законодатель принял совершенно справедливое решение, поскольку данная норма предусматривала уголовную ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Все конструктивные признаки преступления указывали на то, что у лица нет намерения осуществлять экономическую деятельность. В самой статье указывалось на отсутствие «намерения» осуществлять предпринимательскую деятельность. По букве уголовного закона лицо не желало причинить вред предпринимательским отношениям. Возникал вопрос – если у лица нет умысла совершить посягательство на какую-либо экономическую деятельность, то может ли данная статья располагаться в главе 22 УК РФ? Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. она исключена из УК.

4. Принцип соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета. Одной из причин низкой эффективности норм главы 22 УК РФ являются недостатки законодательной техники. Значение правил законодательной техники настолько велико, что они заслуживает отдельного рассмотрения. Следует ограничиться некоторыми примерами, наглядно показывающими последствия несоблюдения законодателем данного принципа криминализации деяний.

В юридической литературе неоднократно указывались нарушения законодателем правил конструирования уголовно-правовых запретов. Справедливо указывается, что в ст. 169 УК РФ законодатель необоснованно устанавливает ответственность должностного лица в зависимости от «организационно-правовой формы» организации. Иными словами, привлечь должностное лицо по ст. 169 УК РФ можно только при наличии мотива нарушения равноправия предпринимательской деятельности между организациями. На данное обстоятельство было обращено внимание и в юридической литературе. П.Н. Панченко пишет: «если ограничиваются права и законные интересы предприятия, то это ограничение образует состав преступления лишь в случае, если осуществляется по мотивам принадлежности его (предприятия) к той или иной организационно-правовой форме или форме собственности»[1]. Подобная законодательная конструкция ст. 169 УК РФ и делает ее «мертвой» нормой.

Больше всего нареканий среди юридической общественности вызвала техника конструирования составов криминальных банкротств

---

[1] *Научно*-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 2т. / Под ред. П.Н. Панченко. Н. Новгород: НОМОС, 1996. Т. 1. С. 461, 462.

(ст. 195–197 УК РФ). А.П. Горелов, исследуя в 2003 г. уголовно-правовые нормы о банкротстве, задался вопросом о том, что следует понимать под «предвидением» банкротства? Отвечая на него, он указывает: «... в законодательстве о банкротстве содержится самое общее положение, согласно которому должник вправе подать в арбитражный суд заявление в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии будет исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок (ст. 8 Федерального закона от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)»). В результате следует согласиться с тем, что, поскольку категория предвидения относится скорее к субъективным, нежели к объективным признакам состава преступления, сколько-нибудь пригодных критериев для определения этих границ нет. Ввиду неясности данной категории применять ст. 195 УК РФ довольно сложно, что, собственно, и является одной из причин, по которым эта норма бездействует»[1]. Часть замечаний законодатель устранил только в 2005 г. Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 161-ФЗ. Несмотря на внесение указанных изменений, проблема совершенствования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение криминальных банкротств, осталась нерешённой[2].

В статьях 174 и 174.1 УК РФ нарушение принципа соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета выражается в том, что законодатель расширительно сформулировал объективную сторону преступления. В статьях речь идет о «финансовых операциях», т.е. сделках и других действиях во множественном числе. По букве уголовного закона привлечь к уголовной ответственности можно только в том случае, если лицо совершило не менее двух сделок или иных финансовых операций, направленных на легали-

---

[1] *Горелов А.П.* Неопределенность норм об ответственности за экономические преступления как неустранимые сомнения в виновности лица // Адвокат. 2003. № 12; *Он же.* Можно ли применять нормы об ответственности за преступления в сфере банкротства? // Законодательство. 2004. № 1. *Колб Б.* Объективная сторона криминальных банкротств // Законность. 2001. № 1 и др.

[2] См. *Ляскало А.Н.* Уголовно-правовая оценка некоторых объективных признаков криминальных банкротств // Законность. 2012. № 12. С. 18–24; *Ляскало А.Н.* К вопросу о субъективных признаках криминальных банкротств // Уголовное право. 2012. № 6. С. 35–40; *Ляскало А.Н.* Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний в составах неправомерных действий при банкротстве // Законодательство. 2013. № 1. С. 53–61.

зацию преступного имущества. Если лицо совершило одну финансовую операцию, то оно избежит уголовной ответственности. Понимая, что законодательный пробел создает значительные трудности для правоприменительной практики, Верховный Суд России в Постановлении от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» разъяснил, что «по смыслу закона ответственность по статье 174 УК РФ или по статье 174.1 УК РФ наступает и в тех случаях, когда виновным лицом совершена лишь одна финансовая операция или одна сделка с приобретенными преступным путем денежными средствами или имуществом». Прямым следствием нарушения законодателем принципа соблюдения правил законодательной техники конструирования уголовно-правового запрета является игнорирование высшей судебной инстанцией принципа законности (ст. 3 УК РФ).

5. Принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права. Право является системой, в которой все отрасли права и нормы отраслей права взаимосвязаны. Одни нормы регулируют общественные отношения, другие нормы охраняют те же общественные отношения. Одни нормы указывают на то, что правомерно, другие – на то, что запрещено под страхом наказания. Выражением взаимосвязанности и взаимообусловленности норм регулятивных и охранительных отраслей права являются, в частности, бланкетные диспозиции норм уголовного права.

О большой степени бланкетности норм главы 22 УК РФ говорят многие юристы[1]. Нужно согласиться с Б.В. Волженкиным, который подчеркивал, что «ни уголовно-правовая норма как общеобязательное правило поведения, ни состав преступления как совокупность признаков, характеризующих деяние как преступление, не могут быть бланкетными. Бланкетен лишь способ изложения соответствующей нормы в диспозиции статьи закона и в описании состава преступления опять-

---

[1] См. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: автореф. дис. ... д-р юрид. наук. Саратов, 1997. С. 23; *Яни П.С.* Экономические и служебные преступления. М., 1997. С. 46; *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 237 и др.; *Тюнин В.И.* Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. СПб., 2001. С. 4; *Шишко И.В.* Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 68, и др.

таки в статье закона. Поэтому бланкетными могут быть лишь диспозиции статей уголовного закона»[1].

Необходимость и полезность бланкетного изложения диспозиций норм главы 22 УК РФ не вызывает сомнений. Такой законодательный прием описания уголовно-правового запрета позволяет снизить казуистичность, громоздкость нормы, экономит законодательный материал. Бланкетные диспозиции норм уголовного закона позволяют законодателю как бы предвидеть дальнейшее изменение охраняемых экономических отношений. Уголовный закон, как известно, довольно неповоротливый механизм. Это обстоятельство особенно важно учитывать законодателю при криминализации деяний в сфере экономической деятельности. И.В. Шишко справедливо указывает, что «экономические отношения чрезвычайно подвижны: они развиваются, подчиняясь не только экономическим законам. На них оказывают влияние природные катаклизмы и политические события (засуха, война, длительное отсутствие избранного в надлежащем порядке Президента, губернатора, популистские меры в предвыборный период и т. д.). Реагирование экономических отношений на множество внутригосударственных и внешних факторов – одна из причин высокой динамичности регулирующего их законодательства»[2]. Надо полагать, что существование уголовно-правовых норм, содержащих переменные признаки состава преступления, неизбежно[3].

Данный законодательный прием описания уголовно-правового запрета требует согласования с положениями охраняемых отраслей права. Несогласованность диспозиций норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права влечет за собой пробельность уголовного закона[4]. Пробел хотя бы одного из элементов нормы, обоснованно отмечал В.В. Лазарев, равнозначен отсутствию нормы вообще[5].

---

[1] *Волженкин Б.В.* О содержании бланкетных диспозиций статей об экономических преступлениях в УК РФ (к дискуссии с И.В. Шишко) // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб., 2008. С. 606.

[2] *Шишко И.В.* Экономические правонарушения. СПб., 2004. С. 35.

[3] См. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 112.

[4] См. *Филимонов В.Д.* О недопустимости определения в законе состава правонарушения без учета содержания других правовых норм // Актуальные вопросы государства и права в современный период: сб. ст. / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск, 1994. С. 152–153.

[5] См. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 24.

Среди норм главы 22 УК РФ можно обнаружить бланкетные диспозиции, которые рассогласованы с положениями отраслевого законодательства. К.Н. Сережкина убедительно показывает рассогласованность диспозиции ст. 174 УК РФ и Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступных путем, и финансированию терроризма»[1].

Отдельные нормы о налоговых преступления не согласованы с положениями Налогового кодекса РФ. Диспозиция ст. 199.1 УК РФ устанавливает ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента относительно сборов. Согласно п. 1 ст. 24 Налогового кодекса РФ на налоговых агентов не возлагается обязанность по исчислению, удержанию и перечислению сборов.

Статья 199.1 УК РФ содержит и другое противоречие. Согласно первоначальной редакции ст. 24 НК РФ предусматривала обязанность налогового агента по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в соответствующий «бюджет или внебюджетный фонд Российской Федерации». В актуальной редакции ст. 24 НК РФ устанавливает обязанность налогового агента перечислить соответствующие налоги в «бюджетную систему Российской Федерации». Следует согласиться с Р.А. Лежниным, который предлагает привести в соответствие с налоговым законодательством ч. 1 ст. 199.1 УК РФ, заменив слова «в соответствующий бюджет (внебюджетный) фонд» на «бюджетную систему Российской Федерации»[2].

В целом сложность применения бланкетных диспозиций норм главы 22 УК РФ обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, проблемами юридико-технического характера. Во-вторых, быстрой изменчивостью регулятивного законодательства. Трудно возразить А.Н. Караханову, который отмечает, что «неизбежная бланкетность описания признаков преступлений в сфере экономической деятельности, порождает и определенные проблемы в правоприменении. Основная из них – это объемная, иногда противоречащая и систематически изменяющаяся

---

[1] См. *Сережкина К.Н.* Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 18–19.

[2] См. *Лежнин Р.А.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ГОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2009. С. 21.

правовая база, к которой необходимо обращаться при применении уголовно-правовых норм»[1].

К специальным принципам криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность, как уже отмечалось ранее, следует отнести два принципа: 1) принцип необходимой и достаточной уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений; 2) принцип недопустимости криминализации деяния без надлежащего правового регулирования экономических отношений.

1. Принцип необходимой и достаточной уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений. В экономической и юридической литературе обоснованно отмечается, что государству, с одной стороны, необходимо ограничить свое вмешательство в хозяйственную деятельность субъектов. С другой, подчеркивается, что государство не может безучастно взирать на происходящие в обществе экономические процессы. С точки зрения уголовного права и криминологии государственное вмешательство в экономическую деятельность может быть осуществлено путем криминализации либо путем декриминализации деяний главы 22 УК РФ. Поэтому важным является определение пределов уголовно-правового вмешательства в экономическую деятельность.

В юридической литературе отсутствуют единые критерии определения пределов государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность. Учеными предлагаются разные варианты.

Например, предлагается декриминализировать отдельные нарушения установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности. Ряд ученых предлагают исключить из УК РФ ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности (ст. 169 УК РФ). Они приводят разные аргументы: объект преступления, показатели судебной статистики о числе лиц, осужденных по данной статье, и т.д.[2] Им возражают другие ученые. Б.В. Волженкин отмечал: «нетрудно прогнозировать, что в случае исключения из УК ст. 169 должностные лица, различным образом препятствующие

---

[1] *Уголовное* право России Части Общая и Особенная / Под ред А.В Бриллиантова М., 2009 С 591

[2] См *Аистова Л.С.* Уголовный закон о преступлениях в сфере экономической деятельности и проблемы его совершенствования // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ 2000 № 2 С 32, *Иногамова-Хегай Л.В* Совершенствование уголовно-правовых норм об экономических преступлениях // Уголовное право 2001 № 1 С 17–18, *Устинова Т.Д* Правовая оценка статьи 169 УК РФ // Законодательство 2004 № 4 С 77–78

законной предпринимательской или иной экономической деятельности, вообще не будут привлекаться к ответственности. Поскольку подобные действия (бездействие) должностных лиц вполне могут рассматриваться как существенное нарушение прав граждан и организаций, меры ответственности за такие деяния никак не могут быть ниже, чем предусмотренные в ст. 285 и 286 УК РФ»[1].

Л.С. Аистова предлагает декриминализировать ст. 171 УК РФ, поскольку «установление уголовной ответственности за незаконное предпринимательство противоречит духу экономических реформ проводимых в стране»[2]. А.В. Наумов, Н.А. Лопашенко приводят иные аргументы в пользу декриминализации незаконного предпринимательства. Они пишут, что регистрация предпринимательской деятельности является сферой частного права и может быть урегулирована гражданско-правовыми методами[3]. Этим ученым возражают другие специалисты. Б.В. Волженкин отмечает, что «... незаконное предпринимательство способно основательно затронуть и публичные интересы»[4]. «Не случайно же в Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности», – продолжает Б.В. Волженкин, – отмечено, что осуществление соответствующих видов деятельности может повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов России»[5].

Указанные выше и другие ученые не дают критериев определения пределов государственного вмешательства в рыночную экономику. Из их суждений сложно представить, что же необходимо учесть при криминализации деяний в сфере экономической деятельности. Представля-

---

[1] *Волженкин Б.В.* Конституционное положение о свободе экономической деятельности и уголовный закон // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007). С. 695.

[2] *Аистова Л.С.* Незаконное предпринимательство. СПб., 2002. С. 264.

[3] *Наумов А.В.* Два года действия Уголовного кодекса РФ: достижения и просчеты // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 30; *Он же.* Права человека и новое российское законодательство (материалы «Круглого стола») // Государство и право. 2003. № 6. С. 113; *Лопашенко Н.А.* Отклоняющееся экономическое поведение: пределы разумной криминализации // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. Материалы IV Международной научно-практической конференции. М., 2005. С. 339.

[4] *Волженкин Б.В.* Конституционное положение о свободе экономической деятельности и уголовный закон // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007). С. 697.

[5] *Волженкин Б.В.* Конституционное положение о свободе экономической деятельности и уголовный закон. С. 697.

ется, что вопрос о пределах государственного вмешательства в экономическую деятельность должен решаться с использованием категорий «необходимого» и «достаточного».

Необходимость государственного вмешательства в предпринимательские отношения никем не оспаривается. Об этом пишут как экономисты, так и юристы. Необходимость введения уголовно-правового запрета в главу 22 УК РФ возникает там и тогда, где и когда возникает опасность острого конфликта между предпринимателями за потребителя либо сговор между одними предпринимателями против других предпринимателей за рынки сбыта продукции. В данном случае невмешательство государства повлечет за собой самые неблагоприятные последствия для самих предпринимателей, потребителей, рыночной экономики в целом, экономической безопасности государства. Государству *необходимо* вмешиваться в отношения между предпринимателями при посягательстве на *отношения конкуренции*. Конкуренция является «нервом» рыночной экономики. Без конкуренции в рыночных условиях невозможно развитие малого и среднего бизнеса, без нее не будет повышаться качество продукции, снижаться ее себестоимость, без конкуренции в рыночной экономике весьма затруднительны налоговые отчисления в бюджеты разных уровней, без нее невозможно представить современное высокотехнологическое государство и т.п.

Достаточность уголовно-правового вмешательства государства в рыночную экономику выражается в том, что следует *установить уголовно-правовые запреты, если отношениям конкуренции причиняется прямой и косвенный вред. Прямой вред* – реальные убытки добросовестному предпринимателю. *Косвенный вред* – экономический ущерб интересам потребителей и экономике в целом (экономической безопасности государства)[1].

Иными словами, с точки зрения уголовного права и теории криминализации деяний прямой вред причиняется основному объекту преступления, косвенный вред причиняется дополнительному (факультативному) объекту преступления. На данное обстоятельство указывает и Р.А. Сабитов: «В уголовном праве деяние криминализируется тогда, когда оно причиняет или создает угрозу причинения объекту существенного вреда. Какой вред следует считать существенным? Это зависит от нескольких факторов: ценности нарушаемых общественных от-

---

[1] О «вредоносности» общественно опасного деяния см. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 60.

ношений, количественной характеристики вреда, социально-политической обстановки, в которой совершается деяние. Увеличение вреда до существенного может произойти также за счет причинения деянием ущерба нескольким объектам – основному и дополнительному»[1]. В юридической литературе отмечается, что «... в незаконном предпринимательстве, причинившем крупный ущерб, необходимо выделить дополнительный объект, им выступают имущественные интересы государства, граждан, организаций, основанные на отношениях собственности. Как факультативный объект незаконного предпринимательства следует рассматривать имущественные интересы государства в сфере формирования доходной части бюджета и внебюджетных фондов от поступления налогов и соборов... наличие дополнительного объекта в составе незаконного предпринимательства, причинившего крупный ущерб гражданам, организациям или государству, позволяет отнести это преступление к многообъектным»[2]. Нельзя не согласиться с Б.В. Волженкиным о нецелесообразности криминализации предпринимательской деятельности, «если она осуществлялась с нарушением установленного порядка и принесла доход предпринимателю, но не повлекла за собой определенных негативных последствий»[3].

Принцип необходимой и достаточной уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений применим в обычных, мирных условиях. В отличие от права на жизнь и других неотъемлемых прав человека свобода предпринимательской и иной экономической деятельности является категорией относительной и может быть ограничена, а в чрезвычайных ситуациях, и вовсе запрещена государством. Данное положение нашло отражение в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой «права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

---

[1] *Сабитов Р.А.* Общественная опасность как критерий криминализации // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С. 24–25.

[2] *Беларева О.А.* Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 16.

[3] *Волженкин Б.В.* Конституционное положение о свободе экономической деятельности и уголовный закон // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007). С. 697.

2. Принцип недопустимости криминализации деяния без надлежащего правового регулирования экономических отношений. Для участников рыночной экономики, предпринимателей, должны быть установлены четкие и однозначные «правила игры». Эти правила игры указывают границы дозволенного (разрешенного) поведения в экономической сфере. Государство может и должно преследовать противоправные действия тогда и постольку, когда и поскольку предпринимательские отношения урегулированы гражданско-правовым, административно-правовым, финансовым, налоговым и иным законодательством. Данный вывод вытекает из положений Конституции РФ и уголовного закона. В ст. 54 Конституции РФ указывается, что «закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет; никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон». В ст. 10 УК РФ указанное конституционное положение детализируется: «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет; если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом».

Следует признать недопустимой позицию Верховного Суда РФ в п. 9 Постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем». В этом пункте указано: «Если федеральным законом разрешено заниматься предпринимательской деятельностью только при наличии специального разрешения (лицензии), но порядок и условия не были установлены, а лицо стало осуществлять такую деятельность в отсутствие специального разрешения (лицензии), то действия этого лица, сопряженные с извлечением дохода в крупном или особо крупном размере либо с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству, следует квалифицировать как осуществление неза-

конной предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии)». Справедливо пишет Д.Б. Лаптев, что приведенное решение «не бесспорно и не безупречно, поскольку, помимо вины лица, безусловно, осуществляющего свою деятельность в нарушении положений закона – без лицензии, имеется и вина федеральных органов, – государства, которые были обязаны нормативно регламентировать условия лицензирования и не сделали этого. Верховный Суд РФ возлагает всю вину целиком и полностью на лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью»[1].

Совершенно иное положение отражено в другом пункте Постановления Пленума Верховного Суда от 18 ноября 2004 г. № 23. В п. 17 названного Постановления высшей судебной инстанции указывается: «Если федеральным законодательством из перечня видов деятельности, осуществление которых разрешено только на основании специального разрешения (лицензии), исключен соответствующий вид деятельности, в действиях лица, которое занималось таким видом предпринимательской деятельности, отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 171 УК РФ».

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» можно обнаружить еще одно нарушение принципа недопустимости криминализации деяний без надлежащего уровня правового регулирования экономических отношений. В нем отмечается: «В случаях, когда актом законодательства были отменены налоги или сборы либо снижены размеры ставок налогов (сборов), расчет должен производиться с учетом этого нового обстоятельства, если соответствующему акту придана обратная сила (п. 4 ст. 5 НК РФ)».

Опасность нарушения принципа недопустимости криминализации деяний без надлежащего правового регулирования экономических отношений выражается в размывании границ преступного и непреступного, в нарушении принципа законности. Побочным эффектом размывания границ преступного и непреступного является «латентная» криминализация деяний – внутрисистемная дисгармония, позволяющая трак-

---

[1] *Лаптев Д.Б.* Некоторые спорные вопросы квалификации незаконного предпринимательства // Перспективы развития Российского законодательства: материалы межрегион. науч.-практ. конф. филиала ТГУ в г. Юрге (28–30 октября 2006 г.) / Под ред. С.С. Кузнецова. Томск: Дивo, 2008. С. 143–144.

товать положения УК РФ широко и неопределенно. В итоге получается, что если нельзя привлечь за фиктивное банкротство, то можно привлечь за мошенничество[1].

Исследование главы 22 УК РФ через призму принципов криминализации деяний позволяет сделать три вывода. Во-первых, предложенные принципы криминализации деяний наглядно показывают проблемы уголовно-правовой охраны предпринимательских отношений и пути их устранения. Во-вторых, учет указанных принципов позволил бы решить многие проблемы, возникающие при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. В-третьих, они показывают, что глава 22 УК РФ по существу является самой несовершенной из всех глав уголовного закона и требует глубокого реформирования.

Лишним тому подтверждением являются результаты борьбы с экономическими преступлениями. За всё время действия УК РФ 1996 г. судами г. Томска с 1996 по 2011 г. было рассмотрено 382 уголовных дела по его статьям, устанавливающим ответственность за совершение экономических преступлений (ст. 171–199-2 УК РФ). При этом за указанный период наиболее часто дела рассматривались только по следующим статьям: 1) Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) – 11 дел, или 2,9 %; 2) Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём (ст. 174 УК РФ) – 3 дела, или 0,8 %; 3) Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ) – 53 дела, или 13,9 %; 4) Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчётных карт и иных платёжных документов (ст. 187 УК РФ) – 2 дела, или 0,5 %; 5) Контрабанда (ст. 188 УК РФ) – 8 дел, или 2,1 % (информация до декабря 2011 г.); 6) Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ) – 3 дела, или 0,8 %; 7) Уклонение от уплаты налогов с физического лица (ст. 198 УК РФ) – 27 дел, или 7,1 %; 8) Уклонение от уплаты налогов с организаций (ст. 199 УК РФ) – 15 дел, или 3,9 %; 9) Неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199-1 УК РФ) – 1 дело, или 0,3 %; 10) Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счёт которых должно производиться взыс-

---

[1] См. *Щербина С.Ю.* Криминальное банкротство: проблемы квалификации // Перспективы развития Российского законодательства: материалы межрегиональной научно-практической конференции филиала ТГУ в г. Юрге (28–30 октября 2006 г.) / Под ред. С.С. Кузнецова. Томск: Дивo, 2008. С. 190–194.

кание налогов и (или) сборов (ст. 199-2 УК РФ) – 4 дела, или 1,2 %. 11) Обман потребителей (ст. 200 УК РФ) – 255 дел, или 66,5 % (информация до декабря 2003 г.)[1].

Федеральная статистика также указывает на сокращение числа выявленных преступлений экономической направленности. В 2007 г., по сравнению с январем – декабрем 2006 г., на 6,2 % снизилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 459,2 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 12,8 %. В 2008 г., по сравнению с январем – декабрем 2007 г., на 2,3 % снизилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 448,8 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 14,0 %. В 2009 г., по сравнению с январем - декабрем 2008 года, на 4,5 % сократилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 428,8 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 14,3 %. В 2010 г., по сравнению с январем – декабрем 2009 года, на 35,5 % сократилось число преступлений рассматриваемой группы, выявленных правоохранительными органами. Всего правоохранительными органами их было выявлено 276,4 тыс., их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 10,5 %. В 2011 г., по сравнению с январём – декабрём 2010 г., число преступлений экономической направленности сократилось на 26,8 % – всего их было выявлено 202,5 тыс., их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 8,4 %[2].

О необходимости декриминализации некоторых деяний главы 22 УК РФ свидетельствуют результаты анкетирования судей. На вопрос «По Вашему мнению, стоит ли декриминализировать отдельные деяния,

---

[1] Указанные цифры показывают, что подавляющее количество дел об экономических преступлениях было доведено до суда по ст. 200 УК РФ «Обман потребителей» (73,1%). Опросы сотрудников полиции и судей показали, что в большинстве своем этому способствовало практичное уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство (возможность проведения оперативных мероприятий, в частности, контрольной закупки товара), понятная конструкция статьи, простота доказывания «значительного размера» обмана потребителей.

[2] http://www.mvd.ru/stats [дата обращения: 16.08.2012 г.]

ответственность за совершение которых установлена главой 22 УК РФ» все 148 судей сказали «да» (рис. 1).

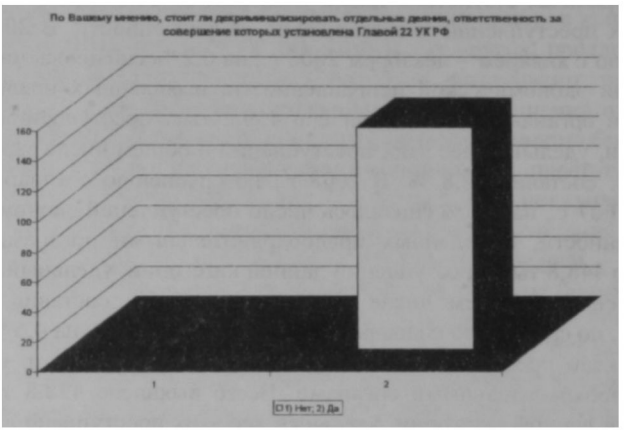

Рис. 1. Результаты анкетирования судей г. Томска, проведённого в 2011 г.

Многие судьи свое мнение сопровождали разъяснениями следующего характера: «декриминализировать с переводом в административные правонарушения», «установить административную преюдицию – уголовную ответственность за совершение двух административных проступков», «перевод в административные правонарушения на 100 %», «более экономно административное взыскание» и т.д.

3. Положения законодательной техники, используемые при формулировке признаков преступлений, посягающих на экономическую деятельность, и проблемы их реализации

3.1. Общие положения законодательной техники, используемые при формулировке признаков преступлений, посягающих на экономическую деятельность, и проблемы их реализации

Юридическая литература изобилует примерами нарушения законодателем в главе 22 УК РФ правил законодательной техники. Анализ этих исследований дает возможность систематизировать и обобщить многие суждения ученых. Однако теоретической основой обобщения и систематизации являются общие положения учения о законодательной технике.

В юридической литературе существуют разные подходы в понимании термина «законодательная техника». Их следует разделить на два направления – «узкий» и «широкий». Сторонники «широкого» подхода подразумевают под законодательной техникой учение о законодательной системе и включают в предмет исследования структуру, формы и методы ее построения. И.Л. Брауде писал: «юридическая техника, на наш взгляд, охватывает не только правила о языке правовых норм, но и об их характере и структуре. Юридическую технику нельзя отделить от источников права; она исходит из понятия источников права, их разграничения (форм правотворчества), видов нормативных актов»[1]. «Ошибочным, – далее отмечал И.Л. Брауде, – было бы понимание законодательной техники только как совокупности правил о порядке изложения законопроектов. Законодательная техника не может быть сведена ни к методике достижения внешнего единообразия проектов законов, ни к правилам внешнего изложения законопроектов, хотя, конечно, обобщение такого рода опыта в виде Правил изложения нормативных актов было бы полезно. Законодательная техника основывает на теории права, как классификация нормативных актов по их содержанию и по порядку их установления, разграничение между актами различных отраслей за-

---

[1] *Брауде И.Л.* Вопросы законодательной техники // Советское государство и право 1957 № 8 С 53

конодательства, вопросы комплексного изложения норм различных отраслей права, способы и формы опубликования нормативных актов и т.д. В частности, в числе теоретических вопросов законодательной техники должно быть отмечено соотношение норм, изложенных в разных по своему значению актах»[1].

Иного мнения придерживаются сторонники «узкого» подхода. Под законодательной техникой они понимают систему правил, приемов и средств подготовки совершенных по форме и содержанию правовых актов, смысл которых будет понятен каждому гражданину. Данный подход нашел признание среди большинства правоведов. Д.А. Керимов пишет: «законодательная техника – это совокупность исторически и практически сложившихся при определенной системе законодательства правил наиболее рационального составления и правильного изложения правовых институтов, норм и статей в правовых актах в целях достижения совершенства их выражения»[2]. С.С. Алексеев отмечает, что «по своему содержанию юридическая техника складывается из двух элементов: 1) технических средств; 2) технических приемов. В области права техническими средствами являются, в частности, юридические конструкции, терминология; правовой технологией – способы изложения норм, система отсылок»[3]. В.М. Сырых под законодательной техникой понимает совокупность правил подготовки наиболее совершенных нормативно-правовых актов[4]. По мнению А.С. Пиголкина, законодательная техника охватывает исключительно технические моменты подготовки правовых актов, к которым следует относить все то, что не имеет прямого отношения к содержанию готовящихся актов, а обладает прикладным значением и касается внешнего оформления таких актов, методики их подготовки[5].

Представляется, что позиция сторонников **«узкого» подхода** является более обоснованной. Во-первых, сторонники «широкого» подхода

---

[1] *Брауде И.Л.* Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 53–54.

[2] См.: *Керимов Д.А.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 47; *Он же.* Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000. С. 3.

[3] *Алексеев С.С.* Общая теория права: курс лекций в 2 т. М., 1982. С. 267.

[4] См.: Сырых В.М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. в 2 т. / Под ред. доктора юридических наук, профессора, академика РАЕН и ПАНИ, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 10.

[5] См.: *Научные* основы советского правотворчества. М., 1981. С. 254–255.

определения законодательной техники в предмет дисциплины включают многие положения теории права. Это размывает границы исследований, как законодательной техники, так и теории права. Во-вторых, само слово «техника» уже подразумевает механические, технические действия. Этой позиции придерживаются составители различных словарей. В Энциклопедическом юридическом словаре под «юридической техникой» понимается совокупная связь определенных приемов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых предписаний государства, так и при претворении в жизнь[1]. В Большом юридическом словаре дано аналогичное определение[2].

В юридической литературе сторонники «узкого» подхода определения правил законодательной техники выделяют **«принципы», «средства» и собственно «правила» законодательной техники.** *Принципы и средства юридической техники* являются базовыми категориями, на которых основываются правила законодательной техники. Значение принципов в том, что они пронизывают все правила законографии и предопределяют их содержание. Значение средств законодательной техники заключается в уяснении часто применяемых общетеоретических положений. *Правила законодательной техники* представляют собой необходимый набор юридических «инструментов», с помощью которых создаются совершенные нормы права.

В отечественной литературе попытки исследования **принципов законодательной техники** в общетеоретическом плане предпринимались А.А. Ушаковым[3], в уголовном праве – М.В. Костровой[4]. По их мнению, законодательная техника базируется на следующих положениях:

1. Перерабатываемость текста. Данный принцип указывает, что текст любого нормативно-правового акта должен легко поддаваться уяснению любым его адресатом. Для этого законодателем отбираются слова, наиболее подходящие для выражения правовых норм. При этом в тексте закона не должны присутствовать редко употребляемые слова, архаизмы, неологизмы, а также иноязычные слова. Одновременно зако-

---

[1] *Энциклопедический* юридический словарь / Сост. О.Г. Румянцев, В.Н. Додонов. М., 1996. С. 93.

[2] См. *Большой* юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998. С. 782.

[3] См. *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики: учеб. пособие. Пермь, 1967. С. 6.

[4] См. *Кострова М.* Особенности реализации языковых правил законодательной техники в уголовном законе // Уголовное право. 2002. № 2. С. 39–42.

нодателю следует обращать внимание на правильное использование в тексте нормативно-правовых актов союзов, как соединительных, так и разделительных.

2. Ясность текста. В текстах законодательных актов должны исключаться многозначность и нелогичные связи между составляющими их элементами. Необходимо в текстах нормативно-правовых актов использовать конкретные термины, обозначающие те или иные понятия, для того чтобы язык указанных актов был понятным как правоприменителю, так и иным их адресатам. Одновременно для этого необходимо использовать и наиболее понятные фразы.

3. Экономия текста. Текст законодательного акта должен характеризоваться оптимальным объёмом, исключающим как недосказанность, так и избыточность, но без ущерба ясности указанного текста.

4. Принцип соблюдения в тексте нормативно-правового акта грамматических правил.

К основным **средствам законодательной техники** в юридической литературе относят: нормативное построение, юридические конструкции, отраслевую типизацию, юридическую терминологию, стиль правового акта[1]. *Нормативное построение* предполагает выражение воли законодателя в виде нормы-предписания, а именно: гипотеза-диспозиция, гипотеза-санкция, гипотеза-диспозиция-санкция. «Данное построение, – пишет Ю.Г. Арзамасов, – необходимо для того, чтобы любой человек, не имея специального образования, мог прочитать правила поведения, выраженные в нормативном акте»[2]. Другим средством законодательной техники являются *юридические конструкции*. Они представляют собой образцы, которыми пользуется законодатель при разработке юридических документов. «Юридическая конструкция, – отмечает А.Ф. Черданцев, – гносеологическая категория, инструмент, средство познания правовых явлений. Она представляет собой идеаль-

---

[1] См.: *Юков М.К.* Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5. С. 46–47; *Алексеев С.С.* Проблемы теории государства и права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 142; *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория государства в схемах и определениях: учеб. пособие. М., 1999. С. 83; *Арзамасов Ю.Г.* Понятие и средства юридической техники // Нормография: теория и методология нормотворчества: учеб.-метод. пособие / Под ред. д-ра юрид. наук Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 105–108 и др.

[2] *Арзамасов Ю.Г.* Понятие и средства юридической техники // Нормография: теория и методология нормотворчества: учеб.-метод. пособие / Под ред. д-ра юрид. наук Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 106.

ную модель, отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов и их элементов. Юридической конструкции свойственны многие черты и функции, присущие моделям вообще. Как идеальная модель она служит формой отражения действительности»[1]. *Отраслевая типизация* позволяет законодателю отнести нормативный акт к той или иной отрасли права, регулирующей определенные общественные отношения. *Юридическая терминология* является средством законодательной техники, с помощью которой совокупность слов и словосочетаний становятся юридическими понятиями, правовыми категориями. *Стиль правового акта* позволяет законодателю применять особые приемы формулирования правил поведения, которые характерны только для определенной отрасли права или группы отраслей права.

Правила законодательной техники могут быть различными по характеру и форме. Много зависит от того, на чем автор той или иной классификации делает акцент. С.С. Алексеев делит правила законодательной техники на две большие группы: 1) средства и приемы юридического выражения воли законодателя; 2) средства и приемы, касающиеся внешней формы правовых актов как документов[2]. Другую классификацию юридического инструментария предлагает А.Ф. Черданцев: 1) правила, относящиеся к внешнему оформлению актов; 2) правила, относящиеся к содержанию и структуре актов; 3) правила и приемы изложения актов (языковые правила)[3]. Подобной трехзвенной классификации правил законодательной техники придерживается и В.М. Сырых[4]. Н.А. Власенко выделяет пять групп общих правил: 1) реквизитные требования (правила внешнего оформления); 2) содержательные правила; 3) структурные правила; 4) языковые правила; 5) логические правила[5]. Еще более развернутую классификацию правил юридической техники дал Ю.А. Тихомиров: 1) познавательно-юридические;

---

[1] *Черданцев А.Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. Известия вузов. 1972. № 3. С. 12–13.

[2] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 272.

[3] См.: *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. М., 1999. С. 367–371.

[4] См.: *Сырых В.М.* Указ. соч. С. 16.

[5] См.: *Власенко Н.А.* Правила законодательной техники в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 176–183.

2) нормативно-структурные; 3) логические; 4) языковые; 5) документально-технические; 6) процедурные[1].

Усовершенствованный вариант правового инструментария, разработанного Ю.А. Тихомировым и другими учеными, предложила **Т.В. Кашанина**. Содержание юридической техники она разделила на шесть подгрупп: 1) правила достижения социальной адекватности (содержательные правила); 2) правила обеспечения логики права; 3) структурные правила; 4) языковые правила; 5) формальные (реквизитные) правила; 6) процедурные правила[2]. Взяв за основу исследований разработки **Ю.А. Тихомирова и Т.В. Кашаниной**, выделим следующие ***общие правила и специальные правила законодательной техники конструирования норм уголовного права***. Основное различие данных правил заключается в широте охвата норм права. Общие правила законодательной техники могут быть применены ко всем нормам права, в том числе и к нормам гражданского, административного, уголовного и иных отраслей права, специальные правила – только к конкретной отрасли права, в нашем исследовании – только к нормам уголовного права. Необходимость их разделения обусловлена тем, что охранительные и регулятивные отрасли права преследуют разные цели, выполняют разные функции. Эти цели и функции обусловливают особые приемы и способы юридического оформления правил поведения.

Содержательные правила законодательной техники включают такие приемы и способы законодательной техники, которые показывают взаимосвязь и взаимообусловленность норм права с социальной действительностью. К данной разновидности правил следует отнести: 1) адекватность норм права регулируемым общественным отношениям; 2) ясность предмета правового регулирования общественных отношений; 3) полнота правового регулирования.

«Сфера правового регулирования – это совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые могут и с точки зрения задач государства должны быть подвергнуты правовой регламентации»[3]. Но не всякое общественное отношение требует правовой регламентации. Основная

---

[1] См. *Тихомиров Ю.А.* Законодательная техника: понятие и элементы // Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 9.

[2] См. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 102.

[3] *Лазарев В.В.* Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5.

задача норм права заключается в упорядочении социальных отношений, недопущении конфликтов в обществе, поэтому принятие нормы права является реакцией государства на усложнение общественных отношений. При этом законодателю необходимо четко определить предмет регулирования и его пределы, поскольку он позволяет избежать неограниченного вмешательства в ту или иную сферу общественных отношений, исключает дублирование и коллизию норм различных отраслей права. Если будет воспринят такой подход к принятию нормы права, то можно говорить об адекватности нормы права регулируемым общественным отношениям. В противном случае можно принять нормы права, которые не будут исполняться или применяться.

Правила обеспечения логики права включают в себя положения о единообразном понимании терминов, согласованность различных правовых актов или их частей между собой, непротиворечивость правовых актов, последовательность мыслительных операций, используемых при построении правовых актов, убедительность правовых актов. «Нарушение логики закона, неточность его понятий, формулировок, неопределенность использованных терминов порождают многочисленные запросы, влекут изменения и дополнения, различные толкования и разъяснения, вызывают непроизводительную трату времени, сил и энергии, одновременно являясь питательной почвой для бюрократической волокиты, позволяют извращать смысл закона и неправильно его применять»[1].

Операции законодателя, отмечает Н.А. Власенко, с единицами русского языка подчинены законам и правилам формальной логики, как бы образуя внешне невидимую, но крайне важную логическую основу нормативного текста[2]. Поэтому объяснимо, что в одном правовом акте термин не может использоваться в нескольких взаимоисключающих значениях, поскольку данное обстоятельство может привести к хаосу в правоприменительной практике. Для исключения хаоса в законах раскрываются термины, в необходимых случаях приводятся указания по их применению. Во многих статьях главы 22 УК РФ дается понятие «дохода в крупном размере». Логично, что в Примечании к ст. 169 УК РФ законодатель раскрыл содержание этого термина, указав, что под «доходом в крупном размере» понимается сумма, превышающая 1500 тыс. руб.

---

[1] *Керимов Д.А.* Законодательная техника. М., 2000. С. 55.

[2] См. *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск, 1997. С. 143.

Правило согласованности правового акта предполагает взаимосвязь всех положений правового акта между собой, когда одно предписание проистекает из предыдущего[1]. Пример соблюдения данного положения – ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство» и ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность». Незаконное предпринимательство не охватывает незаконную банковскую деятельность. Поэтому они дополняют друг друга. В итоге они образуют единое целое.

Если взглянуть на положения главы 22 УК РФ в целом, то данное логическое правило явно не выдержано. 42 статьи Главы 22 УК РФ ориентированы на регулирование совершенно разнородных общественных отношений, которые не связаны между собой. В юридической литературе приводятся всевозможные классификации этих преступлений (Б.В. Волженкин, Н.А. Лопашенко и др.). Авторы предлагают самостоятельную классификацию преступлений: преступления, посягающие на общественные отношения в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности; преступления, посягающие на общественные отношения в кредитной сфере; преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие свободу и добросовестность конкуренции; преступления, посягающие на общественные отношения в сфере финансов; преступления, посягающие на общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля; преступления, посягающие на общественные отношения, связанные с незаконным оборотом драгоценных камней и валютных ценностей; преступления, посягающие на общественные отношения в сфере уплаты налоговых платежей; преступления, посягающие на общественные отношения, связанные с осуществлением банкротства. Но ни одному из ученых не удалось объединить все эти преступления под одним «знаменателем» (объектом преступления). Результатом нарушения данного логического правила являются несогласованность норм главы 22 УК РФ с нормами других глав УК РФ, внутренняя конкуренция между нормами главы 22 УК РФ, различные виды и размеры наказаний за схожие виды преступлений и другие нарушения принципов уголовного права.

Структурные правила (внутренняя форма правового документа). Т.В. Кашанина отмечает, что «структура правового документа – это его строение. Как и любое строительство, создание правовых документов должно подчиняться определенным канонам. Главное из них – де-

---

[1] См. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 112.

ление документа на части»[1]. Указанный автор выделяет вступительную часть, основную и заключительную части правового акта.

Формальные (реквизитные) правила состоят из названия вида правового акта, названия органа, его издавшего, даты принятия, регистрационного номера и других требований. Для создания совершенных уголовно-правовых норм законодателю необходимо соблюдать как правила, относящиеся к текстам указанных норм, так и правила, относящиеся к их форме (к их внешнему оформлению). Данная необходимость объясняется тем, что качественно совершенный нормативно-правовой акт должен быть изложен наиболее лаконично. Лаконично излагать тексты указанных актов необходимо потому, что в результате избыточности их изложения верховенство закона окажется девальвированным, что способно привести и к дестабилизации государства[2].

Процедурные правила включают законность процедуры, рациональность процедуры, обоснованность изменения процедуры, плановость процедуры, учет и согласование интересов адресов правового акта, соблюдение процедурных сроков, проверка правильности выполнения процедуры.

Особое значение в рамках рассматриваемого вопроса имеют **языковые правила**. Языковыми правилами занимались многие ученые. К ним можно отнести: Н.А. Власенко, Т.В. Губаеву, А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, Т.Н. Москалькову, В.В. Черникова и многих других. Выдвинутые ими идеи были восприняты юридической наукой, систематизированы и классифицированы Т.В. Кашанина, обобщив различные работы, выделила следующие языковые правила: общелингвистические, терминологические, синтаксические и стилистические[3].

К **общелингвистическим правилам** обычно относят: ясность, точность, доступность правовых актов, краткость, отсутствие пафосности, декларативности правового документа, официальность стиля[4]. О важности общелингвистических правил неоднократно указывал Конституционный суд РФ. В одном из своих постановлений он разъяснил: «Вытекающим из статей 1 (часть 1), 6 (часть 2), 17 (часть 3) и 19 Конституции Российской Федерации принципом юридического равенства обусловли-

---

[1] *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник. С. 115.

[2] *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 69; *Старовойтов А.* Эффективность законодательных процедур и развитие юридической техники // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1. С. 155.

[3] См.: *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник. С. 119–123.

[4] Там же. С. 119–123.

вается необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы. Законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и произвольного применения и тем самым нарушают конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статьи 45, 46 и 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации)»[1].

Большое значение имеют **терминологические правила**. Термин означает слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве[2]. Развернутое определение словосочетания «юридический термин» дал А.С. Пиголкин. «Юридический термин – слово (словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью»[3]. Для юридической техники термин является одним из важнейших нематериальных средств фиксации определенного понятия, с помощью которого формулируется правовой акт[4]. А.С. Пиголкин выделяет следующие признаки термина: 1) адекватность отражения содержания понятия, смысловая однозначность; 2) логическая соотнесенность его с другими родовидовыми терминами (родовидовая системность); 3) профессиональный уровень практического употребления (терминология техническая, химическая и т.д.)[5].

Следует выделить три основные группы специальных терминов, используемых в ходе правотворческой деятельности:

---

[1] *Постановление* Конституционного суда Российской Федерации от 20 апреля 2009 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданина И.Н. Куашева» // СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2390.

[2] См. *Словарь* иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988. С. 492.

[3] *Язык* закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 65.

[4] См. *Захарян Ф.Г.* О терминологии правоприменительных актов. Свердловск, 1974. С. 128.

[5] См. *Язык* закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 60.

- специальные юридические термины, редко встречающиеся в обычном языке. Это термины используются для обозначения специфических юридических понятий («эмиссия»).

- термины, известные на бытовом уровне, но имеющие совершенно иное, отличное от юридического термина, значение («контрабанда»).

- специальные неюридические термины, употребляемые в неюридических сферах профессиональной деятельности (финансах, бухгалтерии и др.), используемые в тексте закона и редко встречающиеся на бытовом уровне («инвестор» или «ценная бумага» – это термины, часто встречающиеся в гражданском и финансовом законодательстве).

В отечественной юриспруденции сложилось устойчивое представление о том, что специальная юридическая терминология должна употребляться в крайнем случае, поскольку законы должны быть понятны любому человеку. Подобной позиции придерживались многие советские исследователи: А.О. Луначарский, П.И. Стучка, А.Я. Вышинский и многие другие, которые были убеждены, что специальных узкопрофессиональных понятий и формулировок в тексте нормативно-правового акта следует избегать. «Закон, – отмечал А.О. Луначарский, – должен быть написан на литературном наиточнее выраженном языке данного племени»[1]. П.И. Стучка, рассматривая вопросы кодификации советского права, писал: «... Я уверен, что мы найдем и тут надлежащую форму доступного, понятного всем изложения советского закона»[2]. В п. 8 декрета СНК РСФСР «Об установлении связи работы центра с низовым советским аппаратом» говорилось: «Признать необходимым установление строжайшего наблюдения за более понятным для крестьянских масс изложением законов»[3]. Современные российские исследователи также отмечают, что «нормы права, содержащиеся в тексте нормативного акта, должны быть понятны всем гражданам, а не только специалистам»[4].

Иной позиции придерживаются немецкие юристы. Они полагают, что при создании норм права для точности и полноты правового регулирования надлежит использовать специальный формализованный язык, который не может и не должен быть понятен людям, не обладаю-

---

[1] *Луначарский А.О.* О языке закона // Известия ЦИК СССР. 1931. 23 марта.

[2] *Стучка П.И.* Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 19.

[3] СУ РСФСР. 1925. № 9. Ст. 64.

[4] *Нормография*: теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / Под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 124.

щим специальной юридической подготовкой. Такая необходимость объясняется сторонниками юридического стиля спецификой смысла правовых предписаний, которые не могут быть выражены с необходимой точностью и полнотой разговорным или литературным языком. В немецкой правовой литературе получила широкое распространение так называемая теория стиля права, предполагающая абстрактность и отвлеченность языка современного законодательства и невозможность обеспечения при его создании простоты, популярности и понятности. Один из основоположников немецкой школы законодательной техники Г. Долле отмечает, что «иногда думается, что законодатель махнул на это рукой и склонился на сторону тех, кто придерживается мнения, что кодексы составляются не для профанов, а для судьи; их значение состоит в том, чтобы... быть понятными судье, профану же они могут быть непонятными»[1]. Германские ученые В. Гедеман, О. Гирке, Г. Киндерман, А. Шнитцер полагают, что без специальной терминологии, полностью заменяющей в тексте закона обычный литературный язык, невозможно сочетать краткость и ясность нормативно-правовых актов с их точностью и полнотой. По их мнению, в случае использования разработчиками законопроектов непрофессионального языка, закон либо утрачивает внутреннее богатство и стройность содержания, разбухая от статей, загромождая память и плодя неизбежные противоречия между своими положениями, либо теряет возможность подробно предусмотреть все возможные случаи попадающих под его действие общественных отношений и полно и законченно урегулировать их[2]. Нужно заметить, что в рекомендациях Федерального министерства юстиции Германии по единообразному оформлению законов и нормативных постановлений возобладала позиция, отличная от позиции авторитетных немецких ученых. В абз. 46 ч. 2 «Общие рекомендации по формулировке правовых норм» Справочника по нормотворческой технике указывается, что «правовые нормы, как правило, адресуются широкому кругу лиц, большинство из которых не имеют юридической подготовки. Чтобы исключить появление предписания, текст которого допускает ложное толкование либо вовсе окажется непонятным, при составлении законов и нормативных постановлений необходимо помнить об особенностях

---

[1] Цит. по: *Керимов Д.А.* Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 92.

[2] См.: *Керимов Д.А.* Культура и техника законотворчества. С. 92; *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». М., 2006. С. 176–177.

профессионального языка. Правовые нормы должны быть понятными всем, для чего в специальные выражения и отдельные термины, которые употребляются в отличном от общеизвестного значении, требуют прояснения смысла путем определения дефиниций»[1].

Представляется, что язык законодателя должен быть максимально приближен к обычному литературному языку. Однако специальные узко юридические термины могут и должны использоваться в тех случаях, если законодатель хочет сохранить простоту и ясность изложения нормы права.

Во-первых, юридические термины дают возможность добиться краткости и стройности изложения закона. Используемый во многих отраслях права юридический термин «вменяемость» означает «способность лица отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими». Если каждый раз раскрывать термин «вменяемость», то в результате текст закона значительно увеличится в объеме, смысл же предписаний будет теряться за этим многословием, усвоить суть правового веления станет намного труднее. В уголовном праве термин «вменяемость» не раскрывается. Он используется в ст. 19 УК РФ для определения признаков субъекта преступления. Однако законодатель нашел выход из этой ситуации. Он раскрывает термин «невменяемость». Таким образом, по смыслу уголовного закона, лицо будет признано вменяемым, если оно не будет признано невменяемым.

В отличие от термина «вменяемость», существуют гораздо более емкие юридические термины. Раскрытие смысла некоторых из них требует целых статей. Использование вместо таких терминов развернутых определений неэффективно, ибо превратит закон в череду постоянно повторяющихся многосложных формулировок, в результате чего понять его смысл станет невозможным.

Во-вторых, юридические термины, имеющие строго определенное значение, могут выразить идею, устремление законодателя максимально точно, исключив двусмысленность и возможность искажений. Каждый правовой термин имеет строго определенное значение и представляет собой понятие, единственный смысл которого формально определен и закреплен. Фактически очень многие юридические конструкции представляют собой настоящие правовые институты, имеющие определяющее значение в определенных сферах общественной жизни.

---

[1] *Справочник* по нормотворческой технике / Пер. с нем. 2-е изд., перераб. М., 2002. С. 24–25.

Применение участниками законопроектной деятельности специальной юридической системы терминов подчинено строго определенным объективно существующим требованиям к языку закона:

1. Язык закона должен быть **ясным и понятным для широкого круга лиц**. Закон или иной правовой акт должен быть доступен населению, что достигается простотой словарного запаса, используемого законодателем. В тексте правового акта следует использовать максимально простые слова, термины и словосочетания, широко употребляемые в обычном обиходе и понятные большинству участников уголовных и иных правоотношений. Должно быть сведено к минимуму применение при составлении законодательства узко юридических и других специальных терминов, не известных не обладающим специальной подготовкой людям. Следует согласиться с суждениями Д.В. Долотовой, которая рекомендует «лицу, создающему правовой акт, внимательно отбирать употребляемые слова, выверять их истинное значение. Желательно как можно чаще руководствоваться современными словарями русского языка, пособиями по составлению документации, а также сверять язык составляемого документа с языком нормативных актов»[1].

При использовании специальных юридических терминов также необходимо соблюдать правило ясности и понятности, но уже применительно к юридической сфере. Те или иные термины должны быть понятны не отдельным специалистам, а всем профессионалам (юристам, экономистам и т.д.).

Одним из способов выражения ясности и понятности специальных юридических терминов являются дефиниции. Дефиниция – краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления; в лингвистике – толкование слова[2]. Дефиниция есть развернутое официальное определение, выражающее все существенные признаки описываемого события, поведения, действия.

К дефинициям предъявляются определенные требования. Она должна быть построена четко, логично, последовательно. Ей присущи: определяемое понятие – то, что определяется; предикат – то, что говорится об определяемом; родовой признак – качество, которое присуще

---

[1] *Долотова Д.В.* Особенности языка правоприменительных актов-документов // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2. С. 139.

[2] См.: *Словарь* иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. С. 158.

ряду родственных предметов или явлений; видовое отличие - качество, характерное только для данного понятия[1].

Относительно правовой природы дефиниций, включенных в текст законов, в юридической литературе не выработано единой точки зрения. Одни авторы рассматривают их в качестве дефинитивных норм[2], другие – в качестве нормативных правовых предписаний-дефиниций[3]. С.С. Алексеев, Д.А. Керимов считают методологически неверным причислять содержащиеся в законах дефиниции к собственно нормам права[4]. Т.В. Кондрашова считает дефиниции разновидностью аутентического (легального) толкования терминов или понятий[5]. Среди специалистов в области уголовного права существует также позиция, согласно которой дефиниции относятся либо к правовым предписаниям, либо к актам аутентического толкования, в зависимости от места расположения в УК РФ – в Общей или Особенной части[6].

Представляется, что верным являются суждения тех авторов, которые рассматривают дефиниции как нормы-предписания. В обстоятельной статье, посвященной проблемам дефинирования терминов и определений в уголовном законе, М.Б. Кострова пишет: «с учетом качественного своеобразия законодательных дефиниций в содержательном, функциональном и структурном (соотносительно с нормой права) аспектах более верным следует признать их одним из видов нормативных правовых предписаний – предписанием-дефиницией. Оно представляет собой правовую формулу, выражающую законченную мысль, содержащую определение какого-либо юридического, политического

---

[1] См. *Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. С. 362.

[2] См. *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913. С. 44; *Мицкевич А.В.* Виды правовых норм // Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 262.

[3] См. *Законодательная* техника: науч.-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 265; *Кострова М.Б.* Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12; *Москалькова Т.Н., Черников В.В.* Нормотворчество: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2011. С. 262.

[4] См. *Алексеев С.С.* Право: Азбука, теория, философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 64–65, 104; *Керимов Д.А.* Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000. С. 46.

[5] См. *Кондрашова Т.В.* О судебном и законодательном толковании норм уголовного права // Российский юридический журнал. 2000. № 2. С. 7.

[6] См. *Кленова Т.В.* Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. С. 169, 219, 234.

или иного понятия (или толкование термина, если исходить из лингвистического понимания дефиниции)»[1].

В главе 22 УК РФ в дефинитивном определении нуждается ст. 169 и 170 УК РФ. Согласно данным нормам, субъектом воспрепятствования законной предпринимательской деятельности и регистрации незаконных сделок с землей являются должностные лица. В учебниках по уголовному праву, в комментариях к уголовному закону и других исследованиях большинство юристов склоняются к тому, что в данном случае термин «должностное лицо» следует трактовать с использованием положений Примечания 1 к ст. 285 УК РФ. Согласно этому Примечанию под должностными лицами понимаются «лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации».

По букве уголовного закона, понятие должностного лица, предусмотренное в Примечании 1 к ст. 285 УК РФ, не может быть применено к ст. 169 и 170 УК РФ. В самом Примечании 1 к ст. 285 УК РФ прямо говорится, что данное понятие должностного лица распространяется только на главу 30 УК РФ. Возникает закономерный вопрос – термин «должностное лицо» в ст. 169 и 170 УК РФ является каким-то специальным термином, или все же на него можно распространить Примечание 1 ст. 285 УК РФ? Представляется, что понятие должностного лица следует переместить в специальный раздел, посвященный терминам и дефинициям уголовного закона и распространить определение должностного лица не только на Главу 30 УК РФ, но также и на остальные нормы уголовного закона.

В главе 22 УК РФ законодатель в ряде случаев предусмотрел дефинитивные положения. В ст. 189 УК РФ субъектом незаконного экспорта или передачи сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники является «лицо, наде-

---

[1] *Кострова М.Б.* Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12.

ленное правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность». В Примечании к данной статье законодатель раскрывает указанное словосочетание. В нем говорится: «Под лицом, наделенным правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность, в настоящей статье понимаются руководитель юридического лица, созданного в соответствии с законодательством Российской Федерации и имеющего постоянное место нахождения на территории Российской Федерации, а также физическое лицо, имеющее постоянное место жительства на территории Российской Федерации и зарегистрированное на территории Российской Федерации в качестве индивидуального предпринимателя». Очевидно, что раскрыв термин «лицо, наделенное правом осуществлять внешнеэкономическую деятельность», законодатель существенно облегчил возможность расследования данных категорий дел. В противном случае, следователям и судьям пришлось бы гадать, что же законодатель имел в виду, вводя данное понятие.

Одним из немаловажных вопросов является вопрос о месте расположения дефиниций. М.Б. Кострова предлагает в уголовном законе создать специальный раздел и разместить его в конце Общей части УК РФ[1]. Д.В. Чухвичев предлагает включать дефиниции в закон двумя способами. По его мнению, «в небольших по объему нормативно-правовых актах, в которых используется небольшой объем нуждающихся в определении понятий, из норм – дефиниций – может быть составлена особая вводная структурная часть (статья или глава). В значительных по объему актах (например, в кодексах), содержащих большое число терминов, это невозможно. Такая вводная статья была бы слишком объемной, а кроме того, необходимость постоянного обращения к ней сильно отвлекала бы внимание и затрудняла субъектам нормативно-правовых предписаний осознание их смысла. Поэтому для таких законов больше подходит определение термина по тексту закона. При первом употреблении термина сначала дается его полное легальное определение и в скобках дается указание, что далее для обозначения этого понятия используется определенный термин»[2].

На наш взгляд, следует согласиться с М.Б. Костровой. Ее аргументы более убедительны. Она указывает: «если руководствоваться логикой

---

[1] См. *Кострова М.Б.* Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 82–83.

[2] *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». М., 2006. С. 179–180.

изложения нормативного материала в УК РФ, то "законное" место раздела по его функциональному назначению – в конце Общей части. Это подтверждается и обобщением зарубежного опыта законотехнического решения рассматриваемого вопроса. При многообразии форм обособления сгруппированных дефинитивных предписаний (отдельная статья, например, в уголовных кодексах Республики Беларусь (ст. 4) и Швейцарии (ст. 110), отдельная глава – в уголовных кодексах ФРГ (гл. 2) и Республики Польша (гл. 14), отдельный раздел – в уголовных кодексах Австрии (разд. 8) и Голландии (разд. 9) прослеживается устойчивая традиция расположения их в Общей части»[1].

Ясность и простота языка закона предполагает минимальное употребление иностранных слов. Если иностранное слово имеет аналог в русском языке, то его использование в тексте закона излишне. Следует согласиться с суждениями Д.А. Керимова, который отмечает, что «вряд ли оправдано слишком частое употребление в законе таких слов, как «экстерриториальность», «мораторий», «рентабельность», легко заменяемых русскими словами»[2]. Если же иностранное слово имеет общепризнанное международное значение, используется повсеместно или не имеет аналога в русском языке, то его использование в тексте закона оправдано. Примером нарушения стабильности и ясности языкового выражения является ст. 192 УК РФ. Законодатель в данной статье использовал термин «аффинаж». Он имеет французское происхождение affinage – очистка, однокоренные слова – рафинад, рафинированный, т.е. очищенный от примесей. Вместо иностранного слова разработчики закона могли бы использовать сочетание более известных слов – «металлургическая очистка»[3].

2. Правовой акт является документом, в котором должно присутствовать **терминологическое однообразие**. Это положение предполагает использование единых юридических конструкций. «Унифицированность, стандартизированность законодательных формулировок – необходимое условие правильного и единообразного их понимания»[4]. Единая терминология позволяет уяснить смысл термина в одном значении. В противном случае возникла бы путаница, ошибки и неправильное

---

[1] *Кострова М.Б.* Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 82.

[2] *Керимов Д.А.* Законодательная техника. М., 2000. С. 64.

[3] См. *Губаева Т.В.* Язык и право. М., 2007. С. 44.

[4] См. *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». М., 2006. С. 180.

усвоение смысла нормы права. «Различие терминологии, – как справедливо отмечал К. Маркс, – является далеко не безразличным, ибо оно решает тысячи человеческих судеб»[1].

3. Следующим требованием к языку закона выступает его точность[2]. «Едва ли будет преувеличением сказать, что точность законодательного текста отнюдь не менее, а скорее более важна, чем даже в сфере точных наук»[3]. В тексте уголовного закона каждое словосочетание, предложение должны быть выражены с абсолютной определенностью, исключающей возможность различного понимания. «Закон должен четко, строго и жестко определять границы поведения, не допуская возможности различного их восприятия»[4].

Двусмысленность нетерпима в правовом акте. Отрицательно скажутся на точности восприятия правовых предписаний такие слова, как «другие», «подобные», «аналогичные». Следует также избегать использования таких слов: «как сказано», «то же самое», «вышесказанное», «как бы то ни было», «где бы то ни было» и других расплывчатых словосочетаний, допускающих возможность расширительного толкования.

Следует признать положительной практику, когда в нормативном акте указывается не полное официальное наименование органа государственной власти, а более широкое определение органа публичной власти или их представителя. Для уголовного закона данное положение имеет принципиальное значение, поскольку любое изменение юридической конструкции УК РФ влечет за собой применение презумпции невиновности и обратной силы уголовного закона (ст. 10 УК РФ). В главе 22 УК РФ в большинстве статей используются широкие формулировки тех или иных организаций. В ст. 185.1 УК РФ предусматривается ответственность за злостное уклонение от предоставления инвестору или *контролирующему органу* информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах. Однако в ст. 186 УК РФ прямо указывается на такой орган, как «Центральный банк Рос-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 516.

[2] См. *Законодательная* техника / Под ред. проф. Д.А. Керимова. Л., 1965. С. 92; *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 63–68; *Мирошников Е.Г.* Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 214.

[3] *Керимов Д.А.* Законодательная техника. М., 2000. С. 68.

[4] *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». М., 2006. С. 181.

сийской Федерации». Целесообразнее, на наш взгляд, было бы использование в тексте уголовного закона более гибкого определения, например, «орган, осуществляющий эмиссию денежных средств в Российской Федерации». В других правовых актах принят именно такой подход. В Таможенном кодексе России используются словосочетания «федеральное министерство, уполномоченное в области таможенного дела» или «федеральная служба, уполномоченная в области таможенного дела».

Используемые в тексте нормативного правового акта цифры следует оформлять в буквенном выражении. В главе 22 УК РФ данное положение в целом соблюдается. В Примечании к ст. 169 УК РФ общественно опасные действия и общественно опасные последствия выражаются буквами: «В статьях настоящей главы, за исключением статей 174, 174.1, 178, 185, 185.1, 193, 194, 198, 199 и 199.1, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей *один миллион пятьсот тысяч рублей*, особо крупным - *шесть миллионов рублей*». В других статьях главы 22 УК РФ можно обнаружить то же самое. В ст. 174 УК РФ «финансовыми операциями и другими сделками с денежными средствами или иным имуществом, совершенными в крупном размере, в настоящей статье, а также в статье 174.1 настоящего Кодекса признаются финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, совершенные на сумму, превышающую *шесть миллионов рублей*». В ст. 178 УК РФ крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает *один миллион рублей*. Крупным ущербом в ст. 185 и 185.1 УК РФ признается ущерб, превышающий *один миллион* рублей и т.д.

Использование в тексте нормативного правового акта курсивов и других способов выделения части текста правового акта представляется нецелесообразным. Все составляющие уголовного закона (слова словосочетания, предложения, пункты, статьи и т.д.) по своему значению равны. Нет ни необходимости, ни смысла в дополнительном выделении какой-либо части текста акта, это может только дезориентировать правоприменителя, создав впечатление об исключительном положении той или иной части закона, о ее приоритете над остальным текстом.

Общим правилом является то, что физические лица как субъекты правоотношений в тексте правовых актов обозначаются существительными мужского рода (налогоплательщик, должник и т.д.). Это необходимо для унификации языковых средств выражения смысла нормы. Только тогда, когда правовое предписание касается исключительно

особ женского пола (например, «находящаяся в состоянии беременности», «потерпевшая» в делах об изнасиловании), возможно использование существительных женского рода. Использование для обозначения субъектов нормы среднего рода не допускается. В главе 22 УК РФ данное положение нашло отражение в ряде статей. В ст. 169 и 170 УК РФ законодатель указывает, что субъектом преступления может быть только «должностное лицо, использующее свое служебное положение». Квалифицированным составом преступления в ст. 174, 174.1, 175 и т.д. является деяние, совершенное «лицом с использованием своего служебного положения».

4. Еще одним требованием к языку закона является его краткость. «Закон – не повествование или описание, он лаконичен как любой приказ, конкретная директива»[1]. Использование в тексте правового акта языковых средств должно быть экономичным. Не следует излагать норму закона слишком длинными словосочетаниями и предложениями, поскольку за громоздкими фразами теряется их смысл. Одним из проявлений громоздкости словосочетаний выступают слова – «паразиты». В их использовании в тексте закона нет необходимости. К ним можно отнести слова: «усилить», «повысить», «активизировать» и т.п., а также целые фразы типа «выдающиеся достижения», «низкая эффективность», «тесное сотрудничество» и т.п. лишены конкретной информационной и нормативной нагрузки и только засоряют текст правовых актов[2].

В то же время краткость и лаконичность языка закона не должна влиять на полноту изложения нормы. «Упрощенчество в формулировании правовых актов, – уверяли И.К. Ильин и Н.В. Миронов, – применение широких обобщающих описательных оборотов, вместо прочно установившихся общеупотребительных специальных терминов, может привести к трудностям и неправильностям при применении акта»[3]. Примером соблюдения данного положения являлась утратившая в настоящее время силу ст. 188 УК РФ, устанавливавшая ответственность за совершение контрабанды, чего нельзя отметить о новеллах, введённых в главу 22 УК РФ. Пример – ч. 1 ст. 185-5 УК РФ, в которой законодателем была предпринята попытка раскрыть всевозможные разновидности «рейдерских» захватов. Данная попытка обречена на неуспех,

---

[1] *Керимов Д.А.* Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 102.

[2] См. Там же. С. 102–103.

[3] *Ильин И.К., Миронов Н.В.* О форме и стиле правовых актов (некоторые вопросы законодательной техники) // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 72.

поскольку схемы «рейдерских» захватов имеют тенденцию к усложнению и обновлению[1]. Таким образом, рассмотренная норма является логически «незавершённой». Следует согласиться с учёными, высказавшими предложения по совершенствованию как диспозиции указанной нормы, так и иных норм, составляющих главу 22 УК РФ[2].

5. Обязательным требованием к языку закона является его культура. Закон – это образец, эталон поведения, служащий примером культуры языка и речи. «Культура языка закона, – пишет Д.В. Чухвичев, – означает, прежде всего, правильное составление текстовых конструкций в соответствии с правилами русского языка. Соблюдение при написании нормативно-правовых актов правил грамматики, синтаксиса, пунктуации и, самое главное, стилистики имеют огромное значение для регулятивной эффективности законодательства. Зачастую от них просто зависит смысл закона. И если грамматические ошибки могут быть исправлены путем обычного технического редактирования (хотя иногда и с этим могут возникнуть сложности), то исправить, например, пунктуационные ошибки бывает уже труднее, ибо часто пунктуация определяет смысл текста (вспомним классический пример «Казнить нельзя помиловать» – запятая определяет значение предписания). Стилистические ошибки еще опаснее, ибо могут полностью исказить истинное значение предписания»[3].

Культура языка закона предполагает отказ от устаревших или модных слов, жаргонизмов. Справедливо писал А.С. Пиголкин: «важное требование к использованию юридической терминологии – ее стабильность, отказ от модных, не прошедших общественную апробацию терминов и иных языковых нововведений (неологизмов), если в существующем словарном составе имеются соответствующие языковые единицы. Это обусловлено социальным назначением права – быть точным и устойчивым регулятором общественных отношений. В то же время, очевидно, что развитие языка вообще и языка законодательства в частности – это объективное явление, и потому законодатель не может быть

---

[1] *Иванчин А.В.* Проблемы гармонизации внешнего оформления норм о преступлениях в сфере экономической деятельности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 года). М.: Проспект, 2012. С. 84

[2] Там же. С. 85

[3] *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». М., 2006. С. 183

ретроградом в языковой политике»[1]. В главе 22 УК РФ жаргонные слова можно встретить в ст. 174 и 174.1 УК РФ. Это отмечают и юристы. По мнению А.С. Пиголкина, «едва ли уместно, например, использование в ст. 174 УК такого жаргонного выражения, как «отмывание денежных средств»[2].

Стиль закона можно определить как систему правил оформления текста закона с помощью языковых средств. Правовые акты относятся к тому типу документов, в которых используется официально-деловой стиль. Под официально-деловым стилем принято обозначать особенности языка служебных, организационно-распорядительных и дипломатических документов (акт, отчет, служебное письмо, постановление, приказ и т.п.)[3]. «Социальная функция делового стиля, – отмечает Д.В. Долотова, – заключается в том, что он обслуживает отношения людей в процессе производства; с помощью деловой речи осуществляется связь между учреждениями и организациями, а также контакт властей с населением»[4]. Официально-деловой стиль позволяет отличать закон как выражение правового предписания от литературных произведений и прочих текстов. Поэтому правовой акт должен обладать следующими характерными признаками: объективность, директивность, официальность, законченность выражения мысли, точность и определенность юридической формы.

1. Объективность, директивность и официальность. Формулировки закона должны иметь волевой, властный, обязывающий характер. «Субъекты права обязаны вести себя в строгом соответствии с указаниями закона, в строго установленных рамках предписанного им долженствования. Это не художественный стиль, с помощью которого создаются образы или описываются те или иные факты, события, явления или процессы, чувства или переживания героев... Это стиль строгих предписаний, требований, приказов выполнять законом установленные правила»[5]. Нарушением стиля закона следует рассматривать такие случаи, как эмоциональность изложения текста закона,

---

[1] *Нормография* теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / Под ред. д-ра юрид. наук Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 130.

[2] Там же.

[3] См.: *Рахманин Л.В.* Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1988. С. 12.

[4] *Долотова Д.В.* Особенности языка правоприменительных актов-документов // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2. С. 139.

[5] *Керимов Д.А.* Законодательная техника. М., 2000. С. 61.

стремление к объяснению или убеждению субъектов правоотношений о необходимости соблюдения предписаний.

Стиль закона должен носить твердый, убедительный, приказной характер. Следует согласиться с Д.В. Чухвичевым, который утверждает, что «нормативные правовые акты не должны аргументировать сами себя, не должны содержать доказательств и убеждений необходимости соблюдения содержащихся в нем предписаний. Такая аргументация весьма опасна, так как может дать моральное основание к невыполнению акта (например, если такая аргументация покажется адресату предписаний неубедительной). Кроме того, текст нормативного правового акта должен быть официальным, использовать стандартные исчерпывающие формулировки»[1].

Стиль уголовного закона отвечает требованиям деловитости, директивности и официальности. В статьях УК РФ, в том числе и в главе 22 УК РФ, твердо указывается на то, что общественно опасное деяние, предусмотренное в статьях уголовного закона, в случае его совершения, «наказывается».

2. В качестве второго необходимого условия к стилю закона можно выделить **законченность выражения мысли законодателя**. Норма права должна быть обрисована таким образом, чтобы для правоприменителя не оставалось возможности для расширительного или узкого толкования нормы либо применения к норме аналогии права или закона. В главе 22 УК РФ остаются положения, которые требуют от следственных и судебных органов применения к норме аналогии права. Статьей 180 УК РФ предусматривается ответственность за незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно. Понятие неоднократности совершения преступлений раскрывалось в ст. 16 УК РФ, в соответствии с Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ утратившей силу. В настоящее время для правоприменителя остается непонятным, как трактовать термин «неоднократность».

3. Одним из важных условий стиля закона является **точность и определенность юридической формы**. Данное требование предполагает максимальную детализацию содержащихся в законе формулировок и выражений. «Это требование, – отмечает Ю.А. Тихомиров, –

---

[1] *Чухвичев Д.В.* Законодательная техника: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». М., 2006. С. 171.

непосредственно проистекающее из специфики права как регулятора общественных отношений, имеет особое значение для юридической деятельности. Закон содержит обязательный эталон поведения, модель будущих поступков человека. В нем недопустимы недомолвки и двусмысленности. Неточность словесного воплощения нормы, расплывчатость и отсутствие единообразных понятий и терминов может привести к неправильному пониманию и применению закона, к возможности отхода от его буквального смысла, а это может оказать прямое влияние на судьбы людей, производственную деятельность предприятий и коммерческих фирм, интересы государства и общества в целом»[1]. Существует и противоположное суждение. К. Экштаин полагает, что текст закона следует формулировать так, чтобы правоприменительные органы (и, в первую очередь, суды) имели возможность их толкования с учетом конкретных ситуаций. Детально прописанный закон, по его мнению, приведет к громоздкости правового акта, отсутствию гибкости правового регулирования[2].

Представляется, что нельзя путать абстрактность нормы права и казуистичность нормы права. Абстрактность нормы права является значительным достижением юридической техники. Она позволяет применять норму права к различным схожим ситуациям. В этом смысле абстрактность нормы права является прямой противоположностью казуистичности нормы права. Нельзя забывать, что существуют ситуации, требующие отдельного правового регулирования. Данный случай еще называют специальным правилом. В главе 22 УК РФ общим правилом, предусматривающим ответственность за незаконное получение прибыли, являются положения ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство». Под данное определение подпадают незаконные действия, совершаемые в любых сферах народного хозяйства (промышленность, медицина, сельское хозяйство и т.д.). Единственным исключением, требующим специального уголовно-правового запрета, следует признать банковскую сферу услуг. Поэтому не случайно законодатель в главе 22 УК РФ посвятил незаконной банковской деятельности отдельную статью (ст. 172 УК РФ).

Синтаксические правила обрисовывают особенности построения словосочетаний и предложений. Т.В. Кашанина отмечает, что «словосо-

---

[1] *Тихомиров Ю.А.* Как готовить законы. М., 1992. С. 32–33.

[2] См., напр.: *Экштаин К.* Законодательная техника. Регулировать детально или ограничиться общими принципами? // Вестник публичного права. 2003. № 2. С. 3–6.

четание – это устойчивая смысловая связь между словами. Словосочетаемость – достоинство нормативного текста, а не недостаток»[1]. Выделяют два вида словосочетаний. Первый вид – фразеологизмы, или устойчивые словосочетания. Они делятся на общие и собственно юридические. Общие словосочетания имеют вспомогательный характер и не имеют юридической природы. Собственно юридические словосочетания обладают юридической природой. Второй вид – свободные словосочетания. Их особенность заключается в том, что они могут легко заменяться[2].

Предложение как единица правового текста должно отвечать определенным требованиям: 1) точность выражения законодателем мысли. Для этого предложения должны быть согласованы между собой; 2) юридическая нейтральность. Адресатом норм права являются люди. Поэтому уголовно-правовые запреты необходимо формулировать в обезличенной форме. Для этого могут использоваться инфинитивные формы глаголов (установить, обеспечить и т.п.), глаголы в третьем лице (несет уголовную ответственность), глаголы в будущем времени (должны нести уголовную ответственность); 3) простота и доступность. Предложения не должны быть казустичными, чрезмерно сложными для восприятия. В то же время необходимо избегать примитивизма; 4) твердость выражения воли законодателя. Предложения должны быть организованы таким образом, что они имеют констатирующий, повествовательный, утвердительный характер. В них не следует использовать подлежащее, они не должны задавать вопросы, они не должны содержать побудительные слова; 5) краткость предложения. Предложение должно быть сформулировано таким образом, чтобы читатель мог держать в уме две или три мысли. Если же предложение будет состоять из десятков или сотен слов, то читатель может потерять нить рассуждений[3].

Таким образом, пренебрежение законодателем любыми правилами законодательной техники способно существенно понизить как качество, так и эффективность уголовно-правовых норм.

---

[1] *Кашанина Т.В.* Юридическая техника. С. 239.

[2] *Власенко Н.А.* Основы законодательной техники. Иркутск, 1995. С. 21–23.

[3] См. *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск, 1997. С. 114–119, *Кашанина Т.В.* Юридическая техника. С. 240–241, *Шугрина Е.С.* Техника юридического письма. М., 2000. С. 51–56.

3.2. Специальные правила законодательной техники, используемые при формулировке признаков преступлений, посягающих на экономическую деятельность, и проблемы их реализации

Уголовное право является охранительной отраслью права. Этим обусловливаются отличительные особенности конструирования норм данной отрасли права. Особенностями обладают языковые правила: терминологические, синтаксические и стилистические.

Терминологической особенностью главы 22 УК РФ является использование большого количества терминов, заимствованных из других отраслей права (гражданского, финансового, валютного, налогового и т.д.).

При формулировании уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение экономических преступлений, законодатель не может не принимать во внимание положения норм других отраслей права. Для норм главы 22 УК РФ это особенно важно, поскольку большинство из указанных норм имеют бланкетные диспозиции[1]. Примером являются уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ), злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определённой законодательством РФ о ценных бумагах (ст. 185.1 УК РФ). Для наиболее точного формулирования диспозиций рассматриваемых норм необходимо обратиться к Федеральным законам РФ «Об акционерных обществах», «О рынке ценных бумаг», «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг», «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»[2]. Таким образом, для соблюдения правила точности языка уголовно-правовых норм главы 22 УК РФ законодателю необходимо ссылаться на положения нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере экономики. Приведённый пример не является единичным. То же следует отметить и о ст. 192 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение пра-

---

[1] См. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности. С. 3; *Шишко И.В.* Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 7.

[2] См. *Камынин И.* Злоупотребления на рынке ценных бумаг // Законность. 2002. № 7. С. 7.

вил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней. В данной ситуации необходимо сослаться на Федеральный закон РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 года № 41-ФЗ.

Для формулирования совершенных уголовно-правовых норм законодатель обязан использовать термины и понятия так же, как они понимаются законодательством, откуда эти термины и понятия заимствуются. Примером является термин «доход». Применительно к отдельным нормам главы 22 УК РФ указанный термин разъяснялся для судебных органов совершенно по-иному, чем он трактуется в налоговых и иных нормативных правовых актах.

Таким образом, правило точности языка уголовно-правовых норм применительно к уголовно-правовым нормам главы 22 УК РФ имеет свои особенности, которые заключаются в том, что раскрытие содержания экономических терминов невозможно без обращения к нормам других отраслей права.

Стилистические особенности главы 22 УК РФ обусловлены спецификой уголовного права как «охранительной» («деликтной») отраслью[1]. Уголовное право выполняет функцию по охране от преступных посягательств различных общественных отношений. В качестве данных отношений следует рассматривать права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок, общественную безопасность, действующий конституционный строй, окружающую среду и т.д.

Содержание рассматриваемой функции состоит в предупреждении преступлений путём установления круга общественно опасных и объявляемых преступными деяний[2]. Одновременно в систему уголовно-правовых норм включаются и нормы, определяющие виды наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение указанных деяний, и условия их назначения. Определяющее положение среди перечисленных норм занимают нормы, устанавливающие ответственность за совершение конкретных преступлений[3]. Уголовно-правовые нормы направлены на охрану перечисленных ранее общественных отношений. Одновременно они направлены и на борьбу с от-

---

[1] См. *Теория* государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 600.

[2] См. Там же. С. 158.

[3] См. *Мальцев В.В.* Понятие и место уголовного права в системе отраслей права // Государство и право. 2000. № 5. С. 51; *Филимонов В.Д.* Норма уголовного права. С. 14.

ношениями, посягающими на права и интересы как отдельных граждан, так и всего общества в целом. Следует выделить два различных аспекта воздействия на поведение граждан: позитивный и негативный. Если первый из указанных аспектов предполагает положительную оценку поведения граждан, то последний, напротив, предполагает отрицательную оценку данного поведения, при этом оно оценивается государством именно как преступное и подлежащее вытеснению. В результате негативный аспект убеждает граждан в бессмысленности такого поведения, показывает им невыгодность его, тогда как позитивный аспект свидетельствует о необходимости правомерного поведения.

Поскольку отношения в сфере экономической деятельности неоднородны, в процессе формулирования указанных норм невозможно избежать многозначности отдельных терминов и понятий, используемых законодателем. Особенно это касается оценочных терминов – «доход в крупном размере», «крупный ущерб». Такая многозначность объясняется тем, что «доход в крупном размере», «крупный ущерб» может быть различным в зависимости от уголовно-правового запрета. В незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК РФ) «крупный ущерб» установлен в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей. Применительно к деяниям, ответственность за совершение которых установлена ст. 185, 185-1 УК РФ, «крупный ущерб» установлен в размере, превышающим один миллион рублей. Таким образом, в главе 22 УК РФ один и тот же термин имеет разное содержание. Поэтому в рассматриваемой ситуации законодателю невозможно соблюдать правило однозначности текстов «экономических» уголовно-правовых норм[1].

Изучая отдельные нормы главы 22 УК РФ, с точки зрения **языковых правил** можно обнаружить следующие проблемы.

Статья 176 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное получение кредита. По букве уголовного закона лицо несет ответственность, если заключило договор банковского кредита. Согласно нормам гражданского законодательства, договор банковской ссуды и договор займа являются самостоятельными разновидностями гражданско-правовых договоров и не являются кредитными договорами. Таким об-

---

[1] В рассматриваемой ситуации имеет место полисемия – наличие различных смыслов и значений у одного и того же термина, либо понятия, а также различные интерпретации одного и того же термина, либо понятия. Поскольку уголовно-правовой словарный запас ограничен, избежать полисемии практически невозможно. См.: *Большой* энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., СПб., 2002. С. 933; *Кострова М.* Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. № 10. С. 25.

разом, под действие ст. 176 УК РФ не подпадают ситуации, когда лицо заключает договоры займа и банковской ссуды[1].

В ст. 176 УК РФ можно обнаружить и другой пример нарушения языковых правил. В ней нет единого определения термина «льготные условия кредитования». Льготы, как известно, определяют банки по своему усмотрению[2], при этом для отдельных клиентов банка могут быть установлены персональные условия кредитования.

Практика по ст. 178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции»[3] показывает, что за время действия УК РФ рассматриваемая статья впервые была применена на практике только в 1999 г., и по ней было вынесено 2 приговора[4]. В последующие годы ситуация с применением её на практике существенно не изменилась[5]. Такое редкое применение связано с тем, что она является мало понятной сотрудникам правоохранительных органов. Приведённый факт свидетельствует о её несовершенстве[6]. Указанное несовершенство имело место в первоначальной редакции, сохраняется и в последней редакции.

В первоначальной редакции законодатель установил ответственность не за неисполнение в срок должностным лицом органа власти или хозяйствующего субъекта законных предписаний антимонопольных органов, а непосредственно за монополистические действия, совершённые путём установления монопольно высоких или монопольно низких

---

[1] См. *Васильева Я.С.* Указ. соч., С. 8, *Козаченко И.Я., Васильева Я.С.* Уголовная ответственность за незаконное получение кредита // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 35; *Они же.* Ответственность за незаконное получение государственного целевого кредита // Там же. 2000. № 5. С. 39.

[2] См. *Устинова Т., Истомин А., Бурковская В., Четвертакова Е.* Состояние уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Уголовное право. 2001. № 2. С. 42, *Сапожков А.А.* Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 2000. С. 8.

[3] До принятия Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 года данная статья была озаглавлена «Монополистические действия и ограничение конкуренции».

[4] См. *Волженкин Б.В.* Мифы уголовной статистики и реальности экономической преступности или реальности уголовной статистики и мифы об экономической преступности // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 года. М., 2002. С. 84.

[5] По материалам еженедельника «ЭЖ – Юрист» 2006. № 34.

[6] См. *Тотьев К.Ю.* Антимонопольное право России. М., 1997. С. 45, *Клепицкий И.А.* Уголовно-правовая охрана конкуренции в России: почему закон не работает? // Законодательство. 2005. № 10. С. 59.

цен и ограничение конкуренции путём раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него иных хозяйствующих субъектов, а также установления или поддержания единых цен. Актуальная редакция ст. 178 УК РФ законодателем сформулирована так, что для привлечения к ответственности по данной статье необходимо доказать причинение крупного ущерба, что создаёт многочисленные трудности, связанные с определением потерпевшего[1].

Данная ситуация является результатом несоблюдения законодателем правила точности языка уголовно-правовых норм. В этой связи МВД России разрабатывается законопроект по совершенствованию рассматриваемой нормы.

На основании Федерального закона РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ст. 178 УК РФ в очередной раз были внесены существенные изменения. Однако проблемы применения её на практике так и остались нерешёнными. Напротив, в новой редакции ст. 178 УК РФ имеется противоречие с нормами Федерального закона РФ «О защите конкуренции», препятствующее эффективности рассматриваемого уголовно-правового запрета. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование уголовного законодательства в сфере охраны конкуренции от преступных посягательств[2].

Нарушения языковых правил можно обнаружить в ст. 193 УК РФ, устанавливающей ответственность за невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. За всё время действия УК РФ только в 1999 г. было вынесено всего три приговора[3]. Проблемы применения на практике ст. 193 возникают в связи с тем, что в силу бланкетности диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы возникает необходимость обращаться к валютному законодательству, которое в различных случаях конкретизирует обязанность зачислять средства в иностранной валюте на счета в уполномоченных банках РФ[4]. Соответству-

---

[1] По материалам еженедельника «ЭЖ – Юрист» 2006 № 34

[2] См.: *Денисова А.В.* Уголовно-правовая защита конкуренции // Российская юстиция 2012 № 11. С. 24

[3] См.: *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 84; *Работа* судов Российской Федерации в 2001 году // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 77; *Работа* судов Российской Федерации в 2002 году // Там же. 2003. № 1. С. 55; *Работа* судов Российской Федерации в 2003 году // Там же. 2004. № 1. С. 75; *Дмитриев О.В.* Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования / Отв. ред. М.П. Клейменов. М.: Юристъ, 2005. С. 90

[4] См.: *Устинова Т., Истомин А., Бурковская Е., Четвертакова Е.* Указ. соч.

ющие нормативные акты были приняты в разное время различными органами, и они по-разному формулируют обязанность руководителя организации, осуществляющей внешнеэкономическую деятельность[1].

Проблема квалификации по ст. 193 УК РФ связана с тем, что законодатель в диспозиции рассматриваемой статьи не указал, кто предпринимает меры по невозвращению в РФ валютной выручки: руководитель организации, его заместитель, либо главный бухгалтер, менеджер либо иные лица. Для устранения данного недостатка в юридической литературе обоснованно предлагается признать субъектом рассматриваемого преступления любое лицо, на которое по действующему законодательству возложена обязанность принять все необходимые меры по возвращению валюты в РФ[2]. Внесение данного изменения в диспозицию ст. 193 УК РФ позволит определить субъекта рассматриваемого преступления.

В юридической литературе высказывались точки зрения относительно недостатков и других уголовно-правовых норм, предусмотренных главой 22 УК РФ. По мнению их авторов, недостатки имеются даже у норм, которые наиболее часто применяются на практике.

Сложными для правоприменителя являются составы и иных экономических преступлений. К ним следует отнести легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174–174-1 УК РФ). Установление уголовной ответственности за данные деяния явилось адекватной реакцией законодателя на ситуацию, когда легализация (отмывание) доходов, полученных в результате преступной деятельности, стала глобальной угрозой экономической и политической безопасности государств[3]. В связи с принятием Федерального закона РФ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию тер-

---

[1] *Малинин М.* Невозвращение иностранной валюты: на нет и суда нет // Законность 2001. № 10. С.23.

[2] Подробно об этом сказано в следующих работах: *Гармаев Ю.* Уголовно-правовая характеристика невозвращения из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ) // Уголовное право. 2001. № 2. С. 15; *Он же.* «Оживить» норму об ответственности за невозвращение валютных средств из-за границы // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 67; *Дикинова Т., Остапенко В.* О необходимости усиления борьбы с таможенными преступлениями // Уголовное право. 2004. № 3. С. 107.

[3] См.: *Ценова Т.Л.* Об особенностях применения статьи 174 УК РФ // Закон и право. 2003. № 10. С. 73; *Третьяков И.Л.* Легализация «грязных денег» в России и меры борьбы с ней // Там же. 2004. № 7. С. 16.

роризма» от 7 августа 2001 г.[1], а также в связи с присоединением РФ к Страсбургской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ст. 174 УК подверглась существенным изменениям и дополнениям. В частности, было изменено её наименование – «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём» – в отличие от первоначальной редакции 1996 г. – «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых незаконным путём». В юридической литературе отмечалось, что первоначальная редакция ст. 174 УК РФ представляла собой «сокращённый перевод американского законодательства»[2]. Благодаря такой редакции, в диспозиции указанной статьи, в отличие от законодательства США, не была указана цель деятельности по самому «отмыванию денег». Нетрудно догадаться, что попытка отечественного законодателя имплементировать зарубежную норму в отечественное законодательство не увенчалась успехом. Поэтому законодателю в УК РФ пришлось ввести и ст. 174-1 – «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления»[3].

Несмотря на указанные изменения, как показывает практика, с момента принятия соответствующих законов применение на практике рассматриваемых статей было очень редким. Так, по ст. 174 в 1997 г. было зарегистрировано 241 преступление, выявлено 26 лиц, из них осуждён лишь 1 человек; в 1998 г. – зарегистрировано 1003, выявлено 86 лиц, из них осуждено 8 человек; в 1999 г. – соответственно – 965, 105, 22; в 2000 г. – соответственно – 973, 119, 26; в 2001 г. – соответственно – 948, 133, 31; в 2002 г. – соответственно – 959, 157, 29[4]. В 2003–2004 гг. рассматриваемая статья ни разу не применялась на практике[5]. Статья 174-1 УК РФ за время её действия применялась на практике лишь единичное

---

[1] См.: СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.

[2] *Клепицкий И.А.* «Отмывание денег» в современном уголовном праве // Государство и право. 2002. № 8. С. 40.

[3] Там же.

[4] См.: *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 85; Российская юстиция. 2003. № 1. С. 55.

[5] См.: *Куровская Л.* Что мешает расследованию преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174-1 УК // Законность. 2004. № 3. С. 43; *Яни П.С.* Незаконное предпринимательство и легализация преступно приобретённого имущества // Там же. 2005. № 3. С. 9.

число раз[1]. Данная картина, как и в предыдущем случае, объясняется сложностью состава рассматриваемых деяний. В связи с данной сложностью возникают затруднения, связанные с применением ст. 174 и 174-1 УК РФ на практике. Одно из них состоит в том, что законодатель в диспозиции ст. 174 УК РФ не определяет, какие именно нарушения закона при приобретении денежных средств или имущества, или прав на них должны выступать в качестве предшествующего легализации деяния[2]. Поэтому в качестве следующего затруднения, связанного с применением на практике рассматриваемых статей, обычно выделяется сложность доказывания, которая состоит в том, что рассматриваемые преступления являются «вторичными», так как прежде необходимо доказать сам факт преступления, в результате которого приобретены отмываемые деньги и имущество[3]. В связи с этим сотрудникам правоохранительных органов часто невозможно предъявить обвинения лицам, виновным в «отмывании» денег[4].

Одновременно в рассматриваемой ситуации возникают затруднения, связанные и с определением субъекта этих преступлений. По мнению Н. Иванова, «к уголовной ответственности за легализацию может быть привлечён только такой субъект, который выступает в отношении легализуемых им ценностей как посредник. Имущество, с которым субъект совершает сделки, должно быть передано ему другим лицом, которое приобрело данные ценности преступным путём. Поэтому легализующий ценности субъект имеет лишь опосредованное отношение к природе происхождения имущества или денежных средств, которыми он манипулирует. Следовательно, субъект, легализующий ценности, полученные заведомо для него преступным путём, прикосновенен одновременно и к преступлению, в результате совершения которого были

---

[1] См. Там же. *Ценова Т.Л.* Указ. соч. С. 74, *Яни П.С.* Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? // Законность. 2005. № 8. С. 10.

[2] См. *Истомин А.* Оценка диспозиции статьи 174 УК РФ практическими работниками правоохранительных органов // Уголовное право. 2001. № 1. С. 23, *Яни П.С.* Ответственность за легализацию. С. 9.

[3] *Колб Б.* «Отмывание» денег // Законность. 2004. № 1. С. 42.

[4] Об этом подробно говорится в следующих работах: *Куровская Л.* Указ. соч., *Горелов А.* Легализация преступно приобретённого имущества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2003. № 4. С. 14–15.

получены легализуемые ценности»[1]. По нашему мнению, проблемы, связанные с применением ст. 174 на практике, состоят именно в том, что в данной статье неточно определено, кого следует считать субъектом преступления: лицо, легализующее ценности, либо лицо, прикосновенное к совершению преступления, в результате совершения которого и были получены легализуемые ценности. Необходимо отметить, что в УК Польши, УК Германии и УК Швейцарии, а также и в Страсбургской конвенции указанный субъект определён как «лицо, которое непосредственно принимает, передаёт или вывозит за границу платёжные средства, ценные бумаги и иные валютные ценности, полученные в результате совершения преступления»[2]. Таким образом, в ст. 174 и 174-1 УК РФ следует более чётко обозначить субъект преступления, аналогично тому, как это сделано в международно-правовых документах и в УК ряда зарубежных государств, что позволит «оживить» рассматриваемые статьи. В этом случае требование точности языка уголовного закона заключается в более чётком описании субъекта данных преступлений. Одновременно «оживить» ст. 174 УК РФ позволит и внесённое в ее диспозицию на основании Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г. изменение, согласно которому из ч. 1 рассматриваемой статьи исключён элемент «в крупном размере», в результате чего окажется возможным «расширение» действия данной нормы.

Также на основании указанного ранее Федерального закона РФ от 7 августа 2001 г. изменениям подверглась и ст. 183 УК РФ. Они состоят в том, что в заголовок и диспозицию рассматриваемой статьи введено понятие «налоговой тайны», представляющей собой разновидность коммерческой тайны. Несмотря на такое расширение, ст. 183 не получила широкого практического применения. При этом случаи совершения данных деяний имеют место[3]. По нашему мнению, основные за-

---

[1] См.: *Иванов Н.* Легализация денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 54; *Жубрин Р.* Расследование легализации преступных доходов // Законность. 2006. № 2. С. 17–19.

[2] См.: *Уголовный* кодекс Республики Польша. М., 2000. Ст. 299; *Уголовный* кодекс ФРГ. М., 2000. Ст. 261; *Уголовный* кодекс Швейцарии. М., 2000. Ст. 263; *Конвенция* об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. Страсбург, 8 ноября 1990 г. // СПС «Гарант».

[3] По рассматриваемой статье обвинительные приговоры впервые были вынесены только в 1999 г., и количество их составило всего три (!). В последующие годы ст. 183

труднения, связанные с применением рассматриваемой статьи на практике, состоят в том, что в ч. 4 отсутствует понятие «тяжких последствий». Во избежание указанных затруднений необходимо уточнить, какие последствия следует считать тяжкими, что позволит внести точность в диспозицию рассматриваемой нормы.

Редко применяется на практике и ст. 185 УК РФ, устанавливающая ответственность за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг[1]. Данная ситуация, по нашему мнению, объясняется, как и в предыдущих случаях, несовершенством диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы. На основании Федерального закона РФ от 4 марта 2002 г. в неё были внесены изменения и дополнения. В их качестве можно рассматривать введение Примечания к указанной статье, в котором уже установлен размер крупного ущерба. Одновременно её диспозиция оказалась дополненной ч. 2, в которой отмечены квалифицирующие признаки данного деяния.

Несмотря на внесённые изменения, ст. 185 так и осталась несовершенной. Указанное несовершенство состоит в том, что нечётко определён субъект этого преступления. В юридической литературе была высказана точка зрения, согласно которой «в качестве субъектов данного преступления следует считать как руководителя организации-эмитента, давшего заведомо недостоверную информацию о проспекте эмиссии ценных бумаг, так и главного бухгалтера, если он был осведомлён о недостоверности указанной информации. Кроме этого, в качестве субъектов рассматриваемого преступления могут выступать и иные лица, которые подписали проспект данной эмиссии, и если они знали о недостоверности информации этой эмиссии»[2]. Указанные лица имеют право утверждать проспект эмиссии ценных бумаг[3].

На основании Федерального закона РФ от 4 марта 2002 г. в УК была введена ст. 185-1, устанавливающая ответственность за злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу ин-

---

также не получила широкого практического применения. См. *Дмитриев О.В.* Указ. соч. С. 79–81.

[1] Как и по ст. 183, по рассматриваемой статье приговоры впервые были вынесены в 1999 году, и количество их составило только два (!). В последующие годы ст. 185 не получила практического применения. См. *Вовженкин Б.В.* Указ. соч., *Дмитриев О.В.* Указ. соч. // СПС «Гарант».

[2] *Тюнин В.* Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 54.

[3] Там же.

формации, определённой законодательством РФ о ценных бумагах. Её диспозиция является бланкетной, и поэтому для определения персонифицированного состава субъектов рассматриваемого преступления следует исходить из ст. 12 Федерального закона РФ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг». В их качестве рассматриваются: лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой организации, а также лица, имеющие специальные полномочия на право совершения сделок с ценными бумагами[1]. Одновременно, чтобы понять, что следует понимать под «информацией, содержащей данные об эмитенте», необходимо обратиться к положениям как ст. 30 Федерального закона РФ «О рынке ценных бумаг», так и к положениям ст. 6 Федерального закона РФ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»[2]. В связи с этим ст. 185-1 УК РФ за всё время её действия ни разу не применялась на практике. При этом она вводилась в УК РФ с целью восполнения некоторых пробелов, указанных в ст. 185 УК РФ. Таким образом, в рассматриваемом случае интересы инвесторов оказались фактически незащищёнными. При этом в зарубежных странах основным инструментом защиты интересов инвесторов являются уголовно-правовые нормы. Не является исключением и Россия. По нашему мнению, для эффективного применения на практике рассматриваемой нормы законодателю применительно к ней необходимо сформулировать соответствующий понятийный аппарат, в котором были бы точно раскрыты перечисленные ранее элементы[3]. Благодаря такой конструкции данной нормы окажется соблюдённым правило точности языка уголовно-правовых норм.

Очень редко применяется на практике и ст. 194 УК, устанавливающая ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица[4]. Данная ситуация, по нашему мнению, объясняется тем, что такой элемент диспозиции, как «уклонение», может рассматриваться, с одной стороны, как действие, а с другой – как бездействие, что создаёт трудности при доказывании прямого умысла на уклонение от уплаты таможенных платежей. В связи

---

[1] См. *Камынин И.* Указ. соч. С. 9.

[2] Там же. С. 7.

[3] Указанный понятийный аппарат следует оформить как Примечание к ст. 185-1 УК РФ.

[4] В указанных регионах ст. 194 УК за 1997–2006 гг. применялась лишь три раза. В целом по РФ за указанный промежуток времени было осуждено только несколько десятков человек. См. *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 84; *Дмитриев О.В.* Указ. соч. С. 90.

с этим в диспозиции рассматриваемой статьи следует более точно определить, что представляет собой данное «уклонение». Для этого, по нашему мнению, необходимо после слов «уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица» ввести следующее: «путём предоставления неверной информации о стоимости перемещаемых товаров, либо путём полной или частичной неуплаты начисленных таможенных платежей». Данное раскрытие понятия «уклонение» позволит внести точность в диспозицию рассматриваемой нормы. Одновременно в данном случае станет возможным однозначное толкование указанного понятия сотрудниками правоохранительных органов.

В последнем случае, наряду с правилом точности языка, оказалось нарушенным и правило однозначности текста «экономических» уголовно-правовых норм. В результате судебная практика пошла по пути произвольного толкования рассматриваемого состава, что отметили более 80 % опрошенных судей.

Нарушенным указанное правило, как и правило точности, оказалось и в нормах, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. В качестве последних, наряду с контрабандой, были выделены незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189 УК), а также невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК). Несмотря на то, что в диспозициях рассматриваемых статей сущность деяний, за совершение которых ими установлена уголовная ответственность, раскрыта достаточно подробно, за всё время действия УК РФ по ст. 189 в 1999 г. был вынесен только один приговор. Ст. 190 УК за всё время действия УК РФ ни разу не применялась на практике[1]. Данные преступления являются достаточно распространёнными, и они обладают достаточно высокой латентностью (близкой к 100 %)[2]..Такое редкое применение ст. 189 на практике

---

[1] См. *Волженкин Б.В.* Указ. соч. С. 84; *Работа* судов Российской Федерации в 2001 году // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 77; *Работа* судов Российской Федерации в 2002 году // Там же. 2003. № 1. С. 55; *Работа* судов Российской Федерации в 2003 году // Там же. 2004. № 1. С. 75.

[2] См. *Дмитриев О.В.* Указ. соч. С. 89–90.

объясняется, по нашему мнению, тем, что неясно, в каком случае возможно привлечение лица к ответственности: либо если лицо совершило только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-технической информации и услуг; либо только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, вооружения и военной техники; либо же лицо привлекается к ответственности только в том случае, если оно совершило незаконный экспорт всего, о чём отмечено в диспозиции рассматриваемой нормы. Таким образом, для эффективного применения этой нормы на практике необходимо чётко определить, в каком случае лицо привлекается к ответственности. Для этого необходимо в диспозицию данной нормы ввести разделительные союзы «или» между перечисляемыми действиями, поскольку использование указанного союза вносит точность при толковании уголовного закона любым его адресатом[1]. Иными словами, для соблюдения правила точности языка уголовного закона в диспозицию данной нормы следует ввести разделительные союзы. По нашему мнению, благодаря использованию указанных союзов окажется возможным и однозначное толкование рассматриваемого состава практическими работниками, что позволит им избежать затруднений, возникающих при практическом применении ст. 189.

Неприменение на практике ст. 190 УК, по нашему мнению, может объясняться, как и в предыдущем случае, тем, что неясно, в каком случае возможно привлечение лица к ответственности: либо если лицо не возвратило в установленный срок на территорию РФ только предметы художественного достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за её пределы; либо только предметы исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за её пределы; либо же лицо привлекается к ответственности только в том случае, если оно не возвратило в установленный срок все предметы, указанные в диспозиции рассматриваемой нормы. Таким образом, для её эффективного применения на практике необходимо, как и в случае со ст. 189 УК, чётко определить, в каком случае лицо привлекается к ответственности. Для этого, как и в предыдущем случае, необходимо, по нашему мнению, ввести в диспозицию ст. 190 УК разделительные союзы «или» между перечисляемыми действиями.

---

[1] См. *Кострова М.* Особенности реализации языковых правил. С. 40–41.

Отсутствие в диспозициях ст. 189–190 УК разделительных союзов свидетельствует о несоблюдении законодателем, наряду с иными, и грамматических правил законодательной техники. В рассматриваемом случае в результате несоблюдения указанных правил применение на практике соответствующих уголовно-правовых норм стало проблемным. Проблемы, возникающие при практическом применении «экономических» уголовно-правовых норм, объясняются их несовершенством.

Проанализировав приведённые выше уголовно-правовые нормы, охраняющие общественные отношения в рассматриваемой сфере, можно отметить, что, несмотря на их новизну, они в значительной мере являются несовершенными. Указанное несовершенство, по нашему мнению, состоит в том, что законодатель при формулировании данных уголовно-правовых норм чётко не выделил отдельные элементы составов преступлений, ответственность за совершение которых установлена этими нормами. В частности, оказалась «размытой» объективная сторона преступлений, благодаря чему стало возможным прекращение уголовного преследования лиц, виновных в их совершении. Приведённый недостаток является характерной чертой всех без исключения уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение экономических преступлений.

Несовершенство уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы, состоит, по нашему мнению, и в том, что в диспозициях большинства из них некоторые элементы оказались либо определёнными недостаточно точно, либо совсем не определёнными. Например, отсутствие определения «тяжких последствий» в диспозиции ст. 183 УК приводит к прекращению многих уголовных дел, возбуждённых по данной статье, поскольку указанные последствия определяются практическими работниками по собственному усмотрению, что и способствует их прекращению. При этом такое усмотрение может перерасти и в произвол[1].

Одновременно существенным недочётом законодательства является и то, что отдельные понятия, входящие в диспозицию рассмотренных норм, оказались недостаточно раскрыты. К указанному недостатку следует отнести неточное раскрытие понятия «уклонение», о котором говорится в диспозиции ст. 194.

---

[1] *Рарог А.И., Грачева Ю.В.* Законодательная техника как средство ограничения судейского усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93.

Недостатком данных норм является и то, что при практическом применении отдельных норм трудно установить, кого следует считать субъектом преступления. Это особенно касается норм, устанавливающих ответственность за «отмывание» денег (ст. 174–174-1 УК). Именно поэтому названные статьи очень редко применялись и применяются на практике.

Таким образом, для того чтобы язык уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономики от преступных посягательств, соответствовал требованиям точности и однозначности, а также и для эффективного применения указанных норм на практике необходимо дальнейшее совершенствование действующего законодательства. Проанализировав рассмотренные выше нормы, необходимо выделить следующие направления их совершенствования:

1. В качестве субъекта преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 174 и 174-1 УК, следует рассматривать лицо, непосредственно принимающее, передающее или вывозящее за границу платёжные средства, ценные бумаги и иные валютные ценности, полученные в результате совершения указанных преступлений.

2. В диспозиции ст. 183 УК необходимо дать толкование «тяжких последствий».

3. Для эффективного применения на практике ст. 185-1 УК законодателю применительно к ней необходимо сформулировать соответствующий понятийный аппарат, в котором были бы точно раскрыты отдельные элементы, входящие в её диспозицию. Указанный понятийный аппарат следует оформить как Примечание к ст. 185-1 УК.

4. В диспозиции ст. 189 УК следует точно установить, в каком случае лицо привлекается к ответственности: либо за совершение незаконного экспорта только одного из компонентов, необходимых для создания оружия массового поражения, либо за совершение незаконного экспорта всех компонентов, перечисленных в диспозиции данной статьи.

5. В диспозиции ст. 190 УК необходимо точно определить, в каком случае лицо привлекается к ответственности: либо в случае невозвращения им в установленный срок на территорию РФ только предметов, например, художественного достояния народов РФ и зарубежных стран, вывезенных за пределы РФ; либо в случае невозвращения им в установленный срок на территорию РФ всех вывезенных за её пределы предметов, которые перечислены в диспозиции данной статьи.

6. В диспозиции ст. 194 УК необходимо уточнить, что представляет собой «уклонение от уплаты таможенных платежей» – действие, без-

действие либо оно является их сочетанием. Данное уточнение позволит избежать произвольного толкования практическими работниками понятия «уклонение».

Стилистические особенности норм главы 22 УК РФ выражаются в двух приемах: 1) «негативное описание в уголовном законе общественно опасного деяния»; 2) прием четкого определения момента окончания преступления.

Прием «негативное описание в уголовном законе общественно опасного деяния» не получил широкого освещения в юридической литературе. Об этом важном с точки зрения уголовно-правовой техники специально-правовом приеме в литературе упоминается вскользь. Советский ученый Е.А. Прянишников писал: «Давно уже С. Перетерский отмечал неправильность выражения «производство промысла морских котиков»[1]. По-видимому, криминалисты не читали этой работы, ибо в ст. 164 УК РСФСР 1960 г., озаглавленной «Незаконный промысел котиков и бобров», мы снова читаем «Производство промысла котиков и морских бобров...». А между тем было бы гораздо проще и лучше, если бы в этой статье уголовного закона было сказано: «Незаконный промысел морских котиков и морских бобров в открытом море, а равно в запретных зонах...». Также плохо сформулирована и ст. 165 УК РСФСР 1960 г. В ней говорится: «Производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил, установленных в целях охраны рыбных запасов...». Помимо лишнего слова «производство» и выражения «в целях» (о котором мы уже говорили), в этой статье на первом месте выдвинута второстепенная часть, а основное содержание отошло на второй план. Ведь состав преступления заключается не в производстве лесосплава или взрывных работ, а в нарушении правил об охране рыбных запасов. С этого и следовало бы начинать. Тогда статья выглядела бы так: «Нарушение установленных для охраны рыбных запасов правил при лесосплаве или взрывных работах...». Такой текст, – делал вывод Е.А. Прянишников, – и короче, и яснее официального»[2].

В уголовном законе «негативность» словесно может формулироваться по разному: «противоправность», «нарушение», «незаконный» и т.п. В главе 22 УК РФ используется термин «легализация (отмывание)»,

---

[1] См. *Перетерский С.* Техника оформления кодексов // Проблемы социалистического права 1939 № 1. С. 113–114.

[2] Цит. по *Керимов Д.А.* Законодательная техника. М., 2000. С. 69.

который сам по себе имеет «негативный» характер[1]. В некоторых статьях УК РФ данный прием законодательной техники либо забыт, либо используется некорректно. В ст. 105 УК РФ уголовно наказуемым является *любое* «умышленное причинение смерти другому человеку». В том числе и правомерное причинение смерти. Законодатель забыл указать, что должно быть запрещено любое «умышленное *противоправное* причинение смерти другому человеку». Другой пример – согласно ст. 242 УК РФ запрещено «*незаконное* распространение порнографических материалов». По смыслу данной нормы законодатель требует преследовать органами правосудия любое «незаконное» распространение порнографических материалов. Следовательно, любое «законное» распространение порнографических материалов находится вне рамок уголовного закона.

Глава 22 УК РФ также содержит положения, которые нарушают **прием «негативное описание в уголовном законе общественно опасного деяния»**. Статья 171 УК РФ предусматривает ответственность за «Незаконное предпринимательство». Под ним понимается «Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере».

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступных путем» указывает, что для правильной квалификации по данной статье необходимо обращаться к положениям Гражданского кодекса РФ. Понятие предпринимательской деятельности предусмотрено в ст. 2 ГК РФ. Согласно этой статье «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая

---

[1] Пиголкин А.С. называет термин «легализация» жаргонизмом. См. *Нормография*: теория и методология нормотворчества: учеб.-метод. пособие / Под ред. д-ра юрид. наук Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 130.

на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке».

Термин «предпринимательская деятельность» – из гражданского права – регулятивной отрасли права, регулирующей **законные** отношения между физическими и юридическими лицами. Данный термин имеет **дозволительный** характер. Он отвечает на вопрос: «что значит предпринимательская деятельность», «каким критериям она должна соответствовать». Признаки данного понятия получают дальнейшую регламентацию в других статьях ГК РФ – ст. 48, 50, где указывается, что юридическое лицо является таковым после государственной регистрации юридического лица. Это же понятие получает детализацию в других федеральных законах регулятивного характера – Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», приказы и инструкции ФНС России, Минфина России и т.п., где предпринимательская деятельность понимается как ***позитивная деятельность***.

Но уголовный закон охраняет общественные отношения. Его нормы запрещают какое-либо поведение. Отсюда следует, что формулировка в уголовном законе уголовно-правового запрета должна, с одной стороны, запрещать извлечение прибыли без государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя. С другой, запрет должен быть выражен в негативной форме.

Иное мы наблюдаем при анализе ст. 171 УК РФ. Уголовный закон, заимствовав термин «предпринимательская деятельность» из Гражданского кодекса РФ, ввел его в ранг уголовно-правового понятия. Тем самым он нарушил принцип криминализации – **принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права**.

Такая ситуация по сути делает невозможным применение нормы на практике, поскольку уголовный закон требует обращения к понятию «предпринимательская деятельность». В результате ст. 171 УК РФ будет выглядеть следующим образом:

Ст. 171 УК РФ	Ст. 2 ГК РФ
«Осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий	«Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя

государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере»

из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»

Название статьи

Незаконное *предпринимательство*. Другими словами, незаконная ***самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»***.

Диспозиция статьи «Осуществление предпринимательской деятельности (то есть самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке) *без регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна*, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере»

Об указанной выше проблеме уже неоднократно говорилось в юридической литературе. А.П. Горелов писал: «ст. 171 УК РФ запрещает осуществлять предпринимательскую деятельность без регистрации, а ст. 2 ГК РФ под предпринимательством понимает самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Таким образом, вопрос заключается в следующем: является ли регистрация субъекта предпринимательства обязательным условием для признания его деятельности, отвечающей иным требованиям, названным в ст. 2 ГК РФ, предпринимательской. Положительный ответ на данный вопрос будет означать, что деятельность без регистрации не может быть названа предпринимательством, и обнаружившееся противоречие законов

в силу положений ч. 2 ст. 49 Конституции («неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого») не позволят привлечь к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ лицо, извлекающее прибыль от продажи товаров. Выход из сложившегося положения видится в том, что, как справедливо утверждается в работах по предпринимательскому праву, такие перечисленные в ст. 2 ГК РФ признаки предпринимательской деятельности, как самостоятельность, осуществление ее на свой риск, направленность на систематическое получение прибыли, являются сущностными, определяющими саму природу предпринимательства, тогда как указание на обязательную регистрацию лиц, ведущих предпринимательскую деятельность, – лишь условием для признания предпринимательской деятельности законной. Разделим признаки предпринимательства на содержательные и формальные, относя к числу последних не только требование регистрации этой деятельности, но и установление законодателем в некоторых случаях форм этой деятельности. О формальных признаках предпринимательства говорить методологически более точно, нежели об условии признания деятельности законной. Кроме того, от отсутствия либо наличия данного признака зависит признание деятельности законной либо незаконной. Итак, если отсутствуют содержательные признаки (цель получения прибыли и др.), деятельность нельзя расценить как предпринимательскую. А вот если нет признаков формальных, деятельность по своему содержанию вполне отвечает понятию предпринимательской, но не может быть признана законной. В уголовном законе речь идет о предпринимательской по существу, но незаконной по форме деятельности. И, таким образом, при вменении состава незаконного предпринимательства уголовной ответственности подлежит и то лицо, которое, не будучи зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя и не представляя зарегистрированную организацию, выполняет действия, описанные в соответствующей норме уголовного закона»[1]. Суждения А.П. Горелова заслуживают поддержки в том смысле, что он пытается разрешить очевидную коллизию между уголовным и гражданским законодательством. Но предложенное им решение противоречит букве закона.

Представляется, что уголовный закон должен запрещать не само «предпринимательство», а то, что представляет общественную опасность – *незаконное получение прибыли*. Вместо словосочетания «пред-

---

[1] *Горелов А.П.* Незаконное предпринимательство: судебная практика // Законодательство и экономика. 2004. № 4. С. 58–62.

принимательская деятельность» правила законодательной техники требуют использования словосочетания «незаконное извлечение прибыли». Разница между указанными терминами очевидна. Извлечение прибыли может быть осуществлено как законными, так и незаконными способами. Законным способом будет такое извлечение прибыли, которое соответствует всем условиям, предусмотренным в ст. 2 ГК РФ. Статья 2 ГК РФ называет этот способ – предпринимательская деятельность. Однако возможен и незаконный способ извлечения прибыли – без регистрации, без лицензии и т.д.[1]

Еще одним из важных приемов законодательной техники в уголовном праве является **«прием четкого определения момента окончания преступления».**

В литературе отмечается, что в уголовном законе используется перенос названия с участника события преступления на само событие преступления, т. Е. с лица, совершившего деяние, на само деяние: «уклонение... наказывается, нарушение... наказывается». Данную ситуацию в литературе называют законодательной фикцией. Указанная фикция и используется законодателем с целью экономии текста и лаконичного выражения им своих мыслей. Отказ от неё способен привести к существенному увеличению текста уголовного закона[2].

Иное наблюдается в зарубежном уголовном законодательстве[3]. В зарубежных уголовных кодексах событие описывается по схеме: «лицо, совершившее определенное деяние... наказывается». По нашему мнению, нужно согласиться с таким описанием уголовно-правовых запретов. В отечественной литературе справедливо отмечается, что «в конечном итоге, судят не преступление, а человека, его совершившего, да и уголовная репрессия нацелена не на деяние, а на деятеля»[4].

В уголовном праве одним из принципиальных положений является вопрос о четком обозначении **момента окончания преступления.** Но в

---

[1] *Филимонов В.Д.* Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 10.

[2] Законодательная фикция – приём законодательной техники, который состоит в признании несуществующего положения существующим. См.: *Панько К.К.* Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. С. 5.

[3] См.: *Уголовный* Кодекс Голландии / Науч. ред. и предисл. С.С. Беляева, канд. юрид. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова). Пер. с англ. А.Н. Рычевой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

[4] *Коробеев А.И.* Причины преступлений в свете теории криминализации // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве (межвуз. сб.). Владивосток, 1983. С. 105.

главе 22 УК РФ все уголовно-правовые нормы содержат неопределенное указание о моменте окончания преступления.

Норма уголовного права должна быть «фиксированной». То есть норма должна так выстраиваться, чтобы в ней использовались термины, не имеющие *динамического* характера, не показывающие динамику. Последнее характерно для регулятивных отраслей права – гражданского, банковского и т.п. Уголовное право должен интересовать результат противоправной деятельности человека, а не его поведение вообще. Приведем некоторые примеры/

Акцент на самом процессе поведения субъекта	*Акцент на результат поведения субъекта*
«Незаконная предпринимательская деятельность»	Лицо, незаконно получившее доход в крупном размере
Последствия	*Последствия*
Усложнение конструкции нормы. Правоприменитель должен установить «предпринимательскую деятельность», доказать отсутствие регистрации или лицензии и только затем установить, что субъект, осуществляя эту деятельность, получил какой-то ***результат предпринимательской деятельности*** – «извлечение дохода в крупном размере или причинение ущерба»	Для правоприменителя видно, что закон требует установить факт получения дохода. Другими словами, важен ***результат***, т.е. доход в крупном размере Если установлен доход, то налицо состав преступления
Вывод: конструкция уголовно-правовой нормы значительно усложнилась	Вывод: конструкция уголовно-правовой нормы проста и понятна

Несмотря на то, что «экономические» нормы УК РФ относятся к числу наиболее современных норм уголовного закона и представляют собой более качественный, чем прежде, уровень уголовно-правовой охраны экономических отношений, соответствующий нынешнему этапу развития общества[1], на практике наиболее часто применяются только шесть от общего количества норм главы 22 УК РФ. Таким образом, удельный вес наиболее часто применяемых «экономических» уголовно-правовых норм составляет всего 14 %. За время действия УК РФ 1996 г.

[1] См. *Лопашенко Н.А.* Некоторые проблемы наказания за преступления в сфере экономической деятельности // Законность. 1997. № 12. С. 33; *Караханов А.* Изменения законодательства о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2004. № 5. С. 32.

судами общей юрисдикции г. Томска рассматривались дела только по следующим статьям:

1) Незаконное предпринимательство (ст. 171);

2) Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186);

3) Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191);

4) Уклонение от уплаты налогов с организаций (ст. 199).

В 1997–2011 гг. судами в указанных регионах были рассмотрены дела и по ст. 188 и 200 УК РФ, устанавливавших ответственность за контрабанду и обман потребителей. В настоящее время ст. 200 на основании Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г. утратила силу. На основании Федерального закона РФ от 7 декабря 2011 года утратила силу и ст. 188, устанавливавшая ответственность за контрабанду.

Что касается остальных статей, устанавливающих ответственность за совершение преступлений данной группы, то их применение на практике за всё время действия УК РФ 1996 г. (далее – УК) было очень редким. Наиболее редко применялись и применяются именно новеллы. В то же время из 42 статей УК, в которых установлена ответственность за совершение экономических преступлений, 26, т. е. свыше половины (!), представляют собой именно новеллы.

Приведённые факты свидетельствуют о несовершенстве уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономики. Об этом же свидетельствуют результаты анкетирования 148 судей г. Томска. Все опрошенные судьи отметили, что в диспозициях уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение экономических преступлений, существует большое количество как пробелов, так и противоречий. В связи с этим, по их мнению, и возникают затруднения, связанные с толкованием диспозиций отдельных «экономических» уголовно-правовых норм, с практическим применением указанных норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние годы произошло существенное обновление уголовного законодательства в области борьбы с экономическими преступлениями. Указанные изменения были направлены на совершенствование правовой охраны экономических отношений. Но этот процесс в ближайшем будущем не завершится.

Российская экономика активно развивается, все более интегрируется в международное сообщество. Вступление России в ВТО и другие международные экономические организации мирового и регионального уровня требует принятия международных обязательств, в том числе и криминализации деяний, которые не были ранее известны российскому уголовному законодательству, но запрещены во многих странах и осуждаются международным сообществом.

После кризиса 2008 г. были предприняты шаги по ликвидации его последствий. В Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г., утвержденной Правительством РФ 19 июля 2009 г., говорилось о создании благоприятных условий для экономического подъема за счет совершенствования важнейших рыночных институтов, снятии барьеров для предпринимательской деятельности. Это же отмечалось и в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2010–2012 гг. В настоящее время осуществляются мероприятия по развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольного регулирования. Одновременно особое внимание уделяется поддержке и стимулированию развития малого и среднего предпринимательства. На этом фоне серьёзных изменений ждут и положения главы 22 УК РФ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

1 Уголовно-правовая охрана экономических отношений в Российской Федерации 7
1.1 Экономические отношения как объект уголовно-правовой охраны 7
1.2. Задачи уголовного права в охране экономических отношений в Российской Федерации 35
1.3. Тенденции развития уголовного законодательства, охраняющего экономические отношения 60

2. Принципы криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность в Российской Федерации 71
2.1 Понятие и система принципов криминализации общественно опасных деяний и проблемы их реализации 71
2.2. Общие и специальные принципы криминализации общественно опасных деяний, посягающих на экономическую деятельность в Российской Федерации 93

3. Положения законодательной техники о формулировке признаков преступлений в сфере борьбы с преступлениями, посягающими на экономическую деятельность, и проблемы их реализации 117
3.1 Общие положения законодательной техники, используемые при формулировке признаков преступлений, посягающих на экономическую деятельность, и проблемы их реализации 117
3.2. Специальные правила законодательной техники, используемые при формулировке признаков преступлений, посягающих на экономическую деятельность, и проблемы их реализации 143

Заключение 166

Научное издание

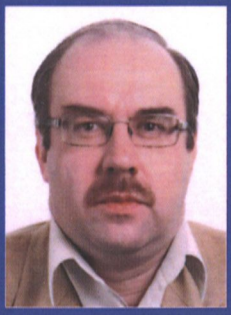
Игорь Владиславович ЛОЗИНСКИЙ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Редактор *А.И. Корчуганова*
Верстка *А.И. Пшеничникова*

Подписано в печать 02.04.2013 г. Формат 60x84 1/16.
Печ. л. 10,5. усл. печ. л. 9,8. уч.-изд. л. 9,6.
Тираж 500. Заказ 24.

ООО «Издательство ТГУ», 634021, г. Томск, пр. Фрунзе, 123
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28

Лозинский Игорь Владиславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета.

Сфера научных интересов: экономическая преступность, проблемы законодательной техники.